

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО №32 (132)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008**

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 2

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., член-корр. РАО Асмолов А.Г.,
д.пс.н., проф. Батурин Н.А. (*отв. редактор*),
к.м.н., доц. Березин М.А. (*отв. секретарь*),
д.пс.н., проф. Грязева-Добшинская В.Г.,
д.пс.н., проф. Доценко Е.А.,
д.пс.н., проф. Зинченко Ю.П.
д.пс.н. Знаков В.В.,
д.пс.н., член-корр. РАО Малых С.Б.,
д.пс.н. Солдатова Е.Л.,
д.пс.н. Ушаков Д.В.

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

БАТУРИН Н.А. Современная психодиагностика России	4
БЕЛОВА А.П., МАЛЫХ С.Б., САБИРОВА Е.З., ЛОБАСКОВА М.М. Оценка депрессивности в подростковом возрасте	10
БЕРЕБИН М.А., АСТАЕВА А.В. К вопросу о качественном и психометрическом подходах в современной нейропсихологической диагностике	19
ВЫБОЙЩИК И.В. Оценочный стиль как один из факторов точности оценивания.....	29
ГРЯЗЕВА-ДОБШИНСКАЯ В.Г. Технологии диагностики динамики личности и группы на основе интеграции методов проекции и психосемантики	37
ДОРФМАН Л.Я. Наблюдаемые и теоретические объекты в психологических измерениях	45
МАНИЧЕВ С.А. Профессиональные стандарты как основа сертификации в области психологии	51
УШАКОВ Д.В. Современные технологии и проблема объективности психологического тестирования	62
ЧЕРВИНСКАЯ К.Р. Психологическая концепция извлечения экспертных знаний на моделях медицинской психодиагностики	68
ЩЕЛКОВА О.Ю. Задачи психологической диагностики в клинической медицине	81
Научная жизнь	
Всероссийская конференция «Современная психодиагностика в изменяющейся России» (г. Челябинск, 9–10 сентября 2008 г.)	91
Официальные документы	
Постановление Президиума Российского психологического общества от 04.07.2008 г.	95
Abstracts and keywords	97

CONTENTS

BATURIN N.A. Russian contemporary psychodiagnostics	4
BELOVA A.P., MAKYKH S.B., SABIROVA E.Z., LOBASKOVA M.M. Children depression inventory as a tool for adolescents depression estimation on russian community sample	10
BEREBIN M.A., ASTAEVA A.V. On the issue of the qualiti and the psychometric approaches in modern neuropsychological diagnostic	19
VYBOYSHCHIK I.V. Evaluation style as a factor of accuracy of evaluation	29
GRYASEVA-DOBSHINSKAYA V.G. Technologies of psychodiagnostics of the dynamics of a personality and a group on the basis of methods of projection and psychosemantics	37
DORFMAN L.YA. Observable and theoretical entities in psychological measurements	45
MANICHEV S.A. Professional standards for certifications in the field of psychology	51
USHAKOV D.V. Modern technologies and objectivity of psychological assessment	62
CHERVINSKAYA K.R. The psychological conception of expert knowledge elicitation on models of medical psychodiagnosis	68
SHCHELKOVA O.YU. The tasks of psychological diagnosis in the clinical medicine	81
Scientific life	
The All-Russian conference « Modern psychodiagnostics in the changing Russia » (Chelyabinsk, from 9 to 10 of September, 2008)	91
Official documents	
The decision of Presidium of the Russian psychological society from 04.07.2008	95
Abstracts and keywords	97

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА РОССИИ

Н.А. Батури

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в отечественной психодиагностике, которую, по мнению авторитетных отечественных психологов, можно обозначить, как кризисную. В работе предпринята попытка разобраться в причинах кризиса и выделены пять основных причин. Для преодоления кризиса предложены некоторые организационные мероприятия и содержательные действия, требующие активной деятельности всего психологического сообщества¹.

Ключевые слова: психодиагностика, кризис, анализ причин, пути выхода.

Психодиагностика, по мнению многих авторитетных отечественных психологов, переживает серьезный кризис. Развитие ситуации в психодиагностике происходило по более пессимистическому сценарию, чем считал автор этой статьи 7 лет назад (Батури, 2001). Разобраться в причинах нарастающего кризиса и наметить пути выхода из него – это и есть основная задача данной статьи, подготовленной на основе обсуждения ключевых проблем психодиагностики на семинаре «Актуальные проблемы современной психодиагностики», организованном кафедрой Психологической диагностики и консультирования факультета психологии ЮУрГУ (руководители Н.А. Батури, А.Г. Шмелев) около г. Чебаркуля на озере Еловое, в котором участвовали Л.Ф. Бурлачук (Киев), С.Б. Малых (Москва), С.А. Маничев (Санкт-Петербург), В.Е. Орел (Ярославль), Е.Л. Доценко (Тюмень) и др., этот семинар уже получил среди соратников-психодиагностов название «Чебаркульский».

Многие из проблем психодиагностики носят системный характер, которые надо решать психологии в целом, чтобы не утратить своего звания науки, поскольку, как известно, наука выделяется как самостоятельная при наличии двух признаков: собственного предмета исследования и специфических методов исследования. Психодиагностика – это в значительной степени и есть методология психологии. Например, журнал одного из крупнейших издательств психодиагностических тестов Европы (Hogrefe) на-

зывается «Methodology». Но его содержание принципиально отличается от отечественных изданий с подобным названием (Methodology, 2007; Методология и история психологии, 2007).

Первая и возможно самая главная причина кризиса – это почти полное отсутствие в России профессиональных разработчиков психодиагностических методик. Психологов, чьи научные и практические интересы в основном сконцентрированы на разработке новых подходов психологического исследования, создании и стандартизации новых профессиональных психодиагностических методик, а так же способов проверки методик на надежность и валидность. Тех, кто посвятили свою научную жизнь психодиагностике. Конечно, к ним не относятся разработчики одной-двух методик, которые предназначены для собственного исследования какой-то частной проблемы.

Для примера, чтобы было ясно, кто имеется в виду, можно назвать фамилии А.Г. Шмелева (МГУ) и Н.А. Курганского (СПбГУ). К этим фамилиям можно добавить еще десяток другой с разной степенью приближения. Но это фактически все, чем располагает отечественная психодиагностика. Понятно, что такое количество даже хороших профессионалов – это капля в море.

То, что у нас действительно мало профессиональных психодиагностов свидетельствует и такой факт: за всю историю отечественной психологии из почти 1100 докторских диссертаций по психологии было защищено только семь диссертаций, прямо посвященных психодиагностике: К.М. Гуревич (1970), Ю.З. Гильбух (1982), Л.Ф. Бурлачук (1989), В.Н. Дружинин (1991), А.Г. Шмелев (1994), В.К. Гайда (1994), Л.Н. Собчик (1999)

¹ Статья написана на основе пленарного доклада на Всероссийской конференции «Современная психодиагностика в изменяющейся России», организованной при поддержке РГНФ(№08-06-85682 г/у).

(Проблемы..., 2007). К сожалению только двое из них на сегодня являются работающими психодиагностами в России – это А.Г. Шмелев и Л.Н. Собчик.

В какой-то степени малое количество профессионалов связано с тем, что из списка научных специальностей, в свое время (в 2000 г.) исключили специальность «Дифференциальная психология и психодиагностика» (19.00.15). И теперь психолог, даже если пишет диссертацию по этим важнейшим для психологии и психологической практики областям исследования вынужден менять окраску и подгонять свою работу под существующие научные специальности.

Поэтому одна из задач преодоления этой причины кризиса психодиагностики заключается в подготовке профессиональных психодиагностов. Для этого, во-первых, необходимо ввести направление в магистратуре с таким содержанием обучения (кстати сказать, на факультете психологии ЮУрГУ с этого года начато экспериментальное обучение магистров по направлению «Дифференциальная психология и психодиагностика»). Во-вторых, нужно обратиться в Министерство образования и науки с просьбой ввести в число направлений обучения в аспирантуре, направление по отдельной специальности «Психодиагностика». И третье, психологическому сообществу (РПО) в перспективе нужно поставить вопрос перед ВАК, чтобы в число научных специальностей вернуть специальность «Дифференциальная психология и психодиагностика» для легализации защит по психодиагностической проблематике.

Необходимо так же увеличить число публикаций по разработке психодиагностических методов и психометрике. Изданная по инициативе Л.Ф. Бурлачука 10 лет назад книга П. Клайна (П. Клайн, 1994) уже давно стала раритетом.

Вторая проблема кризиса психодиагностики – очень тесно связана с первой – это очень малое количество полноценных отечественных психодиагностических методик. Таких методик, которые могли бы на равных конкурировать с известными современными зарубежными методиками (см. Компендиум..., 2007).

Эта проблема усугубляется тем, что у российских психологов неоправданное высокое доверие к любым зарубежным методикам и особенно брендовым, таким, как шкалы Векслера, MMPI, CPI, 16-PF, методики Розенцвейга, Амтхауэра и т.д. И это одна

из больших бед отечественной психодиагностики. Дело в том, что почти все эти тесты попали в СССР в 50–60 годы. Они были переведены не всегда хорошо, иногда неизвестно кем. Например, в переводе теста Амтхауэра содержатся десятки ошибок. В подавляющем большинстве случаев эти тесты не были по-настоящему адаптированы и не были заново проверены на надежность и валидность. Более того, фактически все они не были стандартизированы. Большинство психологов не знает об этом и поэтому до сих пор искренне пользуется ими, а ведь при этом они сравнивают результаты современных исследований с американскими (или немецкими) нормами 50–60 годов. Поэтому полученные результаты всегда не только сомнительные, но и искаженные неадекватными нормами. Еще хуже то, что использование всех этих методик распропагандировано в отечественных учебных пособиях и учебниках по психодиагностике.

В принципе нам давно нужно отказаться от этих методик. Что они измеряют – не известно, а кроме того они давно устарели. За рубежом используются уже 3 и 4 варианты модификации этих методик, причем они отличаются от старых и по составу субтестов, и по содержанию заданий в субтестах или вопросам в субшкалах (Tests in print V, 1999).

Более того большинством зарубежных тестов, которые у нас много лет в ходу, нельзя пользоваться, потому что они контрафактные. Издатели просто не имеют на них никаких прав. Хотя справедливости ради надо признать, что начальное их распространение происходило до подписания Россией Конвенции об охране авторских прав (Распоряжение..., 1994).

Однако, недавний инцидент с иском к компании «Психодиагностика» (Ярославль), по поводу несанкционированной продажи методики MBTI, говорит о том, что нам всем предстоит сделать выбор: или продолжать пользоваться пиратскими копиями и находиться под прицелом законов, или начать улаживать отношения с владельцами прав на их распространение. Как это сделали сотрудники той же «Психодиагностики» в отношении методики Big five (Большой пятерки), получив права на ее адаптацию и распространение в России у владельцев прав на данный тест у издательства PAR (Орел, Сенин, 2008).

Нужно понять всем, что вступившая в силу с 1 января 2008г. 4-я часть Гражданского Кодекса РФ, в которой содержатся законы об охране авторских прав и интеллектуальной собственности, должна изменить ситуацию на рынке распространения тестов у нас в стране (Гражданский кодекс РФ, часть IV, 2008).

Недавно в Ливерпуле (Великобритания) состоялась Шестая конференция Международной комиссии по тестам (ИТС) (Батурин, Науменко, 2008). Она показала, что для интеграции в мировую психологию от нас требуют безоговорочного выполнения международных законов. Тем более что РПО подало заявку на вступление в члены ИТС и с середины 2008 г. стало ее полным членом. Бытующее у нас представление о том, что тесты охраняются на уровне литературных произведений, не соответствует действительности. Но даже если бы авторские права на тесты охранялись только значком «с» в кружочке «с – копирайт» – для защиты авторских прав по международным законам этого уже достаточно. Даже просто переводить текст методики и публиковать его нельзя без письменного разрешения владельца прав.

Еще одна проблема, относящаяся к использованию зарубежных психодиагностических методик, это то, что мы кроме нескольких тестов не знаем о многих других и тем более о новейших разработках. Например, в *Journal of Personality Assessment* еще за далекий 1994 год приведен рейтинг наиболее используемых среди практических психологов США 24 методики. Из них в России хорошо известны – только четыре: Векслер, Роршах, ТАТ и ММРІ. Из остальных 20 немного знакомы еще две: WRAT и Stanford-Binet, аббревиатуры и названия остальных я лично видел впервые (Ball et al., 1994). Если же просмотреть более 3 тысяч методик вошедших в седьмое издание *Test in print*, то станет ясно, насколько мы отстали в индустрии разработки и издания психодиагностического инструментария (*Tests in print VII*, 2006).

Малого количества отечественных профессиональных методик, проверенных по всем параметрам и издаваемым в специализирующихся на этом фирмам, толкает авторов исследований, дипломов и диссертаций на разработку собственных «одноразовых методик», которые используются только данным автором в одном исследовании. Известно, чтобы создать профессиональную психодиагностическую методику требуются

годы работы и чаще всего целого коллектива специалистов. Поэтому можно почти безошибочно априори утверждать, что изобретенные под исследовательскую задачу методики – это «сырые», не до конца проверенные чаще всего даже на простые виды валидности. В чем исследователей-то их придумавших и использовавших в своих работах совместно как-то даже обвинять, поскольку не от хорошей жизни они взялись за эту работу, а потому, что арсенал наших методик очень беден. За сто лет работы было создано только около 700 отечественных методик (См. Компендиум..., 2007), в который пока включено немного более 600.

Из сложившейся ситуации возможно несколько выходов:

1. Первый – выйти на контакты с зарубежными издательствами, получить право на адаптацию и распространение всех необходимых методик, сертифицировать их по нашим стандартам. Но это означает, что Россия будет полностью зависеть от зарубежных производителей и отечественная психодиагностика постепенно прекратит свое существование.

2. Второй – использовать только отечественные методики, доведя их уровень до необходимых требований, постепенно разрабатывать новые тесты и постепенно отказаться от всех зарубежных тестов. Но это приведет к полной изоляции России от мировой психодиагностики и в конечном итоге всей психологии. А кроме того на такой подвиг у нас нет ни кадров, ни денег.

3. Третий – принять промежуточный вариант и получить права на адаптацию 20–30 зарубежных тестов, в том числе последних версий популярных в России методик и провести их качественную стандартизацию. Кроме того, интенсифицировать работу над отечественными методиками с хорошими перспективами. Проверить их по всем параметрам и сертифицировать. Такой сценарий развития был одобрен всеми участниками семинара «Актуальные проблемы современной психодиагностики» (см. выше).

Третья причина кризиса психодиагностики – это низкая психодиагностическая и особенно психометрическая культура наших психологов-пользователей тестов.

Многие годы на это все закрывали глаза. Так как не знали, как противостоять некачественной подготовке психологов на многочисленных факультетах и факультетиках, где просто нет преподавателей, способ-

ных на необходимом уровне обучить студентов правильной технике психодиагностики. Да и учебное время, отведенное стандартом подготовки психологов на предмет «Психодиагностика» явно недостаточно, не то чтобы выработать необходимые компетенции, но даже научить правильно пользоваться тестами.

Это особенно заметно при защите дипломов и диссертаций. Большинство их авторов использует различные методики, но почти никто не задается вопросом, а какова их надежность и валидность, а получены ли для них нормы на репрезентативной выборке? Исторически сложившееся полное доверие и некритичность наших соотечественников к печатному слову порождает полное доверие к любой напечатанной в книге или журнале методике, особенно иностранной, причем в большинстве своем взятых из популярной литературы. В итоге всеядность пользователей, о которой все знают, приводит к тотальному недоверию к результатам психологических исследований. В первую очередь самих же психологов. Во многих областях психологической практики почти не используют тесты по стойкому убеждению этих психологов в их низкой валидности и надежности. Практики заменяют тесты на различного рода интервью и визуальную оценку, что по результатам многочисленных исследований намного хуже (Анастаси, Урбина, 2007).

Одно из средств противостоять разноразличной подготовке психологов и повышения психодиагностической культуры, на наш взгляд, – это внедрение процедур сертификации, во-первых, психодиагностических методик, во-вторых, психодиагностов-пользователей; в-третьих, услуг в области психодиагностики. Сертификация – это не только проверка уровня компетенции в психодиагностике, но, главное, предшествующее этой проверке обучение, повышение квалификации, в том числе путем супервизии у опытных специалистов, которые сами должны пройти предварительную аттестацию в органах сертификации РПО. Сертификация методов психодиагностики – это общепринятая практика проверки качества методик, ее соответствия принятым международным стандартам (АПА, BPS). Кроме того, право оказывать услуги населению в области психодиагностики давать только индивидуальным предпринимателям и организациям, сотрудники которых прошли сер-

тификацию РПО и проводят диагностику по сертифицированным методикам (Маничев, 2008).

Второе средство – пересмотр Программы учебных курсов Психодиагностики и Практикума по психодиагностике, а затем разработка согласованных Программ для переподготовки психологов в области психодиагностики.

Четвертая причина кризиса – это малое количество качественных отечественных учебников по современной психодиагностике. До сих пор рука у отечественных авторов поднималась в основном до учебных пособий. Да и тех было не много.

Думаю, со мной согласятся и их авторы и читатели. Содержание пособий повторяют друг друга, предлагаемый для изучения материал, остается где-то на уровне 70–80-х годов прошлого века. В них нет современного содержания, соответствующего сложившимся международным реалиям. Тесты, которые описываются в учебных пособиях, давно устарели и их пропаганда в процессе обучения усугубляет проблему. Несмотря на это, например, такие пособия, как «Общая психодиагностика» (ред. Бодалев, Столин, 1987), «Психодиагностика» (ред. Шмелев, 1996) до сих пор сохраняют свое значение.

Отдельно хочется сказать о недавно вышедшем учебнике «Психодиагностика» Л.Ф. Бурлачука (2007). Его трудно назвать учебником – это полноценная научная монография хорошего качества. Думаю, что название ее учебником – это издательский ход для увеличения тиража.

Для примера приведу бытующее у нас понимание ипсативной шкалы как шкалы полученной путем накопления данных на одного человека. Однако современные тесты, разработанные по ипсативной технологии, не требуют этого, например, тест орq 32 (SHL Group, 2008). Другие примеры серьезного отрыва теории и практики отечественной психодиагностики от зарубежной тестологии содержатся в опубликованном в этом Вестнике отчете о 6-й Конференции ИТС (Батурин, Науменко, 2008).

Выход из этой ситуации возможен только путем подготовки учебника по «Современной психодиагностике», написать который под силу только большому коллективу авторов с привлечением зарубежных тестологов, поскольку некоторые разделы тестологии и психометрики нам просто неизвестны. Задачу написать такой учебник по-

ставили перед собой участники чебаркульского семинара.

Пятая причина кризиса – это порочная практика издания в открытой печати и распространения фирмами-изготовителями психодиагностических методик сложившаяся у нас в стране.

Все вы знаете, что методики при желании у нас может купить каждый, независимо от образования и наличия компетенций по работе с ними. Более того, методики полностью и текст, и ключи, и интерпретатор печатаются в открытой печати и становятся доступны всем. Я не говорю уже о печально известных книгах типа «Лучшие психологические тесты» или об Издательстве «Речь», давно промышляющем подобными публикациями, но когда профессиональный журнал «Психодиагностика» занялся поднятием тиража путем подобной же публикации методики, причем на которую у автора адаптации нет юридических прав (Психодиагностика, 2007).

Для того чтобы изменить ситуацию с распространением методик Президиум Российского психологического общества недавно принял специальное Постановление от 04.07.2008, в котором вводятся ограничительные меры на подобную практику и предполагается даже введение доступных РПО санкций против нарушителей.

Кроме того, в этом же Постановлении Комиссии по Психодиагностике Президиума РПО предложено разработать Меморандум фирм-изготовителей, в котором бы самими фирмами согласовали правила распространения методик и привели бы их в соответствие с нашими Законами и международной практикой (Постановление..., 2008).

И, наконец, в Постановлении высказывается предложение подготовить Этический кодекс психолога-психодиагноста.

Кстати, на прошедшем в июле этого года XXIX Международном конгрессе психологов было сообщено о том, что разработан и одобрен Международный этический кодекс психолога. Каждая страна членов Международного союза психологических наук (IUPsyS), а Россия (РПО) восстановила свое членство в этой влиятельной организации, может взять Международный этический кодекс за основу и дополнить специфичными для нее собственными положениями. Скорее всего, в Кодексе оговорены и правила деятельности психологов в области психодиагностики. Комиссии по психодиагностике легче будет выполнить свою миссию по под-

готовке Российского Этического кодекса психолога-психодиагноста.

Таким образом, положение дел в области психодиагностики признано как критическое. Выделены наиболее существенные проблемы, требующие скорейшего разрешения. Некоторые из путей решения этих проблем выработаны в ходе семинара по современной психодиагностике (Чебаркуль, 2008) и сформулированы в этой статье, стали основой решений Всероссийской конференции «Современная психодиагностика в изменяющейся России», прошедшей в Челябинске в сентябре этого года, и вошли в принятую на конференции Резолюцию (см. Батури, Мельникова, Шмелев, 2008).

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2007. – 687 с.

2. Батури, Н.А. Компендиум психодиагностических методик России (1997–2007гг.): описание и первичный анализ / Н.А. Батури, А.В. Пичугова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 1. – №31. – С. 63–68.

3. Батури, Н.А. Психодиагностика в России / Н.А. Батури // Вестник практической психологии образования. – 2004. – №1. – С. 24–27.

4. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для ВУЗов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Изд-во «Питер», 2008. – 384 с.

5. Вопросы присоединения РФ к ряду международных конвенций в области охраны авторских прав: Распоряжение Президента РФ от 25. 03. 1994 / Собрание актов Президента и Правительства РФ 1994 // Гражданское Законодательство. – 1994. – №13. – С. 231.

6. Гражданский кодекс РФ. – М.: Эксмо, 2008. – 880 с.

7. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование / П. Клайн / под ред. Л.Ф. Бурлачука. – Киев: Изд-во ПАН Лтд, 1994. – 688 с.

8. Маничев, С.А. Профессиональные стандарты как основа сертификации в области психологии / С.А. Маничев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – №32. – С. 51–61.

9. Методология и история психологии: научный журнал / под ред. А.Г. Лидерса. – М.:

ООО «Исследовательская группа “Социальные науки”». – 2007. – Т. 2. – Вып. 3. – 247 с.

10. *Общая психодиагностика: учебное пособие* / А.А. Бодалев, В.В. Столин, В.С. Аванесов и др. / ред. А.А. Бодалев, В.В. Столин. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 304 с.

11. Орел, В.Е. *Личностные опросники NEO PI-R, NEO FFI: руководство по применению* / В.Е. Орел, И.Г. Сенин. – Ярославль, 2008. – 39 с.

12. *Основы психодиагностики: учебное пособие* / под ред. А.Г. Шмелева. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 544 с.

13. *Постановление Президиума Российского психологического общества от 04.07.2008 г.* // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – №32. – С. 94–95.

14. *Проблемы психологического исследования. Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935–2007гг.* / А.Я. Анцупов, С.Л. Кандыбович, В.М. Крук и др. / ред. А.Я. Анцупов. – М.: Студия «Этника», 2007. – 232 с.

15. *Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал* / под ред. М.К. Акимовой – М.: ООО «Иссле-

довательская группа “Социальные науки”». – 2007. – №2. – 136 с.

16. Ball, J.D. *Time requirements of Psychological Testing: A Survey of Practitioners* / J.D. Ball, R.P. Archer, E.A. Imhof // *Journal of Personality Assessment*. – 1994. – №63 (2). – P. 239–249.

17. *Methodology: European Journal of Research Methods for the Behavioral and Social Sciences* / Managing Editor Christian Geiser. – Gottingen: Hogrefe & Huber Publishers. – 2007. – V. 3. – №4. – 176 p.

18. Murphy, L.L. *Tests in print V* / L.L. Murphy, James C. Impara, B.S. Plake. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1999. – 1283 p.

19. Murphy, L.L. *Tests in print VII* / Linda L. Murphy, Robert A. Spies, Barbara S Plake. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 2006. – 2083 p.

20. *Opq 32: Technical Manual – Criterion-related Validity*. – London. SHL Group Limited, 2008. – 60 p.

Поступила в редакцию 01.10.2008.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

ОЦЕНКА ДЕПРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А.П. Белова, С.Б. Малых, Е.З. Сабирова, М.М. Лобаскова

В данной статье приводится описание адаптации и стандартизации методики подростковой депрессивности CDI (М. Ковач) в русскоязычной неклинической популяции. Выборку составили 826 подростков в возрасте 13–17 лет из Москвы, Бишкека и Ижевска. Стандартизованная методика показала высокую внутреннюю согласованность (Альфа Кронбаха 0,874), что свидетельствует о том, что данная методика может использоваться в качестве надежного инструмента диагностики депрессивности у русскоязычных подростков. Было также показано, что суммарный показатель депрессивности у девушек-подростков увеличивается при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту, а у мальчиков, напротив, уменьшается¹.

Ключевые слова: подростковая депрессивность, адаптация, стандартизация.

Детская и подростковая депрессивность стала одной из наиболее популярных тем психологических исследований в последние 4 десятилетия (например, обзоры Cicchetti, Toth, 1998; Kovacs, Devlin, 1998; Nolen-Hoeksema, Girgus, 1994; Petersen et al., 1993). Прежде всего, это связано с тем, что все больше детей и подростков начинают страдать от депрессивных проявлений наряду со взрослыми.

Согласно международным классификациям болезней DSM-IV и МКБ-10, признаками депрессивного эпизода являются следующие симптомы: депрессивное настроение большую часть дня, практически ежедневно (у детей и подростков может наблюдаться раздраженное настроение); заметное снижение интереса ко всем, или почти ко всем, занятиям или потеря удовольствия от них в течение большей части дня, практически ежедневно; заметное снижение или прибавление в весе (при отсутствии диеты) или заметное снижение или повышение аппетита практически ежедневно; бессонница или повышенная сонливость практически ежедневно; психомоторное возбуждение или заторможенность практически ежедневно; усталость или упадок жизненных сил практически ежедневно; ощущение собственной никчемности или чувство повышенной и неадекватной вины; снижение мыслительной способности или концентрации, либо нерешительность практически ежедневно; периодически появляющиеся мысли о смерти или

самоубийстве. Для постановки диагноза необходимо присутствие в течение одного и того же двухнедельного периода пяти или более из перечисленных выше симптомов.

Однако даже на доклиническом уровне депрессия может оказывать значительное негативное влияние на жизнь детей, подростков и взрослых (Nolen-Hoeksema et al., 1992). Доклинические проявления депрессии могут сопровождать ребенка или подростка месяцами, а иногда даже годами, оказывая разрушающее влияние на общение со сверстниками, обучение и другие жизненные сферы. Более того, в исследовании Gotlib et al. (1995) показано, что подростки, которые имеют высокий уровень депрессивности, но не отвечают диагностическим критериям депрессии, зачастую страдают от столь же высокого уровня социальной дезадаптации, как и подростки с клинически диагностированной депрессией. Считается, что дети и подростки с высоким уровнем депрессивности имеют повышенный риск заболеть клинической депрессией в будущем (Harrington, 1994). Поэтому высокие показатели депрессивности, даже на доклиническом уровне, заслуживают очень пристального внимания сами по себе. В настоящее время исследуется специфика детских депрессивных проявлений по сравнению с депрессией у взрослых, преемственность депрессивных проявлений в различных возрастах (особенно между детским и подростковым возрастом), гендерные различия, связанные с депрессией, факторы риска и т.д. Кроме того, подход к депрессивности с точки зрения исследования индивидуальных различий (а не только клинической диагностики), становится все более привычным.

¹ Работа выполнена при поддержке Роснауки, грант НШ-5774.2008.6.

В этой связи был разработан ряд психодиагностических методик, направленных на диагностику депрессивности у детей и подростков. Эти психодиагностические методики используют разные источники информации о депрессивных проявлениях, например, самоотчет (например, Birlerson, 1981; Kovacs, 1981), оценка депрессивных проявлений значимыми другими, например, учителями (Lefkowitz, Tesiny, 1980), одноклассниками (Lefkowitz, Tesiny, 1980), клиницистами (Poznan-ski, Cook, Carroll, 1979) или родителями (Pug-Antich, Chambers, 1978).

Методика CDI, разработанная М. Kovacs, является наиболее распространенной и используемой во всем мире методикой диагностики депрессивности у детей и подростков, не имеющих диагноза депрессии (фактически – направлена на изучение субклинических проявлений депрессии).

Описание методики CDI

Методика CDI (Children's Depression Inventory) представляет собой бланковую форму самоотчета для детей и подростков, направленную на самооценку присутствия и степени выраженности депрессивных симптомов (Kovacs, M., 1992). Методика состоит из 27 пунктов, в каждом из которых представлено по три утверждения. Задачей испытуемого является выбор одного утверждения, наиболее соответствующего самоописанию его состояния последние две недели. Методика предназначена для исследования детей и подростков 6–17 лет и позволяет оценить аффективные и когнитивные симптомы депрессии, соматические жалобы, социальные проблемы и проблемы в поведении. Разработчики методики исходят из предположения Бека о том, что депрессивные дети и взрослые демонстрируют сравнимый набор симптомов эмоционального, когнитивного, мотивационного и физического характера.

Данная методика была стандартизирована автором на выборке 1266 детей и подростков. В результате применения факторного анализа Kovacs было выделено 5 следующих факторов: «Негативное настроение», «Межличностные проблемы», «Личностная неэффективность», «Ангедония» и «Негативная самооценка».

С момента публикации методики было выполнено множество работ, направленных на выявление психометрических свойств CDI. Большинство из них подтвердили вы-

сокую психометрическую надежность опросника. Данные свидетельствуют о высокой внутренней согласованности вопросов, образующих методику ($\alpha \geq 0,8$) и высокой ретестовой надежности (Kovacs at al., 1992; Smucker at al., 1986). Проверка дискриминантной и конвергентной валидности методики тоже, как правило, давала положительные результаты (Craighead at al., 1995; Hodges, 1990).

Однако валидность шкал, входящих в методику CDI, проверяемая методом факторного анализа, вызывает гораздо больше дискуссий и дает гораздо менее однозначные результаты.

Факторная структура методики CDI

В исследовании Carey и соавторами (Carey at al., 1987) в 1987 был проведен факторный анализ результатов сравнительного тестирования по методике CDI двух выборок испытуемых – здоровых и больных депрессией детей и подростков. В результате применения факторного анализа было выделено всего 3 фактора, проинтерпретированных как «Депрессивный аффект», «Оппозиционное поведение» и «Приспособленность». Лишь два из них – «Депрессивный аффект» (безрадостное настроение, желание плакать, нежелание общаться, невозможность получить удовольствие и т.п.) и «Оппозиционное поведение» (нежелание выполнять просьбы, ссоры с другими людьми, необходимость заставлять себя делать домашние задания, чувство вины за происходящие неприятности и т.п.) оказались достаточно устойчивыми и на клинической, и на популяционной выборке. Эти факторы обладают высокой способностью разграничивать депрессивных больных и здоровых подростков, а также дифференцировать больных с депрессией от испытуемых с другими диагнозами. В сумме эти два фактора объясняли 30% разброса ответов респондентов.

В 1991 году Bahr Weiss и соавторы (Weiss at al., 1991) опубликовали результаты факторного анализа CDI на большой клинической выборке детей и подростков. Этим исследователям, также как и Kovacs, удалось получить пятифакторную структуру данных. Однако содержание этих факторов значительно отличалось. Так, по результатам исследования подростков были выделены следующие факторы:

1. Негативное настроение и соматические жалобы (включающий такие высказыва-

ния, как «мне всегда грустно», «я опасаясь, что со мной случится что-то плохое», «у меня часто возникает желание плакать», «я все время о чем-нибудь беспокоюсь», «я часто плохо сплю», «я все время чувствую усталость», «у меня плохой аппетит», «у меня все время что-нибудь болит», «я часто чувствую себя одиноким»).

2. *Негативная самооценка* (с такими высказываниями, как «у меня никогда ничего не получится так, как мне хочется», «я все делаю неправильно», «окружающие всегда недовольны мной», «я ненавижу себя», «все неприятности происходят по моей вине», «мне сложно на что-либо решиться», «я выгляжу уродливо», «я хуже других ребят»).

3. *Ангедония и социальная изоляция* («меня ничто не радует», «я не хочу бывать с людьми», «мне никогда не бывает интересно в школе», «у меня нет друзей»).

4. *Экстернализация* («Я никогда не делаю то, о чем меня просят», «окружающие всегда недовольны мной», «я все время ссорюсь с людьми»).

5. *Проблемы в школе* («Мне приходится заставлять себя выполнять домашние задания», «сейчас у меня плохие оценки по тем предметам, которые раньше удавались», «мне никогда не бывает интересно в школе»).

В более поздних работах (Cole at al., 2000; Craighead at al., 1998; Drucker at al., 2002) с помощью эксплораторного факторного анализа, также выделялись факторы, несколько отличные от выделенных Kovacs в оригинальной методике.

При анализе всего разнообразия факторных решений, полученных различными авторами на различных выборках, Steele и коллеги (Steele at al., 2006) пришли к выводу, что существует три «обязательных» фактора CDI, которые выделяются в любом факторном решении и совпадают с тремя из пяти факторов, выделенных Kovacs – факторы «Негативное настроение/дисфория», «Низкая самооценка / Я-концепция» и «Экстернализация / оппозиционное поведение», хотя сама Kovacs определила последний фактор несколько иначе – «Межличностные проблемы». Согласно данным Steele, повторяемость этих факторов говорит об их высокой устойчивости и независимости от культуральных особенностей.

Кроме этих «обязательных» факторов обычно выделяется еще несколько «факультативных» факторов, варьирующих от исследования к исследованию. Так, напри-

мер, Kovacs выделила еще факторы «Неэффективности» и «Ангедонии», Craighead и соавторы (Craighead at al., 1998) выделили также факторы «Социальные проблемы», «Проблемы в школе» и, только для подростков, фактор «Биологической дисрегуляции». В исследовании Drucker и соавторов выделилось два дополнительных фактора – «Безнадежность» и «Соматические симптомы». Несмотря на схожесть названий некоторых «факультативных» факторов, например, «Биологическая дисрегуляция» и «Соматические симптомы», в действительности они имеют у разных авторов разную содержательную нагрузку. Это свидетельствует об их зависимости от выборки или популяции, на которой проводится исследование, либо определяются в зависимости от особенностей методов, использованных для получения факторного решения. Важно отметить, что в большинство перечисленных исследований выделенные факторы объясняли лишь небольшую долю общего разброса ответов респондентов – около 30% дисперсии.

Средние показатели депрессивности нормативной выборки испытуемых

Согласно данным Kovacs, среднее значение показателей методики CDI полученное на выборке 860 детей и подростков в возрасте 8–14 составило 9,28 баллов, а среднее значение для подростков 12–15 лет – 9,72 балла.

В исследовании Финч с соавторами (Finch at al., 1985) на выборке 1463 детей и подростков, учащихся 2–8 классов определено среднее значение показателя депрессивности по методике CDI – 9,65. В исследованиях более позднего периода эти показатели составили 10,10 (стандартное отклонение $D=7,13$).

Возрастная динамика и гендерные особенности

В 2002 году Jean M. Twenge и Susan Nolen-Hoeksema опубликовали работу, посвященную метаанализу 310 исследований, в которых использовался CDI (Twenge at al., 2002). В этих исследованиях приняли участие 61424 детей в возрасте от 8 до 16 лет. В результате анализа среднеарифметических показателей депрессивности было обнаружено несколько устойчивых тенденций. Оказалось, что показатель депрессивности у девочек остается стабильным в возраст-

те 8–11 лет и повышается в возрасте 12–16 лет. Уровень депрессивности у мальчиков в возрасте 8–16 лет не изменялся, за исключением некоторого увеличения в 12-ти летнем возрасте. В целом в детском возрасте девочки менее склонны к депрессивным переживаниям, чем мальчики. но, начиная с возраста 13 лет, ситуация меняется, и девочки начинают сообщать о большем, чем у мальчиков, количестве симптомов.

Однако, несмотря на обилие результатов, полученных с помощью CDI, в настоящее время методика исследования депрессивности применяется преимущественно за рубежом. Поэтому весь объем полученных данных не всегда может быть адекватно перенесен на популяцию российских подростков. В этой связи нами предпринято исследование уровня депрессивности с помощью методики CDI в выборке российских подростков.

Апробация методики CDI на русскоязычной выборке подростков *Перевод утверждений методики и выбор вопросов*

Согласно литературным данным (Twenge et al., 2002), в разных культурах могут существовать некоторые специфические особенности депрессивных переживаний. Поэтому непосредственно перед переводом входящих в состав методики вопросов были выполнены следующие действия.

1. Проанализированы ряд российских и зарубежных литературных источников (в том числе Международная классификация болезней МКБ-10), в которых выделяются основные симптомы подростковой депрессии.

2. На основе этого анализа было выделено несколько характеристик (симптомов) депрессии, которые являются наиболее общепринятыми и характерными для подросткового возраста.

3. Полученный список характеристик был сопоставлен с вопросами, имеющимися в оригинальном опроснике М. Kovacs (CDI). Как и ожидалось, абсолютное большинство характеристик, выделенных в литературе, совпадало с содержанием вопросов CDI. Не был упомянут в опроснике лишь один характерный для подростков вариант негативного эмоционального состояния при депрессии – раздражительность. Поэтому пункт о раздражительности был включен в опросник в качестве дополнительного вопроса. Кроме этого высказывания в методику были вклю-

чены еще 3 вопроса, касающиеся когнитивных нарушений (памяти, концентрации внимания) и переживания, которые также могут быть проявлениями депрессии у подростков. Однако последние 3 вопроса на предварительном этапе исследования показали плохую согласованность с оценкой депрессивности в целом (видимо, в связи с тем, что часто являются также признаками совершенно других психологических особенностей и состояний) и поэтому были исключены из дальнейшего рассмотрения в этой статье.

4. Все вопросы, входящие в состав оригинальной методики CDI были переведены на русский язык эквивалентно сформулированными вопросами.

Таким образом, нами анализировалось распределение результатов ответов испытуемых подростков на 28 вопросов методики².

Описание выборки

При стандартизации опросника CDI на русскоязычной выборке была собрана информация об исследовании 826 подростков в возрасте 13–17 лет. Однако после проверки добросовестности заполнения опросников и наличия всех необходимых социодемографических данных, некоторые из них были исключены из анализа.

Окончательную выборку стандартизации составили 713 подростков из Москвы, Бишкека и Ижевска в возрасте от 13 до 17 лет. Из них младших подростков (13–14 лет) – 208 человек; старших подростков (15–17 лет) – 505 человек. В гендерном отношении выборка представлена 335 юношами и 378 девушками. Опросник М. Ковач предлагался всем участникам для самозаполнения в присутствие психолога совместно с другими опросниками для исследования особенностей эмоциональной сферы.

Внутренняя согласованность методики

Для проверки согласованности вопросов, включенных в методику CDI рассчитывался показатель α Кронбаха. Кроме того, для каждого из пунктов опросника была получена оценка корреляции его среднего балла с суммарным баллом и вычислена величина показателя α в случае, если бы данный вопрос был удален из методики. Для полного варианта методики, который состоял из 28 вопросов (27 вопросов оригинального опросника Kovacs и

² 28 вопросов анализировалось для выборок, собранных в Москве и Ижевске. Жители Бишкека отвечали на модифицированную версию опросника, в которой анализировалось 27 вопросов.

один вопрос на выявление чувства раздражения, который был включен на основании анализа литературных данных), показатель внутренней согласованности α оказался весьма высоким ($\alpha=0,874$), что свидетельствует о высо-

кой степени однородности опросника. Результаты проверки надежности каждого из вопросов представлены в табл. 1.

Согласованность пунктов опросника

Таблица 1

Вопросы	Корреляция балла ответа на вопрос и суммарного показателя по методике CDI	Значение α Кронбаха в случае удаления пункта
Я всегда чувствую себя одиноким	0,600	0,865
Я хуже других ребят	0,587	0,865
Я ненавижу себя	0,575	0,866
Я хочу убить себя	0,544	0,867
Мне не хочется бывать с людьми	0,520	0,868
Я не могу решиться на что-либо	0,503	0,867
Каждый день у меня возникает желание плакать	0,497	0,868
Я плохо сплю каждую ночь	0,463	0,869
Меня ничто не радует	0,460	0,869
Меня никто по-настоящему не любит	0,456	0,869
Мне никогда не бывает интересно в школе	0,452	0,869
Я выгляжу уродливо	0,445	0,869
Я не делаю то, о чем меня просят	0,428	0,869
У меня нет друзей	0,401	0,870
Я все время ссорюсь с людьми	0,400	0,870
Я все время чувствую усталость	0,390	0,871
Мне приходится прилагать усилия, чтобы выполнять школьные задания	0,389	0,871
Все неприятности происходят по моей вине	0,368	0,871
Сейчас плохие отметки по тем предметам, которые раньше удавались	0,367	0,871
У меня всегда что-то болит	0,363	0,871
Мне всегда грустно	0,362	0,871
Я все время о чем-нибудь беспокоюсь	0,358	0,871
Я все делаю неправильно	0,351	0,871
Окружающие недовольны мной	0,348	0,871
у меня ничего не сложится так, как мне хочется	0,333	0,872
Я все время раздражаюсь по пустякам	0,321	0,872
У меня нет аппетита	0,288	0,873
Я уверен, что со мной произойдет что-то плохое	0,221	0,876

Данные табл. 1 свидетельствуют, что все баллы ответов на каждый пункт опросника продемонстрировали высокую согласованность с величиной общего балла оценки депрессивности. Наименее согласованным с остальными вопросами оказался пункт «Я уверен, что со мной произойдет что-то плохое». В случае удаления этого пункта из опросника, внутренняя согласованность шкалы немного повышается. Тем не менее, для дальнейшего анализа нами был использован модифицированный вариант CDI, состоящий из 27 вопросов,

имеющих высокий уровень согласованности по критерию α Кронбаха.

Общий показатель депрессивности

В целях сравнения результатов, полученных на русскоязычной выборке подростков, с данными, полученными зарубежными исследователями, было рассчитано среднеарифметическое значение балла по сумме ответов на 27 изначальных вопросов методики CDI, а также определено значение суммарного балла по модифицированной нами методике CDI. Результаты этого сравнения представлены в таблице 2 (в ис-

следовании Tweng среднее значение для мальчиков и девочек в возрасте 13–16 лет было вычислено на основании средних по-

казателей для каждого возраста в отдельности).

Таблица 2

Средние показатели депрессивности

Показатель	Twenge, метаанализ 310 исследований (13–16 лет)		Русскоязычная выборка, 27 оригинальных вопросов Kovacs (13–17 лет)		Русскоязычная выборка, модифицированный вариант CDI (13–17 лет)	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Среднее	8,9	10,1	9,0	9,4	10,1	10,9
Стандартное отклонение	–	–	4,7	5,0	6,3	5,7

Данные, полученные на русскоговорящей выборке с использованием оригинальных вопросов Kovacs, значимо не отличаются от полученных Twenge в результате метаанализа 310 исследований с использованием этой методики, даже несмотря на то, что в нашем случае возрастные границы были несколько расширены.

Анализ гендерных различий проводился на основании сравнения средних показателей депрессивности по модифицированному варианту методики CDI.

Половозрастные различия.

Общий показатель депрессивности у девушек оказался несколько выше, чем у юношей (табл. 2), что согласуется с известными представлениями о том, что женщины более склонны к депрессивным переживаниям, чем мужчины (например, Nolen-Hoeksema et al., 1991). Однако, разница между юношами и девушками не была настолько значимой, как можно было бы ожидать судя по литературным данным о частоте проявления депрессии у взрослых мужчин и женщин (значимость различий между средними оценками определялась с использованием критерия Манна-Уитни).

Анализ результатов исследования испытуемых различных возрастных групп также показал некоторые различия. В целом, как видно из табл. 2, младшие подростки сообщали о депрессивных проявлениях реже, чем старшие, что также согласуется с представлениями о том, что наступление пубертатного возраста провоцирует депрессивные проявления. Однако снова разница оказалась не слишком значительной (по критерию Манна-Уитни).

В этой связи нами был предпринят анализ возрастных различий интенсивности депрессивных проявлений отдельно у юношей

и у девушек. Результаты этого анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние показатели депрессивности в различных половозрастных группах

	13–14 лет	15–17 лет
Девочки	10,0	11,7
Мальчики	10,7	9,8

Данные свидетельствуют о том, что у девочек отмечается значительное увеличение депрессивных проявлений с возрастом (значимые различия по критерию Манна-Уитни между девушками-подростками 13–14 и 15–17 лет), мальчики, напротив, с возрастом начинают сообщать о меньшей депрессивности (значимые различия по критерию Манна-Уитни между девушками-подростками 13–14 и 15–17 лет). Такие различия косвенно подтверждают гипотезу, что когда процесс полового созревания заканчивается, различные механизмы оказываются вовлечены в формирование депрессивности у юношей и у девушек.

Факторный анализ

Факторному анализу были подвергнуты данные, полученные при исследовании 713 испытуемых, полностью ответивших на все пункты опросника. В анализ были включены лишь показатели ответов на 27 вопросов, показавших при проверке надежности максимальную согласованность с общим баллом ответов по методике. Адекватность данных устанавливалась на основании оценки значений коэффициента Кайзера-Мейера-Олкина и коэффициента сферичности Бартлетта. Значения этих коэффициентов свидетельствуют о возможности применения факторного анализа к полученным нами данным.

Факторный анализ результатов тестирования проводился по методу максимального правдоподобия с Promax-вращением.

Выбор данного метода был обусловлен необходимостью сравнения результатов выполненного исследования с результатами, полученными другими авторами (см., в частности, Craighead at al., 1998).

В результате анализа было выделено 6 факторов, один из которых оказался тривиальным. Поэтому, финальное решение состояло из 5 факторов, которые в сумме объясняли лишь 27% разброса ответов респондентов, что соответствует результатам, полученным другими исследователями (например, Craighead at al., 1998). Распределение нагрузок оценок пунктов опросника по этим 5 факторам представлено в табл. 4.

Таким образом, было описано 5 следующих шкал:

1. *Негативная эмоциональность* (которая включила в себя такие высказывания, как «Я часто раздражаюсь по пустякам», «мне все время грустно», «Я хочу убить себя», «Я всегда чувствую себя одиноким», «Каждый день у меня возникает желание плакать», «Я все время о чем-нибудь беспокоюсь» и «Я плохо сплю каждую ночь».

Эта шкала обладает достаточно высокой надежностью и внутренней согласованностью ($\alpha=0,71$).

2. *Негативная самооценка* (такие высказывания, как «Я все делаю неправильно», «Я выгляжу уродливо», «У меня ничего не сложится так, как мне хочется», «Окружающие недовольны мной», «Все неприятности происходят по моей вине», «Я не могу решиться на что-либо», «Я хуже других ребят», «Меня никто по-настоящему не любит». Также надежная шкала ($\alpha=0,68$).

3. *Ангедония и нежелание общаться* («Меня ничто не радует», «Мне не хочется бывать с людьми», «Я всегда чувствую себя

одиноким», «У меня нет друзей», «Мне никогда не бывает интересно в школе»). Шкала, обладающая средней степенью внутренней согласованности ($\alpha=0,58$).

4. *Экстернализация* (связанная с такими проявлениями, как «Я не делаю то, о чем меня просят», «Я все время ссорюсь с людьми», «Окружающие недовольны мной»). Надежность этой шкалы оказалось довольно низкой ($\alpha=0,454$).

5. *Соматические проявления* (которая включила всего два пункта «Я все время чувствую усталость» и «У меня всегда что-то болит»). Несмотря на крайне незначительное количество пунктов эта шкала продемонстрировала внутреннюю согласованность близкую к средней ($\alpha=0,53$).

Важно отметить, что в нашем исследовании на русскоязычной выборке испытуемых, также как и по результатам исследований в других культурах, выделились три «обязательные» фактора CDI, связанные с депрессивностью у подростков. Это негативная эмоциональность, низкая самооценка и экстернализация. Причем два первых фактора оказались также наиболее надежными. Кроме этого, было выделено два дополнительных фактора, которые также встречаются у других авторов – это ангедония и нежелание общаться и соматические проявления.

Таким образом, можно заключить, что депрессивные проявления у русскоговорящих подростков в значительной степени похожи на депрессивные проявления у их зарубежных сверстников. Следовательно, методика CDI может стать валидным инструментом для измерения уровня депрессивности российских подростков и использования в научных целях.

Таблица 4

Результаты факторного анализа³

Вопрос	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Я часто раздражаюсь по пустякам	0,301	–	–	–	–
Мне всегда грустно	0,589	–	–	–	–
Я все делаю неправильно	–	0,322	–	–	–
Меня ничто не радует	–	0,255	0,252	–	–
Я хочу убить себя	0,347	–	–	–	–
Мне не хочется бывать с людьми	–	–	0,452	–	–
Я выгляжу уродливо	–	0,424	–	–	–
Я все время чувствую усталость	–	–	–	–	0,457
У меня всегда что-то болит	–	–	–	–	0,552
Я всегда чувствую себя одиноким	0,561	–	0,444	–	–

³ В таблице показаны только нагрузки, значение которых выше 0,25.

Вопрос	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
У меня нет друзей	–	–	0,472	–	–
Сейчас плохие отметки по тем предметам, которые раньше удавались	–	–	–	–	–
Я не делаю то, о чем меня просят	–	–	–	0,255	–
Я все время ссорюсь с людьми	–	–	–	0,658	–
у меня ничего не сложится так, как мне хочется	–	0,531	–	–	–
Окружающие недовольны мной	–	0,253	–	0,400	–
Я ненавижу себя	–	–	–	–	–
Все неприятности происходят по моей вине	–	0,250	–	–	–
Каждый день у меня возникает желание плакать	0,746	–	–	–	–
Я все время о чем-нибудь беспокоюсь	0,434	–	–	–	–
Я не могу решиться на что-либо	–	0,346	–	–	–
Мне приходится прилагать усилия, чтобы выполнять школьные задания	–	–	–	–	–
Я плохо сплю каждую ночь	0,364	–	–	–	–
Мне никогда не бывает интересно в школе	–	–	0,262	–	–
Я хуже других ребят	–	0,548	–	–	–
Меня никто по-настоящему не любит	–	0,439	–	–	–
У меня нет аппетита	–	–	–	–	–

Литература

1. Birlson, P. *The validity of depressive disorder in childhood and development of a self-rating scale: A research report* / P. Birlson // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 1981. – №22. – P. 73–88.

2. Carey, M.P. *Children's Depression Inventory: Construct and Discriminant Validity Across Clinical and Nonreferred (Control) Populations* / M.P. Carey et al. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology* 1987. – №55 (5) – P. 755–761.

3. Cicchetti, D. *The development of depression in children and adolescents* / D. Cicchetti, S.L. Toth // *American Psychologist*. – 1998. – №53. – P. 221–241.

4. Cole, D.A. *Structural differences in parent and child reports of children's symptoms of depression and anxiety* / D.A. Cole, K. Hoffman, J.M. Tram, S.E. Maxwell // *Psychological Assessment*. – 2000. – №12. – P. 174–185.

5. Craighead, W.E. *Factor Analysis of the Children's Depression Inventory in a Community Sample* / W.E. Craighead, M.R. Smucker, L.W. Craighead, S.S. Ilardi // *Psychological Assessment*. – 1998. – №2. – Vol. 10. – P. 156–165.

7. Craighead, W.E. *Relationship of Children's Depression Inventory factors to Major Depression among adolescents* / W.E. Craighead, J.F. Curry, S.S. Ilardi // *Psychological Assessment*. – 1995. – №7. – P. 171–176.

8. Drucker, P.M. *An exploratory factor analysis of Children's Depression Inventory scores in young children of substance abusers* / P.M. Drucker, C. Greco-Vigorito // *Psychological Reports*. – 2002. – №91. – P. 131–141.

9. Finch, A.J. *Children's Depression Inventory: Sex and Grade Norms for Normal Children* / A.J. Finch et al. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1985. – №53 (3). – P. 424–425.

10. Gotlib, I.H. *Symptoms versus a diagnosis of depression: Differences in psychosocial functioning* / I.H. Gotlib, P.M. Lewinsohn, J.R. Seeley // *Journal of Consulting and Clinical Psychology* / – 1995. – №63. – P. 90–100.

11. Harrington, R. *Adult outcomes of childhood and adolescent depression: III. Links with suicidal behaviours* / R. Harrington, D. Bredenkamp, C. Groothues, M. Rutter // *Journal of Child Psychology, Psychiatry, Allied Disciplines*. – 1994. – №35. – P. 1309–1319.

12. Hodges, K. *Depression and anxiety in children: A comparison of self-report questionnaires to clinical interview* / K. Hodges // *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1990. – №2. – P. 489–492.

13. Kovacs, M. *Rating scales to assess depression in school age children* / M. Kovacs // *Acta Paedopsychiatrica*. – 1981. – №46. – P. 305–315.

14. Kovacs, M. *The children's depression inventory* / M. Kovacs. – New York: Multi-Health Systems, 1992.
15. Kovacs, M. *Internalizing disorders in childhood* / M. Kovacs, B. Devlin // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 1998. – №39. – P. 47–63.
16. Lefkowitz, M. M. *Assessment of childhood depression* / M.M. Lefkowitz, E.P. Tesiny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – №48. – P. 43–50.
17. Nolen-Hoeksema, S. *Responses to depression and their effects on the duration of depressive episodes* / S. Nolen-Hoeksema, J.S. Girgus // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1994. – №100. – P. 569–582.
18. Nolen-Hoeksema, S. *Sex differences in depression and explanatory style in children* / S. Nolen-Hoeksema, J.S. Girgus, M.E. Seligman // *Journal of Youth, adolescence*. – 1991. – №20. – P. 233–245.
19. Petersen, A. C. *Depression in adolescence* / A.C. Petersen, B.E. Compas, J. Brooks-Gunn, M. Stemmler, S. Ey, K.E. Grant // *American Psychologist*. – 1993. – №48 – P. 155–168.
20. Poznanski, E.O. *A depression rating scale for children* / E.O. Poznanski, S.C. Cook, B.J. Carroll // *Pediatrics*. – 1979. – №64. – P. 442–450.
21. Puig-Antich, J. *Schedule for affective disorders and schizophrenia in school-age children (6–16 years)*. – *Kiddie-SADS* / J. Puig-Antich, W. Chambers. – New York: New York State Psychiatric Institute, 1978.
22. Smucker, M. R. *Normative and reliability data for the Children's Depression Inventory* / M.R. Smucker, W.E. Craighead, L.W. Craighead, B.J. Green // *Journal of Abnormal Child Psychology*. – 1986. – №14. – P. 25–39.
23. Steele, R.G. *A Confirmatory Comparison of the Factor Structure of the Children's Depression Inventory between European American and African American Youth* / R.G. Steele, T.D. Little, S.S. Ilardi, R. Forehand, G.H. Brody, H.L. Hunter // *J. Child. Fam. Stud.* – 2006. – №15. – P. 779–794.
24. Twenge, J.M. *Age, Gender, Race, Socioeconomic Status, and Birth Cohort Differences on the Children's Depression Inventory: A Meta-Analysis* / J.M. Twenge, S. Nolen-Hoeksema // *Journal of Abnormal Psychology*. – 2002. – Vol. 111. – №4. – P. 578–588.
25. Weiss, B. *Developmental Differences in the Factor Structure of the Children's Depression Inventory* / B. Weiss, J.R. Weisz, M. Politano, M. Carey, W.M. Nelson, A.J. Finch // *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1991. – №3. – P. 38–45.

Поступила в редакцию 29.09.2008.

Белова Александра Павловна. Младший научный сотрудник лаборатории возрастной психогенетики Психологического института РАО: malykhsb@mail.ru.

Alexandra P. Belova. Junior research assistant of the laboratory of age psychogenetics at the Institute of Psychology of RAS (Russian Academy of Science): malykhsb@mail.ru.

Малых Сергей Борисович. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, зав.лабораторией возрастной психогенетики, зам.директора по научной работе Психологического института РАО: malykhsb@mail.ru.

Sergey B. Malych. PsyD, professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, head of the laboratory of age psychogenetics, deputy director of scientific work at the Psychological Institute of Russian Academy of Education (RAE): malykhsb@mail.ru.

Сабирова Елена Замировна. Преподаватель кафедры психологии Кыргызско-Российского Славянского университета: malykhsb@mail.ru.

Elena Z. Sabirova. Lecture of department of psychology at the Kyrgyz-Russian Slavonic University: malykhsb@mail.ru.

Лобаскова Марина Михайловна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета: malykhsb@mail.ru.

Marina M. Lobaskova. PhD, associate professor at the department of differential psychology at the Udmurtia State University: malykhsb@mail.ru.

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕННОМ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ В СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ

М.А. Березин, А.В. Астаева

Рассматриваются методологические вопросы квалификации и классификации методик психологической диагностики. Определены особенности отечественного и зарубежного подходов к нейропсихологической диагностике в рамках качественного и психометрического методов. Рассмотрены проблемы психометрического подхода в области медицинской психодиагностики, выделены задачи по увеличению психометрического потенциала методик нейропсихологической диагностики.

Ключевые слова: *нейропсихологическая диагностика, психометрический подход.*

В развитии современной нейропсихологии достаточно четко просматриваются два существенно различающихся между собой пути: отечественный (советский и российский) и западный (традиционный для США и Британии).

Американская нейропсихология, достигнув больших успехов в разработке количественных методов исследования последствий мозговых поражений, фактически не опирается на какую-либо общую концепцию (схему) работы мозга, общую нейропсихологическую теорию, объясняющую принципы формирования мозга как целого. Главным методологическим подходом к изучению больных с локальными поражениями мозга является применение стандартизированных количественных методов оценки отдельных функций (Батарея нейропсихологических тестов Halstead-Reitan, Luria-Nebraska и т.д.). В наиболее обобщенном виде следует считать, что целью нейропсихологического исследования в зарубежной нейропсихологии является описание симптомокомплекса в терминах количественных данных. Все нейропсихологические методы составлены с учетом психометрического подхода (стандартизированные процедуры обследования и обработки получаемых данных, наличие возрастных и социально-культурных нормативов), позволяющие получить данные об испытуемом в со среднестатистической нормой соответствующей выборки. При этом все используемые методики должны соответствовать всем критериям психометрики (как минимум, должны быть репрезентативны, надежны, валидны). Основными

недостатками таких методов являются проблематичность выявления структуры и механизмов нарушений, разработка индивидуализированных стратегий вмешательства и коррекции (Глозман Ж.М., 1999).

Отечественная нейропсихология развивалась и развивается в другом направлении. Представления о системном строении высших психических функций (ВПФ), согласно которым каждая ВПФ есть состоящая из многих звеньев сложная функциональная система, предписывают считать, что нарушение одной и той же функции протекают по-разному в зависимости от пораженности (патологии) того или иного конкретного звена (фактора) в структуре целостной функциональной системы. Поэтому центральной задачей нейропсихологического исследования в отечественной нейропсихологии является определение качественной специфики нарушения, а не только констатация факта расстройства той или иной функции.

В наиболее обобщенном виде следует считать, что нейропсихологическое исследование, выполненное по канонам отечественной нейропсихологии позволяет получить качественные характеристики сохранных и нарушенных психических функций.

Методологической основой такого направления нейропсихологической диагностики является клинический (экспертный) метод, обладающий большей эффективностью по отношению к плохо поддающимся объективизации и осмыслению феноменам, а также при исследовании чрезвычайно изменчивых явлений. При этом такого рода психодиагностическое исследование является

ся надежным средством индивидуальной диагностики (Бодалев А.А., Столин В.В., 2002), отражающим индивидуально-психологические особенности испытуемых, а не их соотнесенность с какими-либо статистическими показателями. Вследствие этого такой подход не опирается на психометрические основы психодиагностики в их буквальном понимании (например, в отношении математико-статистического обоснования надежности, валидности методик и, тем более, в отношении z -преобразованных распределений полученных результатов). Такие методики позволяют выявить структуру и механизмы нарушений, но не обеспечивают статистически обоснованное доказательство индивидуально-психологического отличия обследованных лиц от других людей, и, тем более, от испытуемых «нормативной группы». Решение последней задачи является одной из краеугольных проблем медицинской психодиагностики.

Современная медицинская психодиагностика опирается на несколько классификаций методов исследования (Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю., 2004). Среди них типологическая классификация методов и методик (номотетические, измерительные либо идеографические описательные), классификация по лежащим в основе методов и методик принципам (стандартизованные, количественные либо нестандартизованные, качественные), классификация по методологическим подходам (тестовые измерительные и нетестовые качественные методы и методики). Очевидно, что эти классификации созданы на принципиально отличающихся друг от друга классификационных основаниях. Поэтому при кажущейся идентичности, тождественности или синонимии некоторых содержащихся в них определений их семантика, тем не менее, отличается. Так, термин «измерительность» имеет очевидно различающееся значение в системах «номотетичность» и «тестовость». В первом случае «измерительность – номотетичность» может рассматриваться в контексте диагностики психологических феноменов как меры выраженности у испытуемого тех или иных проявлений общих закономерностей (от лат. *potos* – закон) в показателях тех или иных измерительных шкал. При этом выявленные феномены могут отражать не только выраженность обще-закономерных черт, но и характеризовать ситуативно-специфические особенности реакции (откликов) испытуе-

мых (Бурлачук Л.Ф., 2003), что позволяет охарактеризовать «измерительность» как «оценочность» (*assessment*). Во втором случае «измерительность – тестовость» рассматривается как фиксация поведенческих откликов испытуемых на тестовые задания, требующие нахождения правильных ответов (Бурлачук Л.Ф., 2003). При этом «измерительность» имеет очевидную объективную характеристику (количество правильно выполненных тестовых заданий). Отметим, что в зарубежной психодиагностике термин «психологическая оценка» (*psychological assessment*) почти полностью вытеснил термин «тестирование» и используется при изучении индивидуальности применительно к возникающим в ее жизни проблемам посредством сбора и интеграции данных, полученных преимущественно клиническими (экспертными) методами (Бурлачук Л.Ф., 2003). Очевидно, что термин «тестовость» в данном случае правомерно применять лишь в отношении методик (или их «батарей»), созданных по типу тестов достижений (т.е. содержащих задания с единственно верным ответом). Поэтому основной семантической характеристикой термина «тестовость» (и, как следствие, характеристикой «измерительности – тестовости») в рассматриваемом случае является «объективность», а основной семантической характеристикой «измерительности – номотетичности» – «психологическая оценка».

В аналогичном плане следует рассматривать и особенности интерпретации термина «качественность – нетестовость» и «качественность – нестандартизованность». В соответствии с представленными выше аргументами «качественность – нетестовость» раскрывается характеристикой «интерпретативность», поскольку данные психодиагностического исследования интерпретируются в виде вербальных описаний (качественных характеристик) результатов обследования испытуемых по опросникам, шкальным техникам, проективным и иным методикам («нетестовым» в описанной системе аргументов). Во втором случае «качественность – нестандартизованность» определяется субъективным опытом психодиагноста, позволяющим представить данные исследования в виде неформализованных описаний результатов психологического «измерения» с помощью качественных (номинативных) шкал, не опирающихся на нормы методики и вы-

борки. Такой подход соответствует критериям экспертного (клинического) метода.

Поэтому основной семантической характеристикой термина «нетестовость» (и, как следствие, характеристикой «качественности – нетестовости») в рассматриваемом случае является «интерпретативность», а основной семантической характеристикой «качественности – нестандартизованности» – «экспертность».

Представленный анализ, тем не менее, позволяет считать целесообразным сохранение общей терминологии в представленной выше системе классификаций психодиагностических методов.

Таким образом, все многообразие психодиагностических методов и методик может распределяться в многомерном пространстве, образованном в рассматриваемом случае биполярными осями с полюсами (факторами) «номотетичность (оценочность) – идеографичность (описательность)», «стандартизованность (количественность, психометри-

чность) – нестандартизованность (непсихометричность)» и «тестовость (объективность) – нетестовость (субъективность)». Правомерность такого подхода основывается, в частности, на примерах применения такого приема в психодиагностике, в частности, при рассмотрении результатов обследования по методике Роршаха в интерпретационных схемах, образованных осями-подходами: «номотетический – идеографический» и «содержательный – перцептивный» (Бурлачук Л.Ф., 2003).

В трехмерном пространстве классификации, образованном этими классификационными векторами, фактически распределяется все множество психодиагностических методик. Более того, сама трехмерная модель не исключает и рассмотрения характеристик психодиагностических методик и в пространствах меньшей размерности (плоскостях, осях). Рассматриваемая конструкция представлена на рис. 1.

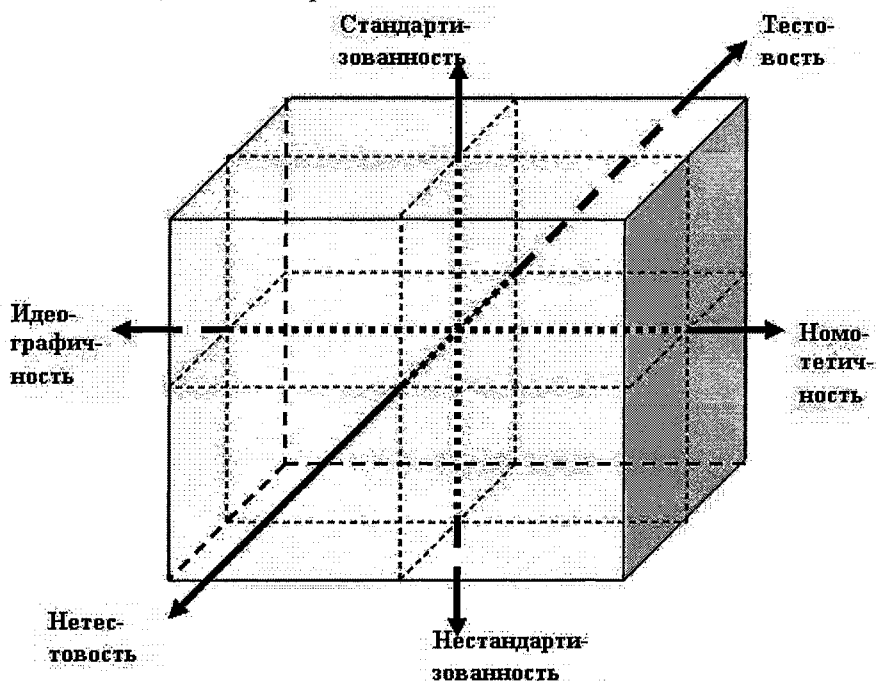

Рис. 1. Трехмерное пространство классификаций методов психологической диагностики

При этом характеристики «измерительность» и «качественность» методов и методик в рассматриваемой системе классификации являются общими характеристиками в плоскости, образованной полюсами векторов «номотетичность» и «тестовость» (в первом случае), и «нестандартизованность» и «нетестовость» в другом. Поэтому их можно рассматривать в качестве своеобразных «вторичных векторов» ортогонально ориентированного пространства, образован-

ного 3 осями независимых классификаций. Эти «вторичные векторы» организуют взаимную направленность полюсов «номотетичность» и «тестовость» в первом случае, и «нестандартизованность», «нетестовость», во втором. При этом представляется очевидным и биполярный характер векторов «измерительность» и «качественность». Такие вторичные биполярные факторы интерпретируются прежде всего в отношении характера оценки результатов (факторы «измери-

тельный (оценочный либо объективный) характер результата – субъективный описательный характер результата» и «количественная оценка результатов – качественная оценка результатов» или факторы «измерительность – описательность» и «количествен-

ность – качественность»). Рассматриваемое соотношение «первичных» и «вторичных» классификационных факторов-характеристик методов психологической диагностики представлено на рис. 2.

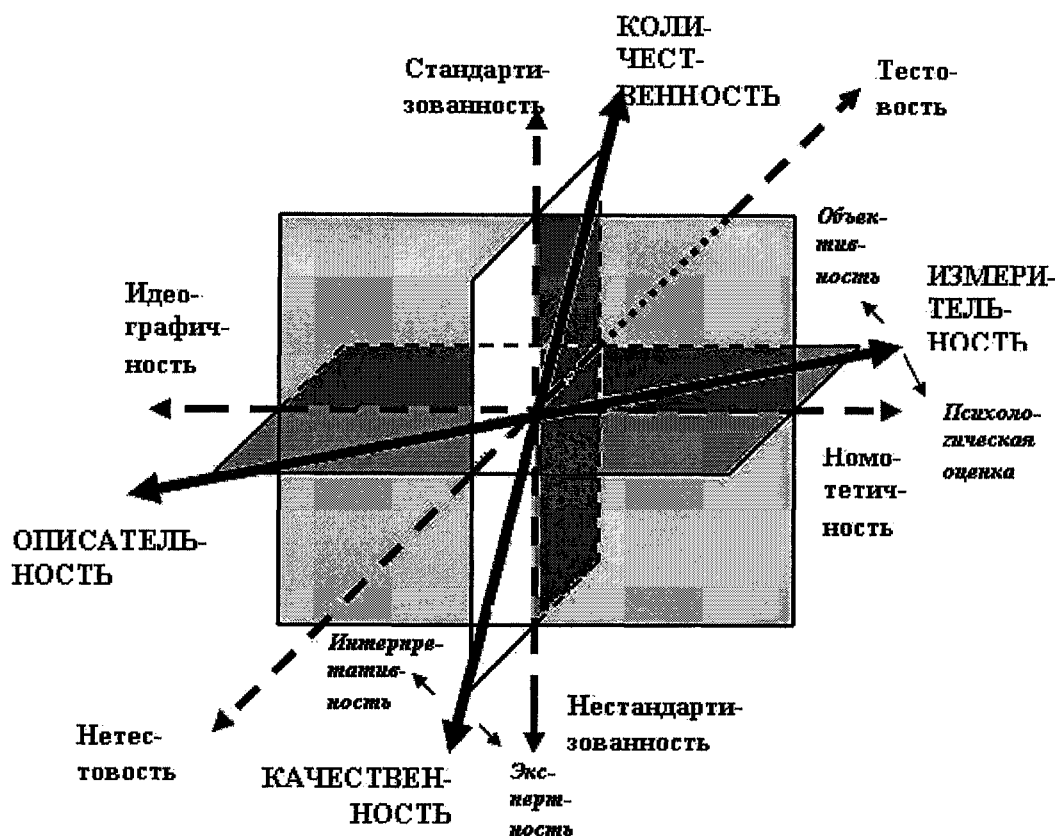

Рис. 2. Первичные и вторичные классификационные факторы-характеристики методов психологической диагностики

Рассмотренные выше особенности применяемых в зарубежной нейропсихологии методов и методик позволяют охарактеризовать их как преимущественно номотетичные, стандартизованные, тестовые, т.е. обладающие в рассматриваемой нами многомерной системе как минимум одной общей характеристикой – «измерительность». В свою очередь, классические отечественные нейропсихологические методы и методики – преимущественно идеографические, нестандартные, нетестовые, т.е. обладающие как минимум одной общей характеристикой – «качественность». Фактически речь идет о наличии в многомерном пространстве квалификации методов психологической диагностики двух существенно отличающихся между собой пространств (областей в рассматриваемой нами трехмерной системе, образованной осями и плоскостями классификаций) – «пространство качественного

анализа результатов психодиагностического исследования» и «пространство измерения» (см. рис. 3). Подобный вывод может представляться несколько тривиальным, но в доступной нам литературе по проблеме теории психодиагностики не встречалось подобного рода методологических обоснований квалификации методов и характеристик оценки полученных результатов исследования.

При этом каждая методика (в зависимости от ее метрических характеристик в системе первичных и вторичных факторов классификации методов психодиагностики) может быть представлена как единичный вариативно ориентированный вектор в соответствующем трехмерном пространстве – «пространстве измерения» либо «пространство качественного анализа». Вышеизложенное можно проиллюстрировать соответствующей схемой (рис. 4, 5).

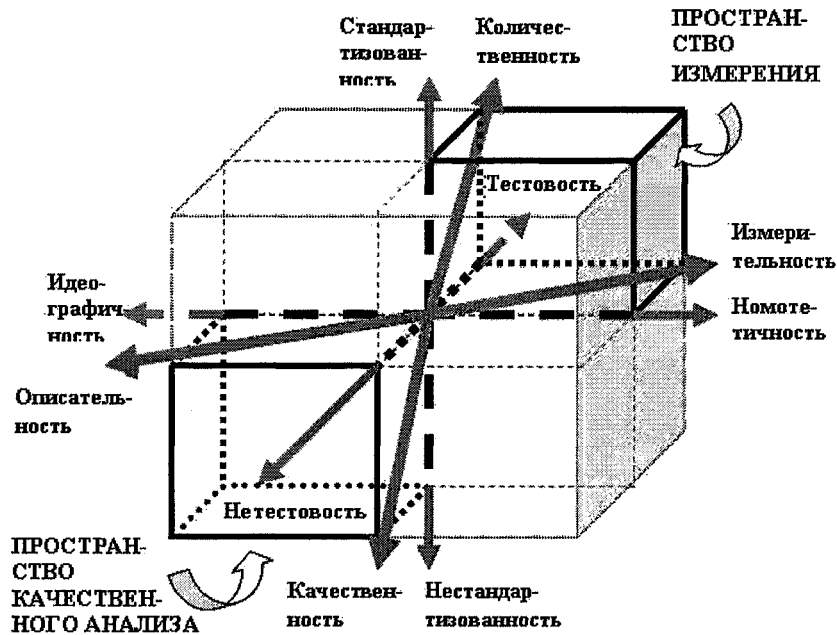

Рис. 3. Векторные характеристики пространств классификации психодиагностических методов

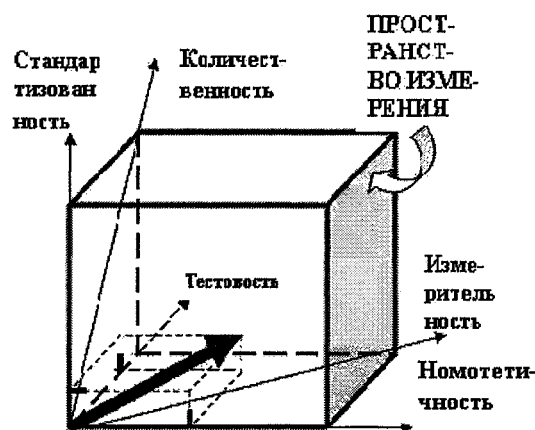

Рис. 4. Стереометрическая характеристика места психодиагностической методики в пространстве измерения

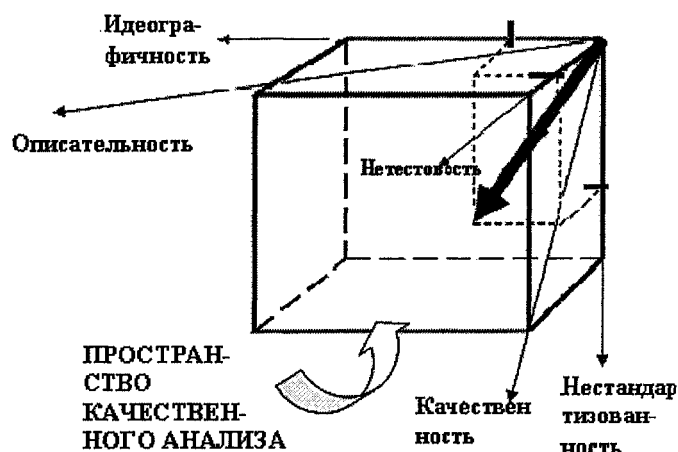

Рис. 5. Стереометрическая характеристика места психодиагностической методики в пространстве качественного анализа

Предложенная схема позволяет достаточно обоснованно определить место психодиагностических методик (и методик клинической, в частности, нейропсихологической

психодиагностики) в существующих классификационных схемах. Отдельного рассмотрения требует проблема соотносительности и сближения отечественной и зарубежной

систем нейропсихологической диагностики. Отмеченная оппозитность их локализации в рассматриваемых в настоящей статье системах требует определения подходов к решению задачи повышения психометрического потенциала методик отечественной нейропсихологической диагностики. В графическом отображении такая задача демонстрируется путем смещения вектора методик к полюсам первичных векторов «стандартизованность», «нормотетичность», «тестовость». Введение вторичных векторов несколько изменяет ориентиры решения этой задачи – требуется повернуть вектор нейропсихологических методик в плоскость, образованную вторичными векторами «Измерительный (оценочный либо объективный) характер оценки» и «Количественная оценка результатов». Именно такое содержание принадлежащих этой плоскости векторов позволяет определить ее как «Плоскость психометрики». Вращение вектора-характеристики методик в рассматриваемой нами графической системе происходит именно в плоскости психометрики и направлено в конечном итоге на повышение психометрического потенциала методик. При этом очевидно, что смещение к вектору количественности связан с нарастанием объективности (в понимании – объективности, присущей тестам достижений), а не оценочности результатов нейропсихологической диагностики (рис. 6).

Однако, учитывая их расположение в диаметрально противоположных областях трехмерного пространства, принципиальные различия в их основополагающих методологиях и априорную оппозитность осей, образующих рассматриваемое нами пространства методов и методик нейропсихологической психодиагностики, можно предполагать, что такого рода слияние принципиально невозможно. Другими словами, сложившаяся ситуация предполагает, что из двух подходов должен остаться только один. Тема интеграции оппозитных подходов в психодиагностике является одной из обсуждаемых (Бурлачук Л.Ф., 2003).

Более рациональным и диалектически оправданным является решение задачи сочетания этих подходов. О необходимости сохранения сочетания обоих подходов – опирающегося на стандартизованные, нормированные методы и основанного на качественном анализе результатов индивидуально-ориентированного нейропсихологического «рассуждающего исследования», – указыва-

ется практически во всех научных публикациях по проблемам современной нейропсихологии и нейропсихологической диагностики (Цветкова Л.С., 2001; Астапов В.М., Микадзе Ю.В., 2008; Вассерман Л.И. с соавт., 1997; Глозман Ж.М., 1999; Микадзе Ю.В., 2002 и др.). В рассматриваемой нами стереометрической системе сочетание этих подходов означает разработку совокупности методик с последовательно усиливающимся измерительным количественным психометрическим потенциалом. Графическим эквивалентом такой совокупности методик может рассматриваться множество векторов на плоскости психометрики, последовательно переходящих из пространства качественного анализа результатов психодиагностического исследования в пространство измерения, от качественной оценки результатов с опорой на субъективность психодиагноста к количественной оценке данных исследования, полученных на основании применения измерительных процедур.

Актуальность развития психометрического подхода в нейропсихологической диагностике очевидна. При этом главной проблемой является выбор конкретного инструментария психометрики как области нейропсихологической психодиагностики. Вместе с тем, следует подчеркнуть и важность формирования современного понимания и наполнения качественного анализа в нейропсихологии. По нашему мнению, сохраняет актуальность следующее высказывание Л.С. Выготского «Чрезмерная боязнь так называемых субъективных моментов в толковании и попытка получить результаты наших исследований чисто механическим, арифметическим путем ...ложны. Без субъективной обработки, то есть без мышления, без интерпретации, расшифровки результатов, обсуждения данных нет научного исследования» (цит. по Бизюк А.П., 2002). В то же время сохраняет свою опасность оказаться на одном из полюсов описанного дихотомического разделения исследователей на тех, кто «измеряет, не размышляя» и тех, кто «размышляют, не измеряя» (Андреева Г.М., 1996). При этом очевидно, что без привлечения лишнего механистичности «арифметического пути» невозможно решение одной из основных задач нейропсихологической диагностики – задачи факторного анализа в ее классическом понимании. Эта задача состоит в исполнении достаточно строгого алгоритма действий исследователя, обеспечи-

ващего адекватный переход от фиксации наличия нейропсихологических симптомов и синдромов к установлению нейропсихологического фактора как своеобразного абстрактного конструкта, отражающего особенности физиологической работы и психического функционирования определенных зон мозга в норме и при патологии. В плане психометрического подхода это требует, во-первых, обеспечения формализации данных нейропсихологической диагностики – от формализации результатов каждой выполненной нейропсихологической пробы до формализации представления нейропсихологического фактора. Во-вторых, требуется формализация и применяемого алгоритма формирования диагностического вывода – например, квалификация формализованных результатов исследования в системе оценки их первичности–вторичности в симптомооб-

разовании; в системе их причинно-следственной связи; в системе очагового либо общемозгового характера оценки; оценки их латерализации и межполушарного взаимодействия; оценки нейропсихологического симптома и синдрома в категориях «сохранности – нарушенности» в структуре исследуемой психической функции. В-третьих, необходима формализованная оценка вклада (веса) каждого формализовано-квалифицированного симптома в итоговую картину нейропсихологического синдрома. В-четвертых, необходимо создание формализованной картины нейропсихологического фактора в целом, с выделением его «ядра» и связанных с ним анатомо-функциональных и психических феноменов, с одной стороны, и формализованных данных нейропсихологического исследования, с другой.

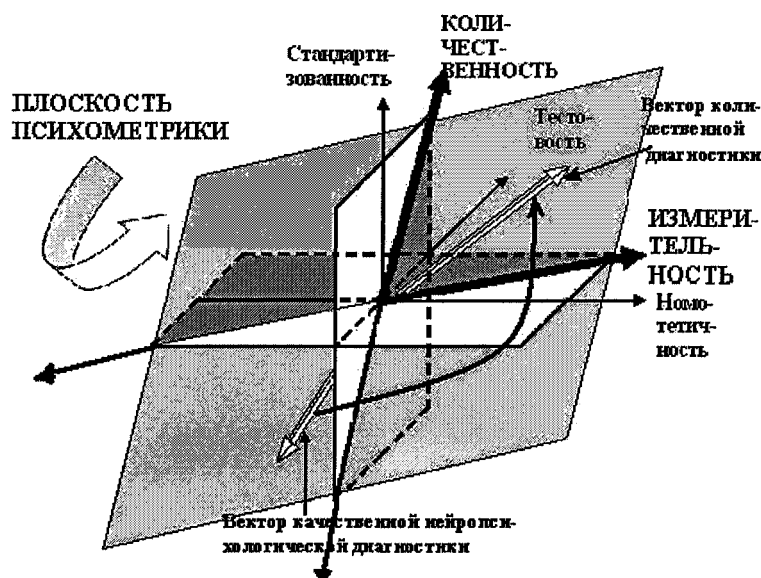

Рис. 6. Векторные характеристики отечественной и зарубежной нейропсихологической диагностики в плоскости психометрики

Представленные выше аргументы опираются на формализацию психодиагностических данных как один из методов количественного и, отчасти, измерительного отображения результатов нейропсихологического исследования. В связи с вышеизложенным возникает проблема выбора методов, форм и приемов формализации материалов нейропсихологического исследования. Отмеченные выше четыре направления разработки психометрического обеспечения нейропсихологического исследования достаточно четко, на наш взгляд, определяют особенности квалификации результатов исследования (в т.ч. и особенности их качественно-количественного отображения), и осо-

бенности их формализованного (в т.ч. измерительного и математико-статистического) отображения.

В русле первого направления – формализации результатов нейропсихологических проб с последующим «переводом» этих данных в категории содержания нейропсихологических симптомов, синдромов и факторов – наиболее часто встречаются разработанные Вассерманом Л.И. и соавт., 1997; Глоzman Ж.М., 1999; Микадзе Ю.В., 2002 и др. системы перевода наблюдаемой качественной патологии в определенные балльные системы. Такие балльные системы основаны на методах квантификации результатов нейропсихологической диагностики. Отметим,

что, по нашему мнению, термин «квантификация» (от лат. *quantitas* – количество) не совсем точно отражает сущность происходящих при использовании этого метода преобразованиях качественных данных (выраженных в показателях номинативных шкал результатов применения нестандартизованных методик нейропсихологической диагностики). Присвоение баллов результатам обследования в зависимости от меры выраженности наблюдаемых нарушений является фактически не «квантифицированием» результатов («дроблением на части»), а их представлением в ординарном виде – результаты психодиагностического исследования отражаются в виде упорядоченных качественных по своей природе оценок («слабо...», «умеренно...» либо «сильно нарушено»), с последующим присвоением баллов (значений ранга нарушения). Поэтому более точным, на наш взгляд, дескриптором для такого варианта количественного преобразования качественных данных психодиагностического исследования является «ординарирование».

Основной (в психометрическом плане) проблемой при этом является необходимость разрешения т.н. «проблемы единственности для теории измерений», заключающейся в обеспечении единственности приписывания числовых значений изучаемым феноменам в полном соответствии с эмпирически сложившимися отношениями в проявлениях каждого феномена и отношениями между феноменами в целом (Суппес П., Зинес Дж., 1967).

Все авторы-разработчики описанных выше балльных систем приводят единый алгоритм приписывания балльных значений: величина присваиваемого балла зависит от качественной характеристики изучаемого феномена – степени выраженности нарушения. При этом следует опираться на мнение Д. Кемпбелла (цит. по Суппес П., Зинес Дж., 1967, с. 57) о том, что для любых качественных свойств не существуют эмпирические операции, подобные арифметическому действию сложения, а также о том, что количественные результаты могут быть столь же мало застрахованы от ошибок, как и качественные (Кемпбелл Д., 1996).

Таким образом, присвоение баллов качественным данным представляет собой математически нестрогую попытку выпол-

нения производных¹ измерений путем повышения мощности шкалы. При этом разработчиками упомянутых выше балльных систем признается, что внешне равноинтервальная шкала регистрации результатов психодиагностического исследования, представленная баллами 0, 1, 2, 3 (как бы расположенными с равными интервалами) на самом деле не означает равноинтервальность «прироста» патологии (Бизюк А.П., 2002). Как следствие, применение параметрических методов обработки результатов балльного отображения качественных данных представляется весьма некорректным с математической точки зрения. Другими словами, полученные с помощью таких систем данные делают весьма сомнительным с математической точки зрения применение даже арифметических методов, использующихся для шкал мощностью не выше ранговых (порядковых, ординарных). Более того, принятые в психометрике принципы (в частности, обеспечение прежде всего надежности методики и получаемых с ее помощью результатов в соответствии с правилом «*validность ≤ надежность*») предписывают ограничиться в этом случае методами, принятыми для обработки результатов измерения по ранговым шкалам.

Справедливости ради считаем целесообразным привести и еще одну точку зрения: мнение П. Суппеса и Дж. Зинеса (1967) в пользу возможного рангового или даже равноинтервального характера выносимой балльной оценки. Рассматриваемая этими авторами теория конечных систем равных разностей опирается на следующий постулат: при наличии некоторого конечного упорядоченного набора стимулов любые два соседних по упорядочению стимула будут отличаться друг от друга в той же мере, как и любые два других соседних стимула (Суппес П., Зинес Дж., 1967). В этом и только в этом случае (фактически – использование при ранжировании техник попарного шкалирования) выполняется определение порядковой шкалы как шкалы, допускающей, как минимум, монотонные преобразования.

¹ Н. Кемпбелл выделял первичные измерения (не основывающиеся на каких-либо предварительных измерениях) и производные измерения на основе первичных. Количественные измерения (*extensive properties*), по мнению Н. Кемпбелла, несут в себе возможность получения по крайней мере шкал интервалов.

Таким образом, применение традиционных для психометрики математических методов обработки количественных данных, описанных в показателях якобы равноинтервальных шкал, представляется весьма проблематичным. Как следствие, результаты использующихся в описываемых балльных системах приемов усреднения данных нельзя считать параметрическими данными в русле нормально распределенных значений, измеренных по интервальным шкалам. Поэтому представляется невозможным получение статистических норм нейропсихологических методик на основе традиционного Z-преобразования результатов исследования в одну из известных психометрических шкал.

Традиционно статистические нормы дифференцируются как нормы выборки и нормы теста. Представляется, что в настоящее время использование статистических методов в рамках психометрического подхода в нейропсихологической диагностике должно быть направлено на установление норм выборки для различных стратифицированных групп. На наш взгляд, на первом этапе решение этой проблемы может быть обеспечено путем получения процентильных норм, рассчитанных на репрезентативных выборках достаточного объема. Именно определение процентильных показателей может являться примером самостоятельного методического подхода в решении задачи повышения психометрического потенциала нейропсихологической диагностики.

В заключение отметим, что сохранение психометрического и качественного нейропсихологического анализа при условии дополнения их измерительными количественными методами, позволяет выйти на новый уровень нейропсихологической диагностики, так как применение стандартизированных методов исследования и оценки психических процессов и состояний в дополнение качественному анализу особенностей личности, изучению индивидуальной варибельности онтогенеза психических функций. Одним из критериев выбора психометрических тестов в рамках нейропсихологического подхода может их потенциал в исследовании возрастных особенностей ВПФ, например, возможность сравнения результатов клинико-психологического исследования с объективной (экспериментально-психологической) оценкой состояния и степени выраженности нарушений психических функций. Становится возможной объективизированная оцен-

ка динамики состояния психических функций при различных формах патологии, недоразвития, несформированности определенных структур мозга, а также оценка соответствия норме (возрастные особенности).

По данным литературных источников (Вассерман Л.И., 1997; Микадзе Ю.В., 2002 и др.), можно отметить положительные и отрицательные стороны использования психометрического подхода в рамках нейропсихологии.

С одной стороны, увеличивается широта исследования, обеспечивается «воспроизводимость» данных, высокая эффективность и надежность дифференцирования здоровых лиц от испытуемых с поражением мозга, обеспечение нейропсихологов-психодиагностов стандартизированной базой данных для сравнительных исследований, быстрая процедура исследования, портативность исследовательских материалов.

С другой стороны, при применении психометрического подхода отмечается недостаточная глубина анализа полученных данных, ригидность воспроизведения, слабые возможности оценки таких функций как память, внимание, речь, недостаточные возможности использования метода при локальных повреждениях головного мозга и т.п.

В свою очередь, традиционный нейропсихологический метод позволяет провести более глубокое качественное обследование нарушений, развития психических функций. Данная категория методов включает широкий набор стратегий оценки, отсутствие строгой процедуры обследования, требования к сочетанию тестов в батарее при исследовании какой-либо функциональной системы.

Выводы

1. Современные нейропсихологические методы должны опираться не только на качественные, но и на количественные, номотетические (измерительные) техники оценки состояния или особенностей психических функций.

2. Решение вопроса измерения в современной нейропсихологии опирается на результаты ординирования (квантификации) данных нейропсихологического исследования, обеспеченных соответствием методик диагностики или качественной оценки всем требованиям к «измерительным тестам», однако методическая основа таких процедур не полностью разработана.

3. Современные подходы в клинической (медицинской) психодиагностике предполагают совместное использование методов качественного и количественного анализа данных, тестового и нетестового методов, стандартизованного и нестандартизованного подходов. Предложенный системный анализ соотносительности этих методологических оснований позволяет определить оригинальное содержание плоскости психометрики в современной психодиагностике и особенности ее рассмотрения применительно к нейропсихологической диагностики.

4. Количественные данные нейропсихологического исследования должны рассматриваться не в рамках статистических норм, полученных путем преобразования нормально распределенных результатов испытуемых, а в системе процентильных норм.

Литература

1. *Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста / под ред. Л.С. Цветковой.* – М.: МПСИ, 2001 – 272 с.
2. *Андреева, Г.М. Предисловие к кн. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Г.М. Андреева – СПб.: Изд. «Социально-психологический центр», 1996.* – 391 с.
3. *Астапов, В.М. Психодиагностика и коррекция детей с нарушениями и отклонениями развития: хрестоматия / В.М. Астапов, Ю.В. Микадзе. – СПб.: Изд. «Питер», 2008.* – 256 с.
4. *Бизюк, А.П. Компендиум методик нейропсихологической диагностики / А.П. Бизюк. – СПб.: Изд. «Питер», 2002.* – 256 с.
5. *Бодалев, А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодалев, В.В. Столин. – СПб.: Изд-во «Речь», 2002.* – 440 с.
6. *Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Изд. «Питер», 2008.* – 384 с.
7. *Вассерман, Л.И. Методы нейропсихологической диагностики / Л.И. Вассерман, С.А. Дорофеева, Я.А. Меерсон. – СПб.: Изд. «Стройлеспечатль», 1997 – 304 с.*
8. *Вассерман, Л.И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: Изд. Центр «Академия», 2004.* – 736 с.
9. *Глоzman, Ж.М. Количественная оценка данных нейропсихологического исследования / Ж.М. Глоzman. – М.: Центр лечебной педагогики. – 1999.* – 160 с.
10. *Микадзе, Ю.В. Дифференциальная нейропсихология детского возраста / Ю.В. Микадзе // Вопросы психологии. – 2002. – №4. – С.111–119.*
11. *Психодиагностика: учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2003.* – 351 с.
12. *Психологическая диагностика: учебное пособие / под ред. К.М. Борисовой и Е.М. Борисовой. – М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001.* – 368 с.
13. *Руководство по клинической детской и подростковой психиатрии: пер. с англ. / под ред. К.С. Робсона. – М.: Медицина, 1999.* – 488 с.
14. *Суппес, П. Основы теории измерений / П. Суппес, Дж. Зинес // Психологические измерения / под ред. Л.Д. Мешалкина. – М.: Изд. Мир, 1967 – 287 с.*

Поступила в редакцию 12.09.2008.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

Астаева Елена Васильевна преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: astaeva_06@mail.ru.

Alena V. Astaeva. Assistant of professor sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: astaeva_06@mail.ru.

ОЦЕНОЧНЫЙ СТИЛЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ТОЧНОСТИ ОЦЕНИВАНИЯ

И.В. Выбойщик

В статье рассматриваются определение и основные особенности оценочного стиля, подтверждающие необходимость его изучения. Дается краткое описание авторской методики диагностики оценочного стиля. Приводится описание личностных особенностей и особенностей оценок людей, предпочитающих способы оценивания, которые могут оказывать влияние на точность оценивания.

Ключевые слова: оценочный стиль, способы оценивания, оценочные предпочтения, искажения в оценках, точность оценивания, критерии отбора и эффективности обучения, методика диагностики, личностные свойства, особенности оценивания.

Введение

Под оценочным стилем понимается сочетание (комплекс) предпочитаемых способов оценивания. Необходимость изучения оценочного стиля обусловлена его адаптивными функциями и универсальностью проявления.

Адаптивные функции состоят:

– в индивидуализации процесса оценивания;

– в фильтрации и структурировании потоков информации, связанных с оцениванием, которая осуществляется, в соответствии с индивидуальными (когнитивными и личностными) особенностями субъекта оценивания;

– в согласовании результатов переработанной информации, представленных в виде оценок, и принимаемых решений (Батурин, 1997).

Свидетельствами *универсальности* оценочного стиля являются:

– широкая распространенность (предпочтения к различным способам оценивания зафиксированы у 97% респондентов, принявших участие в наших исследованиях);

– относительная устойчивость во времени;

– относительная независимость от предмета оценивания (Выбойщик, 2004).

Основная *особенность* оценочного стиля стоит в том, что под его влиянием искажается результат отражения объективных отношений, которое составляет основу процесса оценивания. Искажения, вызванные оценочным стилем, с одной стороны,

способствуют повышению индивидуальной адаптивности оценок в обыденной жизни, с другой – приводят к снижению их точности в обыденной жизни и профессиональной деятельности.

В данной статье рассматривается преимущественно профессиональный аспект оценивания, в частности – критерии отбора потенциальных экспертов-оценщиков и предсказания эффективности их последующего обучения. Предполагается, что соответствие выделенным критериям будет означать способность потенциального эксперта давать наиболее точные оценки внешних объектов (в том числе, оценки других людей их поведения, способностей и компетенций).

Одной из задач, решение которых необходимо для выделения упомянутых выше критериев, является уточнение и расширение представлений о психологическом содержании способов оценивания.

Исследование психологического содержания способов оценивания стало возможным благодаря разработке авторской методики «Evaluation Stile» (Н.А. Батурин, И.В. Выбойщик), краткое описание которой представлено ниже.

Методика диагностики оценочного стиля

Основу методики для диагностики оценочного стиля и отдельных способов оценивания «Evaluation Stile» составляет комбинация двух классических принципов – принципа проекции и принципа семантического дифференциала (Выбойщик, 2004).

Принцип проекции дает возможность учесть многообразие объектов оценки и спе-

цифичность отношений каждого человека с каждым из них. Для реализации этого принципа в методике используются искусственные объекты-стимулы, которые одинаково незнакомы всем испытуемым, и для которых ни у кого из испытуемых не существует «готовых», уже сформированных оценочных оснований. Предъявление таких объектов-стимулов лишает испытуемых возможности проведения полноценного оценочного процесса, поскольку объект незнаком, готовое оценочное основание отсутствует и невозможно осуществить сравнение между ними. В результате вместо реального оценочного процесса, испытуемые вынуждены осуществлять приписывание (атрибуцию) оценок. В случае атрибуции сравнение объекта с оценочным основанием не производится, за счет чего проявляются бессознательные предпочтения в способах оценивания, сформированные у субъекта в течение жизни.

Принцип семантического дифференциала взят за основу при создании шкал, предлагаемых испытуемым для оценки непонятных и незнакомых объектов. Предъявление шкал (в данном случае – графических) с полярными полюсами, позволяет перейти от индивидуального языка выражения оценок через стандартный тезаурус оценочных категорий к проявлению индивидуальных способов оценивания только через решение о степени выраженности каждой оценки. Кроме того, шкалы, использованные в методике, дают возможность стимулировать испытуемых к проявлению коннотативного, индивидуально-смыслового содержания оценок, что еще больше усиливает атрибуцию оценок.

Тяжелый	_____	Легкий
Радостный	_____	Грустный
Меркантильный	_____	Бескорыстный
Темный	_____	Светлый
Хороший	_____	Плохой
Лживый	_____	Правдивый
Горячий	_____	Холодный
Глупый	_____	Умный
Дружелюбный	_____	Враждебный

Рис. 2. Пример набора шкал для оценки объекта-стимула

Психологическое содержание индивидуальных способов оценивания

Психологическое содержание способов оценивания уточнялось в процессе ряда исследований, проведенных с использованием методики «Evaluation Stile». В качестве испы-

С учетом двух выбранных принципов, процедура диагностики выглядит следующим образом.

1. Испытуемым последовательно предъявляются незнакомые искусственные объекты-стимулы (цветовые пятна, нестандартные геометрические фигуры и слова искусственного языка), содержащиеся в специальном Блокноте. Примеры двух объектов-стимулов представлены на рис. 1.

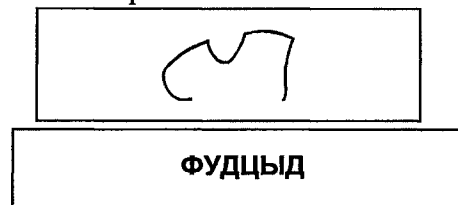

Рис. 1. Примеры объектов-стимулов, содержащихся в Блокноте

2. Испытуемым предлагается выразить свое мнение по поводу каждого объекта-стимула, воспользовавшись одинаковым для всех набором оценочных шкал – списком полярных оценочных категорий, между которыми имеются линии без деления на зоны. Испытуемые фиксируют свою оценку в виде отметки, расположенной в середине линии или ближе к одной из полярных характеристик. На рис. 2 приведен пример набора шкал, которые предлагаются для оценки одного из объектов-стимулов, содержащихся в Блокноте (геометрическая фигура).

3. При обработке результатов линия между полярными категориями «разбивается» на 10 равноценных участков. Отметкам, попавшим на каждый участок, присваиваются числа от 1 до 10, которые позволяют определить степень выраженности соответствующего параметра.

туемых привлекались студенты, обучающиеся в университета по разным специальностям (18–22 года), а также работники производственных предприятий и других организаций (25–50 лет). Объем выборок варьировал в пределах 30–80 человек.

В исследованиях также были использованы показатели, полученные по следующим диагностическим методикам:

- «Шкала дифференциальных эмоций» (К.Е. Изард, модифицированный вариант), «Стиль эмоционального реагирования» (В.В. Бойко), «Индивидуально-типологический опросник» (Л.Н. Собчик) – для диагностики эмоциональных предпочтений;

- «Тест свободных ассоциаций» и «Тест свободной сортировки объектов» (в модификации Р. Гарднера) – для диагностики параметров когнитивного стиля «Гибкость познавательного контроля» и «Диапазон когнитивной эквивалентности»;

- КИТ СПЧ (Н.А. Батулин, Н.А. Курганский) – для диагностики интеллектуальных параметров;

- «Глобальный дифференциал» (Н.А. Батулин, Е.В. Гудкова) – для диагностики глобального самоотношения как свойства личности;

- «Методика исследования самоотношения», МИС (С.Р. Пантелеев) – для диагностики структуры самоотношения;

- «Личностный дифференциал» (Ч. Осгут) – для диагностики параметров самооценки;

- «Life Style Index» (Р. Плутчик, адаптация Л.Р. Гребенникова) – для диагностики механизмов психологической защиты;

- «16PF» (Р. Кеттелл), «NEO-FFI» – «Большая пятерка» (Р. Мак-Рэй, П. Коста), «СРІ» (Калифорнийский личностный опросник) – для комплексной диагностики личностных свойств;

- «Стиль руководства» (Е.П. Ильин) – для диагностика стиля руководства.

Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между способами оценивания, с одной стороны, и интеллектуальными свойствами (включая уровень развития отдельных способностей и когнитивные предпочтения), эмоциональными предпочтениями, а также с рядом личностных свойств, характеризующих не только относительно устойчивые особенности поведения человека в разных ситуациях, но и специфику его самоотношения, с другой. Представления о психологическом содержании способов оценивания уточнялись и дополнялись с учетом результатов анализа различий между группами людей с яркой степенью выраженности перечисленных характеристик.

Ниже приведено описание четырех способов оценивания (валентность, поляризация, детализация, изменчивость), личностные особенности и особенности оценивания людей с соответствующими предпочтениями.

1. «*Знаковая валентность*» (*позитивность / негативность*) – индивидуальный способ оценивания, при котором человек систематически отдает предпочтение позитивным, либо негативным оценкам.

Предпочтения к позитивности либо негативности, определяются особенностями оценочного основания, представляющего собой многомерный внутренний критерий для сравнения объекта и последующего принятия решения об оценке. В данном случае речь идет об общей (оптимистической, либо пессимистической) установке по отношению к различным проявлениям жизни, которая вносит знаковую асимметрию в оценки.

Так, для людей, предпочитающих позитивные оценки, характерны открытость новому опыту (корреляция с данными по методике «NEO-FFI»), а также глобальное позитивное отношение к себе (данные по «Глобальный дифференциал»), на фоне склонности прибегать к механизму психологической защиты «отрицание» (показатели теста «Life Style Index»).

У людей, предпочитающих негативные оценки, проявляются противоположные тенденции. Кроме того, они обладают более низкой эмоциональной устойчивостью, чем оптимисты (фактор С методики «16PF»), чаще переживают эмоции печали и страха («Шкала дифференциальных эмоций») и чаще проявляют негативные и неоднозначные реакции на различные внешние стимулы («Стиль эмоционального реагирования»).

Личностные особенности людей с соответствующими предпочтения представлены в обобщенном виде в табл. 1.

Таблица 1
Личностные особенности людей с различными предпочтениями к знаковой валентности оценок

Позитивные оценки	Негативные оценки
Оптимистическая установка	Пессимистическая установка
Эмоциональная устойчивость	Эмоциональная неустойчивость
Позитивный эмоциональный фон	Негативный эмоциональный фон

Результаты исследования, проведенного с применением методики «Личностный

дифференциал» (оценка предпочитаемого и отвергаемого другого), свидетельствуют еще об одной особенности, связанной со знаковой валентностью: «оптимисты» используют более широкий набор вербальных категорий при оценке объектов (людей), вызывающих симпатию, и более узкий набор – при оценке объектов (людей), вызывающих антипатию.

Исходя из перечисленных тенденций, можно выделить *особенности оценивания* при выраженности валентности разного знака. Для людей, предпочитающих *позитивные* оценки к таким особенностям относятся:

- интерес и позитивное отношение к новым, незнакомым объектам;
- ориентация на сильные стороны (ресурсы) оцениваемого объекта;
- игнорирование проблем (ограничений),
- способность дать развернутое обоснование своего решения об оценке в тех случаях, когда объект в целом нравится и вызывает позитивные эмоции;
- затруднения в обосновании своего решения, в тех случаях, когда объект в целом не нравится и вызывает негативные эмоции.

Особенности оценивания людей, предпочитающих *негативные* оценки, состоят в следующем:

- безразличное либо осторожное отношение к новым объектам;
- ориентация на слабые стороны (ограничения) оцениваемого объекта;
- склонность «зацикливаться» на проблемах;
- способность давать развернутое обоснование своего решения об оценке в тех случаях, когда объект в целом не нравится и вызывает негативные эмоции;
- затруднения в обосновании своего решения, в тех случаях, когда объект в целом нравится и вызывает позитивные эмоции.

Необходимо отметить, что знаковая валентность является одним из наиболее универсальных и устойчивых способов оценивания – согласно результатам наших исследований, предпочтения к позитивности/негативности сохраняются на протяжении длительных промежутков времени (воспроизводятся при ретестировании через 1 год) и не зависят от пола, возраста и профессиональной направленности.

Важно, что предпочтения к оценкам внешних объектов не имеют прямой связи с уровнем самооценки. Например, позитивность оценок, выявленная с помощью мето-

дики «Evaluation Stile», не может служить основанием для выводов о завышенной или адекватной самооценке.

2. «Поляризация» (*полярность / усредненность*) – индивидуальный способ оценивания, при котором человек систематически отдает предпочтение крайним (полярным), либо умеренным (усредненным) оценкам.

Предпочтения к полярности либо к усредненности оценок, определяются особенностями процесса сравнения объекта с оценочным основанием. Процесс сравнения в данном случае регулируется общей установкой на разделение (принцип «или – или»), либо на объединение («и то, и другое»). Наличие такой установки имеет прямое отношение к процессам развития и проявляется как на уровне восприятия и мышления, так и на уровне личностных свойств (табл. 2).

Таблица 2
Личностные особенности людей с различными предпочтениями к поляризации оценок

Полярные оценки	Умеренные оценки
Склонность к анализу информации	Склонность к обобщению информации
Стремление выделить противоположности	Стремление примирить противоположности
Стремление выделить себя из окружающего мира, эгоцентризм	Стремление включить себя в окружающий мир, полицентризм
Высокая интенсивность выражения чувств	Низкая интенсивность выражения чувств

Полярность / усредненность сочетается со следующими интеллектуальными свойствами:

- склонность обращать внимание на различия (в случае полярности) либо на сходство (в случае усредненности) между объектами («Тест свободной сортировки объектов»);
- уровень развития комбинаторно-логических способностей – умение выделять объекты, находить логические связи между ними и создавать различные комбинации (субтесты «исключение изображений» и «аналогии», КИТ СПЧ).

Среди личностных свойств на фоне предпочтений к полярности, либо усредненности могут проявляться:

- наличие/отсутствие ярко выраженной интровертной установки на фоне высокого/низкого уровня эмоциональной напряженности (ИТО);

- высокая/низкая степень признания самооценности и отсутствие/наличие склонности к самообвинению (МИС).

Особенности оценивания при полярности:

- открытость позиции в отношении оцениваемого объекта;
- однозначность оценок, их очевидность для окружающих благодаря эмоциональной окрашенности;
- категоричность оценок;
- склонность к преувеличению как позитивных, так и негативных проявлений объекта.

Особенности оценивания при усредненности:

- отсутствие четкой позиции в отношении оцениваемого объекта;
- неоднозначность (амбивалентность) оценок;
- трудности при необходимости принимать решение по форме и степени выраженности конкретных оценок;
- критичное отношение к себе при оценке своего внутреннего мира и его значимости для окружающих.

Судя по полученным нами данным, поляризация является относительно устойчивым способом оценивания (что подтверждается результатами повторного тестирования через 3 месяца). В то же время, предпочтения к поляризации могут быть различными у людей разного пола, у лиц с разной профессиональной направленностью, а также у людей с разным опытом работы в той или иной сфере деятельности. В частности, студенты-мужчины разных специализаций имеют большую склонность к поляризации оценок (Выбойщик, 2004). Студенты-психологи чаще проявляют предпочтения к усредненности, которые усиливаются в процессе обучения. У психологов, работающих в области индивидуального консультирования, усредненность выражена более ярко, чем у студентов-психологов и взрослых представителей других профессий (Выбойщик, 2007).

Важно также отметить, что тенденция к полярности либо усредненности оценок проявляется не только при оценке внешних объектов («ES»), но и при оценивании характеристик собственной личности («Личностный дифференциал»).

3. *Детализация (высокая/низкая)* – индивидуальный способ оценивания, характеризующий степень разнообразия в использовании всего возможного континуума оценок. Чем выше детализация, тем больше

разнообразие оценок по степени их выраженности.

На рис. 3 и 4 приведены диаграммы, иллюстрирующие распределение оценок испытуемых, характеризующихся высокой и низкой детализацией. При построении распределений были использованы оценки, которые давались по всем шкалам и объектам-стимулам методике «ES».

Рис. 3. Распределение оценок испытуемого с высокой детализацией

Рис. 4. Распределение оценок испытуемого с низкой детализацией

Предпочтения к высокой детализации связаны, в первую очередь, с особенностями оценочного основания, которое, в данном случае, имеет более сложную организацию, чем у лиц с низкой детализацией. Здесь играет свою роль имеющийся опыт взаимодействия с различными объектами и способность структурировать этот опыт «удобным» для субъекта образом.

Не случайно у людей с высокой детализацией оценок наблюдается более высокий уровень развития «кристаллизованного» (приобретенного) интеллекта (фактор В+ методики «16PF») на фоне высокой чувствительности к угрозе (фактор Н-по «16PF»). Высокая чувствительность помогает им замечать мелкие подробности в объектах, а хорошо организованный интеллект – давать оценки различной степени выраженности.

Выраженная интровертная установка (данные методики ИТО), низкая нормативность поведения (фактор G – по «16PF») и низкие показатели социальной желательности (шкала «лжи», ИТО) свидетельствуют об автономности «детализаторов» по отношению к внешним объектам и обстоятельствам, включая ожидания окружающих (Выбойщик, 2004).

Особенности оценивания при высокой детализации:

- использование оценок разной степени выраженности во всем возможном диапазоне (см. рис. 1);

- отсутствие выраженных предпочтений к позитивности/негативности и полярности/усредненности оценок (оценки могут иметь различный знак и разную степень полярности, например, «очень маленький» – «меньше обычного» – «нормальный, обычный» – «больше обычного» – «большой» – «очень большой»);

- стремление к объективности и независимости в оценках, низкая социальная желательность при самооценивании и оценке внешних объектов;

- способность подробно обосновать решение об оценке;

- «застывание» на деталях (при крайних проявлениях).

Особенности оценивания при низкой детализации:

- использование ограниченного количества оценок разной степени выраженности (см. рис. 2);

- выраженные предпочтения к позитивности/негативности и (или) полярности / усредненности оценок (отсутствие промежуточных вариантов, например, «большой» – «средний» – «маленький»);

- игнорирование деталей;

- социальная желательность оценок и самооценок;

- затруднения при необходимости подробно обосновать свое решение об оценке.

Вышеперечисленные особенности оценивания показывают, что высокая детализация оценок возможна только в тех случаях, когда отсутствуют предпочтения к валентности и полярности (что подтверждается результатами анализа различий между данными психологического исследования по методике «ES» испытуемых с разной степенью выраженности соответствующего параметра). Таким образом, при высокой детализации мы

имеем дело с минимальным вариантом искажений в оценках.

4. «Изменчивость» (высокая / низкая) – индивидуальный способ оценивания, характеризующий склонность легко менять оценки при появлении изменений в объекте. Чем чаще меняется степень выраженности оценок (вплоть до смены валентности с одного знака на другой), тем выше изменчивость.

Изменчивость как способ оценивания определяется особенностями оценочного основания, которое может быть «жестким», «стабильным» либо «подвижным» и открытым для трансформации под влиянием нового опыта.

Данная характеристика подтверждается наличием положительных связей между показателями изменчивости и показателями по субтесту «Общая осведомленность» методики КИТ СПЧ. Общая осведомленность предполагает широкий круг познавательных интересов, общую эрудированность и хороший объем долговременной памяти. Таким образом, человек с высокой общей осведомленностью будет чаще обращать внимание на новые факты и использовать их при вынесении оценочных суждений.

Ряд выявленных корреляций позволяет предположить, что изменчивость особенно подвержена влиянию личностных свойств субъекта, которые, в свою очередь, определяют весь процесс оценивания. Так, при высокой изменчивости оценок с большей долей вероятности проявляются:

- интровертная установка (ИТО);

- низкий интерес к переживаниям других людей, их внутренним потребностям (шкала «Психологическая направленность» – Ру, СРІ);

- импульсивность, возбудимость, низкий самоконтроль (шкала «Самоконтроль» – Sc, СРІ);

- низкая степень социальной зрелости (шкала «Социализация» – So, СРІ);

- внутренняя конфликтность (МИС).

Особенности оценивания при высокой изменчивости:

- способность воспринимать изменения, если таковые происходят;

- минимальная подверженность влиянию стереотипов;

- хаотичность, непредсказуемость и противоречивость оценок (при крайних проявлениях).

Особенности оценивания при низкой изменчивости:

- стереотипность оценок;
- склонность «навешивать ярлыки»;
- игнорирование изменений, происходящих в объекте;
- высокая скорость принятия решений об оценке.

Относительная стабильность изменчивости как способа оценивания подтверждена результатами повторного тестирования испытуемых с промежутком в 3 месяца. Возможность трансформации и подверженность влиянию профессиональной деятельности подтверждена в исследовании оценочных предпочтений людей, работающих в сфере сетевых продаж и студентов юридического факультета аналогичного возраста (Выбойщик, 2006).

В данном исследовании была обнаружена более низкая изменчивость оценок профессиональных манипуляторов в сравнении с людьми, не задействованными в аналогичной деятельности. При этом оказалось, что изменчивость не связана с личностными свойствами студентов-юристов, в то время как у профессиональных манипуляторов такие связи присутствуют.

Низкая изменчивость оценок манипуляторов сопровождается такими личностными чертами (по данным тестирования по методике «16PF») как эмоциональная устойчивость (фактор C+); собранность, дисциплинированность (фактор G+); смелость в общении (фактор H+); консерватизм (фактор Q1-) и зависимость от мнения группы (фактор Q2-).

На основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что взаимосвязанность изменчивости оценок и соответствующего комплекса личностных свойств является следствием постоянного участия в манипуляциях.

В качестве замечания к характеристике данного способа оценивания необходимо отметить, что изменчивость как проявление оценочного стиля, представляет собой очевидный, но не единственный фактор, определяющий изменения в актуальных оценках. Изменчивость в более широком смысле является темой отдельного изучения.

Пример проявления оценочных предпочтений в профессиональной деятельности

Выше были рассмотрены особенности оценочного стиля, которые могут оказывать влияние на искажения в оценках. Реальность

этого влияния можно проиллюстрировать на примере оценочных предпочтений менеджеров с различными стилями руководства.

Исследование, проведенное с использованием методики Е.П. Ильина и экспертных оценок стиля руководства, показало, что для либеральных руководителей характерна усредненность оценок, а для авторитарных – полярность и низкая их изменчивость. Руководители-демократы, как правило, дают более детальные оценки и могут (в умеренной степени) менять их при появлении изменений в объекте (Батурин, Выбойщик, 2008).

Особенности оценочных предпочтений управленцев хорошо согласуются с психологическим содержанием каждого стиля руководства.

Так, основным принципом управления у *либералов* является минимальная включенность в процесс деятельности, отсюда – неопределенные оценки, которые позволяют свести ответственность за их выражение к минимуму.

Авторитарные руководители ориентируются на жесткий контроль и, как правило, не принимают во внимание личность подчиненных. Соответственно, их оценки отличаются стереотипностью и категоричностью.

Для *руководителей-демократов* характерен постоянный контакт с подчиненными, который они поддерживают за счет обратной связи, содержащей подробные и гибко меняющиеся оценки.

Различия в знаковой валентности у руководителей с различными стилями управления обнаружены не были. Эти данные свидетельствуют, что вне зависимости от стиля руководства (по крайней мере, у опытных менеджеров, вошедших в нашу выборку), возможно наличие предпочтений к вынесению как к позитивных, так и к негативных оценок.

Выводы

1. Оценочный стиль является одним из факторов, влияющих на точность оценивания.

2. Особенности оценочного стиля, связанные с предпочтениями к знаковой валентности, поляризации, детализации и изменчивости, обусловлены рядом личностных свойств (включая общие установки – оптимизм / пессимизм интроверсия / экстраверсия, а также интеллектуальные и эмоциональные свойства личности).

3. Предпочтения к некоторым способам оценивания (поляризация, изменчивость) могут меняться под влиянием обучения и условий профессиональной деятельности.

4. Личностные свойства и особенности оценивания, характерные для людей с предпочтениями к знаковой валентности, поляризации, детализации и изменчивости могут быть использованы при определении критериев отбора и эффективности обучения профессиональных оценщиков.

5. Наиболее значимым критерием отбора профессиональных оценщиков является высокая и средняя степень детализации оценок, а также связанный с ней высокий уровень развития интеллектуальных навыков.

Литература

1. Батулин, Н.А. *Оценочная функция психики* / Н.А. Батулин. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

2. Батулин, Н.А. *Оценочный стиль и его место в структуре индивидуальности* / Н.А. Батулин, И.В. Выбойщик // *Теоретиче-*

ская и экспериментальная психология. – М., ГНУ «Психологический институт Российской академии образования». – 2008. – №2. – С. 89–95.

3. Выбойщик, И.В. *Оценочный стиль и его психологическое содержание: дис. ... канд. психол. наук* / И.В. Выбойщик. – Челябинск, 2004.

4. Выбойщик, И.В. *Оценочный стиль: факты, проблемы, возможности изучения* / И.В. Выбойщик // *Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология: сб. науч. тр. Т.5*. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – С. 156–166.

5. Выбойщик, И.В. *Диагностика оценочного стиля: актуальные задачи* / И.В. Выбойщик // *Психология в изменяющемся мире: развитие, адаптация, творчество: Материалы научно-практической конференции факультета психологии ЮУрГУ*. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007.

Поступила в редакцию 11.10.2008.

Выбойщик Ирина Владимировна. Кандидат психол. наук, доцент кафедры психодиагностики и консультирования факультета психологии ЮУрГУ: xchik2007@rambler.ru.

Irina V. Vyboyschik. Ph. D., docent of chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: xchik2007@rambler.ru.

ТЕХНОЛОГИИ ДИАГНОСТИКИ ДИНАМИКИ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ МЕТОДОВ ПРОЕКЦИИ И ПСИХОСЕМАНТИКИ

В.Г. Грязева-Добшинская

В статье обсуждаются возможности методов проекции и психосемантики для разработки методик психодиагностики динамики личности и группы. Дается краткий обзор авторских психодиагностических технологий, используемых в экспериментальных исследованиях динамики личности и группы. Рассматривается вариационный принцип построения экспериментальных программ, обуславливающий специфику этих психодиагностических технологий. Анализируются психометрические аспекты методик, в частности, использование гиперболического распределения.

Ключевые слова: метод проекции, метод психосемантики, технологии психодиагностики динамики личности и группы, вариационный принцип построения экспериментальных программ, гиперболическое распределение.

Социо-культурные пространства жизни современного человека определяются *высокими темпами изменений и усложнений*. В условиях глобализации жизненный мир человека стал *мультикультурным* и характеризуется социо-культурной неопределенностью, сложностью, множественностью критических ситуаций.

Жизненным требованием к личности становится *готовность к изменениям*, направленность на самопознание и саморазвитие, стремление к интеграции в разных культурных сообществах, самоорганизующихся группах, способность к творческому преодолению критических ситуаций. Предельно выражены эти требования для субъектов, которые занимаются творческой, инновационной деятельностью, включены в мобильные гетерогенные проектные команды.

Поэтому актуальными являются экспериментальные исследования психологических факторов, закономерностей динамической самоорганизации личности и группы. Проведение таких исследований потребовало разработки специальных методик диагностики. Эти методики включали возможности *выявления личностной динамики* (изменения ценностей, образа Я, оснований выбора, избирательной активности, ролевых репертуаров), *актуализации ресурсов развития личности* (психотехники переживания кризиса, способности к трансценденции, – выходу за пределы дихотомий «либо-либо» на новый уровень интеграции, способности подниматься над требованиями ситуации и собст-

венными возможностями). Эти методики направлены на выявление *социо-культурной специфичности, гетерогенности* как креативных ресурсов личности и группы, *катастрофичности или гармоничности* происходящих изменений.

На протяжении нескольких лет нами реализуется *общая идея соединения методов проекции и психосемантики* при разработке методик диагностики для экспериментальных исследований динамики личности и группы. *Метод проекции* чувствителен к индивидуально-специфическим эффектам личностных изменений, возможностей актуализации потенциальных ресурсов развития и креативности личности и группы. *Метод психосемантики* ориентирован на выявление множества феноменов функционирования языковых значений, что позволяет фиксировать культурную специфичность личности и группы, наиболее чувствительные точки личностно-смысловых изменений.

Кратко проанализируем особенности методов проекции и психосемантики в их применении к задачам создания *интегративных методик* диагностики динамики личности и группы.

Метод проекции в исследованиях эффектов динамики личности и группы

Проективный метод исследования личности основан на том, что в ситуации многозначной (со слабоструктурированными стимулами) поведение детерминированного аффективно-потребностной сферой личности и

информативно в отношении индивидуально-специфических свойств личности (Л.Ф. Бурлачук, 1997; Е.Т. Соколова, 1980; Д.А. Леонтьев, 1998; Н. Рауш де Траубенберг, 2005).

Экспериментальное исследование межличностных влияний с использованием проективного метода имеет некоторые особенности (В.Г. Грязева-Добшинская, 1988; 2001; 2002). Проективные методики чувствительны к изменениям коммуникативной ситуации. Колебания тестовых результатов вследствие *межиндивидуальных влияний* как проблема надежности проективных методик обсуждалась многими исследователями (А. Анастаси; G.Z. Draguns, E.M. Haley, L. Philips; G. Masling; G.E. Exner). В наших работах с использованием проективного метода межличностные влияния не элиминируются, но становятся предметом исследования. Так, в исследовании межличностных влияний в совместной творческой деятельности на основе метода «отраженной субъектности» выявлены формы коммуникации, обуславливающие эффекты влияния творческого лидера (В.Г. Грязева-Добшинская, 1988; 2001; 2002). В исследовании воздействия авторских символических кинопроизведений на основе *метода персонологического анализа* выявлены закономерности опосредованных личностных влияний режиссеров-авторов, – закономерности динамики образа Я у зрителей (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002, 2006, 2007). Для этих исследований созданы *специальные проективные методики*; в силу их чувствительности к коммуникативным ситуациям, они отражают разнообразие влияний лидеров на группу, а также богатство и глубину влияний авторов на аудиторию.

В этих исследованиях межличностных влияний реализовывался *вариационный принцип построения экспериментальных программ* (В.Г. Грязева-Добшинская, 1988; 2001; 2002). Он заключается в том, что, для проверки гипотез, одни и те же испытуемые включаются в последовательные экспериментальные серии. Предположение исходит из понимания личности как системного качества человека, которое обладает некоторой неопределенностью (вариативностью, а не только инвариантностью) и принимает то или иное определенное качество в коммуникативной ситуации эксперимента. Факторы коммуникативной ситуации, определяющие это качество в сериях, имеют системный характер (являются системными основаниями) и представляют деятельностно-

смысловые аспекты межличностных взаимодействий или стилевые, культурные различия произведений, в которых воплощаются личностно-смысловые установки авторов.

Созданная проективная методика «*Периодическое стимульное пространство*» позволяла исследовать межличностные взаимодействия и влияния в нескольких экспериментальных сериях и определять факторы этих влияний. Методика включает 50 слабоструктурированных стимулов (картин), нетождественных по уровням неопределенности (статистика X^2), сложности (D-статистика), популярности (частотные показатели). Образованы 10 периодов по 5 стимулов так, чтобы в психометрическом аспекте периоды были равноценны. Это давало возможность проводить с одними и теми же субъектами до пяти экспериментальных серий, включающих замеры до и после воздействий, и фиксировать инвариантные и вариативные проявления личности.

Диагностика *изменений избирательной активности субъектов* в отношении стимулов, различных по неопределенности, сложности, популярности значима для прогноза творческой деятельности группы и лидера. Однако эти обобщенные показатели не исчерпывают многообразия возможных изменений личности и группы в творческой деятельности и в художественной коммуникации.

Для исследования многообразных личностных влияний авторских произведений искусства была разработана *технология психодиагностики «Психологическая топология личности»*, в которую включены проективная методика «Вызванные проекции рефлексивных структур личности», психосемантическая параметрическая система анализа данных «Психологическая топология личности» и методика моделирования личностной динамики в группе (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002, 2007). Для исследования эффектов влияний в художественной коммуникации *использовались не просто слабоструктурированные стимулы, но стимулы символические*. Интерпретации личностью символов в силу их многозначности, неопределенности включают проективный аспект.

Методика «*Вызванные проекции рефлексивных структур личности*» является модификацией метода активного воображения, предложенного К.Г. Юнгом и развиваемого Х. Лейнером, Р. Дезолье, Дж. Хиллманом, Р. Ассаджиоли (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002). *Метод активного воображения*

не использовался как психометрический инструмент; он включается в психотерапевтические сеансы для качественного анализа данных. Модификация метода активного воображения направлена на изменение символических стимулов (символических ситуаций для визуализаций «Я») в сторону их большей неопределенности («действие на природной поверхности» вместо «луга» и т.п.). Получаемые тексты субъектов (с образами Я, переживаниями и действиями Я в символических ситуациях) обрабатываются с помощью параметрической системы качественного и количественного анализа текстов и далее выявляются особенности групповой динамики в разных сериях.

Параметрическая система анализа «Психологическая топология личности» включает 12 биполярных параметров (по 16 градаций качества в каждом) таких, как рефлексия переживаний Я, рефлексия избирательной активности и потенциалов взаимодействия Я с миром, качества структурирования жизненного пространства и времени и другие (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002, 2008).

Определена психометрия параметров системы анализа «Психологическая топология личности» по нескольким выборкам, в том числе и по выборке без экспериментального воздействия (В.Г. Грязева-Добшинская, 2008). В каждой выборке образы визуализаций «Я» субъектов оценивались по показателям 16 микрозон (16 градаций качества) каждого из 12 параметров, затем выявлялись частоты характеристик ответов в выборке по каждой микрозоне каждого параметра и тип распределения. Каждая микрозона относилась к одному из частотных диапазонов относительно средних значений показателей по соответствующему параметру. Психометрия показала, что из 16 микрозон каждого из 12 параметров обнаруживается максимум микрозон, частотные значения которых меньше x_{cp} (таких зон по разным параметрам 10–12), меньшее количество микрозон, частотные значения которых от x_{cp} до $2x_{cp}$ (таких зон по разным параметрам 2–4) и минимум микрозон, частотные значения которых от $2x_{cp}$ до $4x_{cp}$ и более $4x_{cp}$ (таких зон по разным параметрам 1–2). Подобное распределение приближается к гиперболическому распределению Цифа-Парето (А.И. Евин, 1993; В.М. Петров, А.И. Яблонский, 1980; А.И. Яблонский, 1986.). Использование гиперболического распределения позволяет проводить диагностику в частот-

ном диапазоне более $2x_{cp}$, при том, что использование нормального распределения предполагает диагностику в диапазоне менее $2x_{cp}$. Для дальнейшего выявления статистически значимых эффектов личностной динамики в группе выбираются микрозоны с частотами от $2x_{cp}$ до $4x_{cp}$ (максимально редкие и весомые изменения).

Сравнительный количественный анализ данных, полученных в группе субъектов в сериях с разными воздействиями, дает возможность выявить типы катастроф и типы гармонизации, отраженных в переживаниях субъектов. Сравнительный анализ экспериментальных воздействий и эффектов личностной динамики в группе субъектов выявляет сензитивные точки и векторы наиболее вероятных изменений, что является основой понимания процессов динамической самоорганизации личности и группы (Г. Хакен, 2000; Д.С. Чернавский, 2002). Данная технология позволяет исследовать процессы личностной динамики в командах, например, спортивных командах или творческих коллективах (Н.В. Маркина, И. Солодков, Е. Потасеева).

Психосемантический метод в исследованиях эффектов динамики личности и группы

Параллельно с разработкой проективных методик осуществлялась и разработка психосемантических методик для экспериментальных исследований межличностных влияний. На основе психосемантического метода Дж. Келли разработана методика с «проективным» дополнением «Семантизация «Я» в символическом пространстве» (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002). Была осуществлена модификация психосемантического метода Дж. Келли, которая направлена на выявление динамики семантических аспектов Я у группы субъектов, а также динамики диалогических структур «Я» – «Другой» в процессах художественной коммуникации. Методика «Семантизация «Я» в символическом пространстве» основана на технике репертуарных решеток (методике триад). В методику введены элементы с символическими аспектами, наряду с элементами, представляющими «Я» воспринимающего субъекта и Автора-режиссера кинопроизведения. Введенные символические элементы – это специфические межличностные роли (Ближайший родственник, Любимый ребенок, Друг детства, Маг и др.), которые ре-

презентировали архетипические символы процесса индивидуации, – Мать, Дитя, Тень, Персону, Аниму-Анимус, Самость, Эго. Каждый архетипический образ амбивалентен, что даёт возможность множественных, вариативных интерпретаций субъектами этих элементов-символов.

Введение элементов с символическими аспектами представляет проективное дополнение к психосемантической методике – технике репертуарных решеток. Показателями эффектов личностных влияний (например, авторского произведения) являются изменения расстояний между элементами в семантических пространствах группы субъектов-перципиентов. Критерий изменений этих расстояний – изменения корреляций между элементами репертуарной решетки. Особенно интересны изменения корреляций, и, следовательно, – расстояний от элемента «Я», что показывает изменения направления идентификации «Я» с другими элементами семантического пространства, включая такой элемент как «Режиссер». Образы «Я» субъектов-перципиентов и их образы Авторов, включаемые в различные символические контексты после восприятия произведений, обнаруживают воздействия этих произведений и этих художников (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002).

В нашей методике изменена процедура обработки данных. В литературе описывается техника сравнения репертуарных решеток пациентов для выявления личностных изменений в процессе групповой терапии, что осуществлялось на основе сравнения матриц интеркорреляций конструкторов (Ф. Франселла, Д. Баннистер, 1987). По методике «Семантизация «Я» в символическом пространстве» получались индивидуальные матрицы интеркорреляций элементов (стандартная процедура обработки). Дальнейший анализ – сравнение матриц интеркорреляций элементов – проводился в некоторой модификации. Сравнивались суммарные групповые матрицы интеркорреляций элементов, так как диагностировались изменения расстояний между элементами в семантическом пространстве группы. При этом учитывался тип распределения значимых корреляций элементов. Во всех экспериментах данное распределение отличается от нормального и приближается к гиперболическому распределению Ципфа – Парето. Это значит, что после экспериментального воздействия в суммарной групповой матрице интеркорре-

ляций можно обнаружить специфическую для данной серии наиболее выраженную (максимально нагруженную) корреляционную плеяду символических элементов. Различия в семантическом пространстве групп после экспериментальных воздействий определялись с использованием непараметрических критериев множественных сравнений (В.Г. Грязева-Добшинская, 2002).

Интегративные методики для исследования эффектов динамики личности и группы

В основе интегративных методик «Символы индивидуальности личности» («СИЛ») и «Кризис – событие» («КС») – модифицированный психосемантический метод Дж. Келли (техника репертуарных решеток). В методиках реализовано соединение двух методов исследования индивидуальности личности – проективного и психосемантического. Это стало возможным вследствие того, что пространство объектов для оценки (т.е. элементы) и пространство шкал оценки (биполярные конструкторы) задавались как два пространства символов, для которых характерны избирательность и неопределенность интерпретаций субъектов и что обеспечивает проективность получаемых данных.

Методика «Символы индивидуальности личности» («СИЛ»), авторы В.Г. Грязева-Добшинская, Е.И. Наливайко, А.С. Мальцева, 2007) направлена на диагностику вариантов развития индивидуальности личности, выявления специфики дифференциации и интеграции структурных уровней индивидуальности личности – сознательного эго, бессознательных (архетипических) и надсознательных (языковых) структур. Методика исследует личность в координатах культуры: ценностей, установок в отношении форм культуры – науки, искусства, религии, социальной практики, – т.е. культурных установок (по Дж. Хендерсену), диспозиций в отношении оснований человеческого бытия – труда, игры, познания, любви, господства (по Э. Финку). Методика исследует личность в контексте межкультурной специфичности, так как в ней заданы концепты (специфические языковые структуры) нескольких культур. Тем самым методика выявляет специфику развития индивидуальности личности как субъекта культуры. Типология субъектов культуры, используемая в методике, предполагает дифференциацию индивида как родового человека, личности как социально-

го субъекта и индивидуальности личности (В.Г. Грязева 2000, 2002). Эта типология личности как субъекта культуры основана нами на работах психологов и культурологов (А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко). Кроме того, методика «СИЛ» может быть использована в исследовании личностной динамики (как эффектов экспериментальных факторов), так как позволяет выявлять наиболее чувствительные к изменениям, гибкие, а также конфликтующие структуры, связанные с «Я».

В стимульный материал методики входят 36 репродукций картин художников-символистов рубежа XIX–XX вв. для выбора элементов и бланк, включающий 60 фразеологизмов для создания конструкторов. Испытуемыми заполняется оценочная решетка по методике триад. Субъектам предлагается выбрать на основе предпочтения объекты для оценивания (элементы) – 10 картин из 36-ти. При этом один из элементов выбирается как наиболее репрезентирующий «Я» субъекта. Символические картины подобраны соответственно архетипическим образам в гармоничном и дисгармоничном вариантах на различных этапах процесса индивидуации – Мать, Дитя, Персона, Тень, Анима, Анимус, Самость (область символического по К.Г. Юнгу).

Затем субъекты оценивают 10 выбранных картин по 15 биполярным конструкторам, которые они произвольно образуют из заданных фразеологизмов (область Символического по Ж. Лакану). Для построения конструкторов задается параметрическое семантическое пространство из 60 фразеологизмов – пословиц, устойчивых выражений, идиом, концептов, поэтических фраз. Фразеологизмы подобраны по нескольким параметрам: а) в соответствие с 5 типами культурных установок – социальной, психологической, философской, религиозной, эстетической; б) в соответствие с тремя типами субъектов культуры – индивид, социальный субъект, индивидуальность личности; в) соответственно основаниям человеческого бытия – любви, игре, труду, господству, познанию, смерти.

Для обработки результатов применяется факторный, корреляционный или кластерный анализ (по Ф. Франселле и Д. Баннистеру) с целью выявления индивидуальных взаимосвязей архетипических структур и символических (языковых) структур у субъектов.

Методика «Кризис – событие» («КС»), авторы В.Г. Грязева-Добшинская, А.В. Щербакова, В.А. Глухова, 2007) направлена на диагностику вариантов переживания кризиса. Методика исследует личность в контексте культурных артефактов – тем самым выявляет специфику переживания кризиса личности как субъекта культуры. Методика также может быть использована в исследовании личностной динамики (как эффектов экспериментальных факторов).

В стимульный материал методики входят 8 бланков 8-ю группами литературных героев по 20–30 на каждом бланке (всего 100 отечественных и 100 зарубежных) для выбора элементов и бланк, включающий 48 фразеологизмов для создания конструкторов.

Субъектам предлагается выбрать на основе предпочтения объекты для оценивания (элементы) – 10 критических событий. Элементы включают два реальных критических события (Я и Друга) и восемь критических событий литературных героев, которые нужно вспомнить и выбрать по одному из каждой группы литературных героев.

Группы литературных героев образованы на основании 8 сочетаний трех параметров: действие (+/-); эмоции (+/-); когниции (+/-). Каждый параметр – это аспект процесса переживания кризиса. Литературные герои подобраны соответственно способам переживания кризиса. Восемь групп героев – феноменологическая классификация способов переживания ими критических событий в контексте истории жизни, т. е. это нарративная классификация переживания кризиса.

Субъекты оценивают 10 выбранных критических событий по 15 биполярным конструкторам. Для построения конструкторов задается параметрическое семантическое пространство, которое состоит из 48 фразеологизмов. Фразеологизмы подобраны по параметрам: а) в соответствие психотехническими способами переживания кризиса как события (по М.М. Бахтину, Ж. Делезу, В.Г. Грязевой-Добшинской): субъектность, готовность к поступку, интенсивность, экстенсивность, катастрофичность, символизация смысла события, единство культурного и личного; б) в соответствие с тремя типами субъектов культуры – индивид, социальный субъект, индивидуальность личности.

Для обработки результатов применяется факторный, корреляционный или кластерный анализ (по Ф. Франселле и Д. Баннистеру) с целью выявления типа переживания

кризиса и специфики психотехники переживания кризиса как события (В.Г. Грязева-Добшинская, А.В. Щербакова, 2007).

Исследование эффектов воздействий социокультурных факторов для прогноза векторов динамики личности и группы

В заключении обратимся к обсуждению не технологических, но смысловых аспектов разработки предлагаемых психодиагностических технологий.

1. Современный мир – сложный и динамичный, насыщенный информацией и техникой, межличностными коммуникациями, влияниями и манипуляциями между людьми, – безусловно, «трудный жизненный мир» для личности. Жесткими требованиями реальности к человеку (а не только желаемыми ценностями) стали – осуществление личностного выбора в ситуациях социокультурной неопределенности, нахождение смысла и способа своего существования, выбор собственного жизненного пути, что делает проблему самоопределения, самодетерминации личности чрезвычайно острой.

Разрабатываемые проективные психодиагностические технологии выявляют особенности избирательной активности личности и ее динамики в параметрическом пространстве. Это может быть пространство стимулов, дифференцированных по степени сложности, неопределенности и новизны, или дифференцированное пространство символов культуры, или пространство биполярных параметров, отражающих уровни и динамику взаимодействия субъектов с миром, в том числе, эмоциональные переживания, предельные состояния психической активности, качество структурирования пространства и времени.

2. Высокий темп изменений и множественность критических ситуаций для самых разных слоев населения делает актуальной проблему осуществления личностью творческой деятельности, «инновационного поведения», творческого переживания кризиса. Отметим, что это не столько проблема подготовки творческой элиты, сколько проблема формирования *массовой творческой ситуации творческого образа жизни* значительной части детей, молодежи, взрослых, как *нового типа социальности* (так, Р. Флорида определяет и исследует новый «креативный класс»).

Специфика психодиагностических методик для экспериментального исследования

динамических тенденций личности и группы в современной культуре предполагает исследование личностной сложности и многомерности, так как сложность внутреннего мира личности и обеспечивает творческий тип переживания в «трудном внешнем мире» (Ф.Е. Василюк) и в целом развитие и личности, и культуры. Сложность внутреннего мира личности проявляется через конфликтность пересекающихся мотивов, ценностей, смыслов, жизненных отношений, иерархичность и многовершинность ее структуры (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, В.Ф. Петренко). Эта сложность исследуется *на основе психосемантического метода через многообразие шкал индивидуального сознания – личностных конструктов* – для интерпретации себя, других (Дж. Келли, Ф. Франселла, Д. Баннистер).

3. Время, в котором *историко-эволюционные процессы динамизировались*, представляет вызов способностям человека в преодолении хаоса внутреннего и внешнего мира, выстраивании своей жизни. Оптимальный путь развития личности проходит через развертывание способностей человека активно созидать свой жизненный мир в разных условиях, сохраняя шансы раскрытия собственной индивидуальности. Индивидуализация жизнедеятельности происходит на фоне дифференциации людей как субъектов культуры (индивид, личность как социальный субъект, личность как индивидуальность). Нами была сформулирована цель образовательных технологий экологической психологии творчества – сформировать устремленность и способности развивающейся личности к *созиданию жизненного мира*, в котором *гармонизированы динамика собственной индивидуальности и динамические тенденции культуры* (В.Г. Грязева-Добшинская, 2000, 2008).

Процессы развития личности и развития культуры сопрягаются *в пространстве и времени образа жизни*, так как именно образ жизни есть и феномен личности, и феномен культуры. *Образ жизни* как «совокупность форм обыденной жизнедеятельности», «способов повседневного существования» людей (А.Я. Флиер, 1997) может являться источником развертывания личностных потенциалов, но может и подавлять их развитие.

Необходимо иметь методики диагностики установок личности к осуществлению жизнедеятельности по всем основным составляющим бытия человека, включая, по-

знание, труд, игру, любовь, господство – свободу. Методика «СИЛ» выявляет значимость, дифференцированность, конфликтность установок, определяющих индивидуальные особенности образа жизни личности. Многообразие установок осуществления жизнедеятельности, варианты их динамики у субъектов выявляются в связи с различием культурных типов (индивид, социальный субъект, личность как индивидуальность), что позволяет осуществлять прогноз векторов наиболее вероятной динамики личности и группы.

4. Еще одно направление разработки психодиагностических технологий в русле выявления устремлений и способностей личности строить гармонизированный жизненный мир, сопряженный с динамикой культуры, связано с выявлением способности личности к продуктивному преодолению переживаемых критических состояний в различных сферах ее опыта (познавательном, игровом, интимном, статусно-ролевом и т.д.). Методика «КС» выявляет особенности психотехники переживания субъектами кризиса как события жизненного пути в контексте культурно-исторического времени (в совокупности ресурсов, проблем, перспектив разных типов субъектов культуры).

Это направление обращено к выявлению общей способности личности – способности к трансценденции. Трансценденция как эффект личностной и групповой динамики выявляется во многих разработанных нами методиках. Способность к трансценденции дает возможность личности выйти из заданного, прервать движение в круге повторяющихся критических ситуаций. Обсуждаемые диагностические технологии выявляют способности личности к трансценденции, включают возможности экспериментального выявления факторов ее актуализации в совместной деятельности, в реальных диалогах или метадиалогах с другой личностью (например, с Художником в наших исследованиях воздействий современного искусства).

5. Включение в психодиагностические технологии стимулов, обусловленных культурой или разными культурами (символов, культурных героев, художественных образов и т.п.), а также включение в диагностические параметры аспектов, обусловленных культурой или разными культурами, позволяет определить это направление психодиагностики как мультикультурное, ориентиро-

ванное на выявление и прогноз динамики личности и группы в сложном пространстве современной культуры.

Литература

1. Бурлачук, Л.Ф. Введение в проективную психологию / Л.Ф. Бурлачук. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 128 с.
2. Грязева, В.Г. Эффекты межиндивидуальных влияний в совместной деятельности / В.Г. Грязева // Личность и межличностные отношения в коллективе. – Ульяновск: УГПИ, 1988. – С. 50–61.
3. Грязева, В.Г. Экологическая психология творческой личности. Обучение в контексте развития личности как субъекта культуры / В.Г. Грязева. – М.: ЦРСДОД МО РФ; Челябинск: Полиграф-мастер, 2000. – 306 с.
4. Грязева, В.Г. Методика «Периодическое стимульное пространство» в исследовании эффектов личностных воздействий / В.Г. Грязева // Теоретическая экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. – Т.3. – С. 67–88.
5. Грязева, В.Г. Проективный метод / В.Г. Грязева // Общая психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – С. 238.
6. Грязева, В.Г. Проекция / В.Г. Грязева // Общая психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – С. 171.
7. Грязева-Добшинская, В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы / В.Г. Грязева-Добшинская. – М.: Академический проект, 2002. – 402 с.
8. Грязева-Добшинская, В.Г. Феномены субъектности в современном искусстве / В.Г. Грязева-Добшинская // Вопросы психологии. – 2006. – №1. – С. 93–104.
9. Грязева-Добшинская, В.Г. Интеграция методов проекции и психосемантики. К технологии психодиагностики динамической самоорганизации личности и группы / В.Г. Грязева-Добшинская // Социальная психология творчества 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 99–111.
10. Грязева-Добшинская, В.Г. Психологическая топология личности. Технология экспериментального исследования личност-

ной динамики в группе: учебное пособие / В.Г. Грязева-Добшинская. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 142 с.

11. Грязева-Добшинская, В.Г. Методика диагностики личности как субъекта культуры «Символы индивидуальности личности» / В.Г. Грязева-Добшинская, Е.И. Наливайко, А.С. Мальцева // Социальная психология творчества 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 136–145.

12. Грязева-Добшинская, В.Г. Методика диагностики переживания кризиса личности как события «Кризис – событие» / В.Г. Грязева-Добшинская, А.В. Щербакова, В.А. Глухова // Социальная психология творчества 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 146–152.

13. Евин, И.А. Синергетика искусства / И.А. Евин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 177 с.

14. Келли, Дж. Теория личности. Психология личных конструктов / Дж. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.

15. Леонтьев, Д.А. Тематический апперцептивный тест / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1998. – 254 с.

16. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 400 с.

17. Петров, В.М. Математика и социальные процессы (гиперболистические распределения и их применение) / В.М. Петров, А.И. Яблонский. – М.: Знание, 1980. – 64 с.

18. Петровский, В.А. Личность в психологии / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРГУ, 1996. – 510 с.

19. Рауш де Траубенберг, Н. Тест Роршаха: Практическое руководство / Н. Рауш де Траубенберг. – М.: Когито-Центр, 2005. – 255 с.

20. Соколова, Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 176 с.

21. Сафиуллина, Л.З. Взаимосвязь феномена принятия-отвержения одиночества с особенностями самоактуализации творческой личности / Л.З. Сафиуллина // Социальная психология творчества 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 42–51.

22. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М.: Прогресс, 1987. – 234 с.

23. Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 357–403.

24. Флиер, А.Я. Культура / А.Я. Флиер // Культурология. XX в. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 203–209.

25. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005. – 258 с.

26. Хакен, Г. Основные понятия синергетики / Г. Хакен // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – с. 28–55.

27. Хендерсон, Дж. Психологический анализ культурных установок / Дж. Хендерсон. – М.: Добросвет, 1997. – 219 с.

28. Чернавский, Д.С. О методологических аспектах синергетики / Д.С. Чернавский // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 50–66.

29. Щербакова, А.В. Событийная природа психологического кризиса / А.В. Щербакова // Социальная психология творчества 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 28–32.

30. Яблонский, А.И. Математические методы исследования науки / А.И. Яблонский. – М.: Наука, 1986. – 352 с.

Поступила в редакцию 15.09.2008.

Грязева-Добшинская Вера Геннадьевна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии: 8(351)267-99-81.

Vera G. Gryaseva-Dobshinskaya. PsyD, professor, head of sub-faculty of general psychology of South Ural State University: 8(351)267-99-81.

НАБЛЮДАЕМЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Л.Я. Дорфман

Обозначены некоторые методологические проблемы психологических измерений, привязанные к вопросу о наблюдаемых и ненаблюдаемых (теоретических) объектах. Эти проблемы рассматриваются с позиций научного реализма и научного инструментализма. Ставятся вопросы о том, в какой степени эмпирическое понятие (приводящее к измерениям) и эмпирическое обобщение (основанное на измерениях) могут выступать в качестве теоретических (ненаблюдаемых) объектов. Предпринята попытка показать несколько статусов теоретических объектов. Вводится понятие «базовый теоретический аргумент переопределенности». Применительно к измерениям рассматривается базовый эмпирический аргумент недоопределенности.

Ключевые слова: измерение, наблюдаемые объекты, теоретические (ненаблюдаемые) объекты, базовый теоретический аргумент переопределенности, базовый эмпирический аргумент недоопределенности.

Как известно, многие психологические свойства определяются в психологической науке вначале в форме абстракции, теоретического обобщения. Психологическое свойство выступает здесь как теоретический конструкт, продукт исследовательского мышления. Описывает ли данный конструкт психологическое свойство как факт реальности или данный конструкт является чисто умозрительным и надуманным – фундаментальный вопрос, с которого берет начало психология как академическая наука. В этот же вопрос вписывается проблема психологических измерений.

Обычно в психологии под измерением понимают выявление количественных характеристик изучаемых психических явлений. Одна из задач измерений заключается в том, что тест или вопросник должны соответствовать своему назначению измерять то, для чего они созданы (валидность). В данной статье измерения понимаются более широко и несколько под иным углом зрения: измерения как убедительные эмпирические свидетельства о том, что исследователь измеряет явления, существующие в независимой от него психологической реальности других людей, а не продукты собственного мышления. Более конкретно, специальной задачей психологических измерений является получение эмпирических (в количественном виде) свидетельств о том, что объекты измерений (которые находят-

ся в реальности) поддерживают (или опровергают) теоретические конструкты (которые продуцирует исследовательское мышление).

Понятно, исследователь пытается придать психометрическим измерениям предельно объективный характер, т.е. получать очевидные эмпирические свидетельства о том, что измеряются явления, действительно относящиеся к реальности, а не к собственному мышлению. Однако роль исследовательского мышления при этом оказывается двоякой. С одной стороны, мышление исследователя помогает ему решать вопросы объективных измерений. С другой стороны, мышление может увести исследователя в сторону от измеряемой им психической реальности и замыкать его на конструктах собственного мышления.

В настоящей статье предпринята попытка в методологическом ключе обозначить некоторые методологические проблемы психологических измерений. Имеются в виду не только собственно измерения, но и их предпосылки, восходящие к теориям, с позиций которых измерения разрабатываются или проводятся. Круг методологических проблем привязывается к вопросу о наблюдаемых и ненаблюдаемых (теоретических) объектах.

**Наблюдаемые и ненаблюдаемые
(теоретические) объекты с позиций
научного реализма и научного
инструментализма**

Психологические измерения являются неотъемлемым разделом психодиагностики (в том числе тестирования) и более широко – эмпирической психологии. Тема наблюдаемых и теоретических (ненаблюдаемых) объектов является одной из проблем измерений, но касается не только измерений, ее базовые послышки восходят к эмпиризму и научному реализму.

Согласно Carnap (1952), эмпиризм рассматривает научное знание как результат сенсорного восприятия; реализм толкует научное знание как результат отражения человеком окружающего мира.

Эмпиризм отводит опыту, или органам чувств две разные функции. Во-первых, опыт рассматривается как источник всех идей, сырой материал для мышления. Во-вторых, опыт толкуется как основа для подтверждения понимания стоящей за ним реальности. Эта вторая функция опыта оформилась в виде самостоятельной доктрины, которую Bennett (1964) обозначил как познавательный эмпиризм (knowledge empiricism). Познавательный эмпиризм получил широкую поддержку со стороны многих научных реалистов (см.: Boyd, 2002).

Наблюдаемые объекты – это все то, что могут зафиксировать органы чувств наблюдателя. Первично чувственные данные представляет собой сырую массу неупорядоченных и случайных впечатлений; сами по себе они вряд ли имеют какое-либо собственно научное значение. В ходе эмпирического познания, однако, массив сенсорных данных упорядочивается и систематизируется в специально организованных и структурированных наблюдениях, которые затем подвергаются измерениям (например, в формах тестирования или проведения экспериментов). Чувственные данные об объектах, организованные определенным образом в ходе наблюдения, служат наиболее существенными индикаторами истинности психических явлений и поведения людей. Измерениям подвергаются прежде всего наблюдаемые объекты.

Научный реализм относит к области реальности не только наблюдаемые, но и т.н. ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Термином «ненаблюдаемый объект» обозначается то, что постулируют теории, но что

невозможно наблюдать. Центральным является положение о теоретических объектах. В отличие от теоретических конструктов, которые относятся к исследовательскому мышлению, утверждается, что теоретические объекты существуют в самой реальности. Термином «теоретический объект» в естественных науках описываются, к примеру, частицы, поля, процессы, структуры, состояния и т. п. В психологии к теоретическим объектам можно отнести либидо, супер-эго и перенос в психоанализе Фрейда (см.: Хакинг, 1998) или ментальные репрезентации и социальное познание (см.: Cacioppo, Semin, & Berntson, 2004). Научный реализм считает задачей эмпирических исследований подвергать тестированию знания, заключенные в теориях, на их истинность. Истинность теорий соотносится с реальностью. Если некий феномен допускает множество объяснений, научный реализм утверждает, что одна из конфликтующих гипотез или теорий может быть истинной.

Научный инструментализм (одно из течений эмпиризма), напротив, не рассматривает целью научных теорий открытие истины. Научные теории представляются в качестве подходящих интеллектуальных структур для описания, предсказания и упрощенного объяснения абстрактными терминами некоторой области наблюдаемых феноменов. Эти интеллектуальные структуры относятся к мышлению; утверждается, что они не существуют в реальности. Научный инструментализм рассматривает теории также как полезный интеллектуальный ресурс для ответов на вопросы и решения проблем в той или иной эмпирической области исследования.

В то время как научный реализм, по сути, отождествляет «истинные» теоретические конструкты и теоретические объекты, научный инструментализм оперирует теоретическими конструктами, но не относит их к реальности. Под углом зрения и научного реализма, и научного инструментализма не возникает вопросов с измерениями наблюдаемых объектов. Но возможны ли прямые измерения теоретических конструктов (научный инструментализм) и, тем более, теоретических объектов (научный реализм)?

Теоретические и эмпирические понятия

При психологических измерениях проблема ненаблюдаемых (теоретических) объектов возникает в нескольких разных аспектах. Во-первых, психологические измерения

начинаются с понятия, которым описывается полагаемый предмет измерения (исследовательская дедукция). Можно ли данное понятие трактовать как теоретический объект? Во-вторых, измерения наблюдаемых объектов приводят к эмпирическим обобщениям материала наблюдений (исследовательская индукция). Можно ли эмпирическое обобщение трактовать опять-таки как теоретический объект?

Эмпирическое понятие как теоретический (ненаблюдаемый) объект

Начнем с анализа понятий, которыми описывается полагаемый предмет измерения. Не всякое понятие пригодно для измерений. В связи с этим условимся различать теоретические и эмпирические понятия.

В психологической науке *теоретическое* понятие имеет высокие уровни обобщения и абстракции (например, «деятельность», «активность», «образ», «личность», «индивидуальность», др.). В соответствии с законом формальной логики об обратном отношении между объемом и его содержанием, теоретическое понятие имеет большой объем (обозначает множество явлений), но бедное содержание (в части описания конкретных признаков отдельных явлений). В сравнении с теоретическим, *эмпирическое* понятие, напротив, описывает реальность более фрагментарно, имеет более низкие уровни обобщения и абстракции. Однако при малом объеме (обозначаются отдельные явления) эмпирическое понятие наполнено более конкретным содержанием (при описании явления выделяются признаки, присущие данному явлению). Экстраверсия, доминантность, самооценка, вербальный интеллект, пластичность – примеры эмпирических понятий.

Для создания процедуры измерения годятся эмпирические понятия, но непригодны теоретические понятия. Более того, эмпирические понятия должны дополняться операциональным определением. Операциональная дефиниция представляет собой способ определения эмпирического понятия – набор операций (процедур), направленных на производство его значений и на их измерение. С одной стороны, предметом операциональной дефиниции являются *теоретические* понятия: некоторые из них можно конвертировать в эмпирические понятия. С другой стороны, операциональная дефиниция придает эмпирическим понятиям формы, доступные для их измерения и тестирования. Под углом

зрения операционализации эмпирическое понятие есть набор операций (процедур), направленных на производство его значений и на их измерение.

Можно предположить, что «истинное» операционализированное значение эмпирического понятия выступает не только в качестве понятия (продукта исследовательского мышления), но и как теоретический объект, существующий в реальности. Например, интеллект, измеряемый тестом Векслера, можно понимать двояким образом – и как эмпирическое понятие, и как теоретический объект.

Эмпирическое обобщение как теоретический (ненаблюдаемый) объект

У теоретических и эмпирических обобщений (приводящих к образованию соответственно теоретических и эмпирических понятий) принципиально разные источники. Источником теоретических обобщений является мышление, источник эмпирических обобщений – чувственно постигаемая реальность, познаваемая с помощью измерений. Эмпирическое обобщение – это отображение структурированного фрагмента психической реальности, а не ее отдельных, не связанных между собой элементов этой реальности. Можно ли эмпирическое обобщение рассматривать к тому же в качестве теоретического объекта?

Дело в том, что измерения проводят с наблюдаемыми объектами. При этом возникают образования, которые явно или неявно толкуют как ненаблюдаемые (теоретические) объекты. К примеру, когда психодиагностика опирается на теорию вероятности и использует методы статистики для экстраполяции данных, полученных на выборке, на популяцию, она толкует популяцию (генеральную совокупность) не только как эмпирическое обобщение, но и как ненаблюдаемый объект. Когда данные психологических измерений подвергаются обобщениям в терминах «факторов» (эксплораторный факторный анализ) или «латентных факторов» (конфирматорный факторный анализ, структурные линейные уравнения), психолог-исследователь вновь обращается к ненаблюдаемым объектам. Фактор – это латентный ненаблюдаемый конструктор. Он вычисляется, но прямо не измеряется. К латентным факторам приходят от сырых эмпирических данных, т.е. это путь исследовательской индукции. Латентный фактор при этом можно понимать как эмпирическое обобщение. Или

латентный фактор представляет собой также ненаблюдаемый (теоретический) объект?

Нередко эмпиризм обнаруживает ненаблюдаемые объекты как бы вслед и на основе наблюдаемых объектов, т.е. в результате применения индуктивной стратегии исследования. Научный реализм, напротив, скорее ненаблюдаемые объекты рассматривает в качестве каузального фактора и «механизма» наблюдаемых объектов, т.е. применяет дедуктивную стратегию исследования (см., напр.: Shames, 1990).

Возможные статусы теоретических (ненаблюдаемых) объектов

Современные и эмпиризм, и научный реализм рассматривают органы чувств в качестве детекторов реальности. При этом отмечается, что круг познаваемых феноменов реальности можно увеличивать, расширяя возможности человеческих органов чувств, — через применение новых инструментов измерений и процедур. С их помощью можно познавать не только наблюдаемые, но и ненаблюдаемые напрямую через органы чувств объекты (см., напр.: Хакинг, 1998). Знание о ненаблюдаемых психологических феноменах первоначально может принимать формы только теоретических конструктов. По мере того, как измерения и процедуры совершенствуются, становится возможным определять прежде недостижимые психологические феномены.

Следовательно, теоретические объекты могут иметь несколько разных статусов. Во-первых, это такие теоретические объекты, которые не наблюдаются. Во-вторых, это теоретические объекты (латентные факторы), которые исследователи не научились измерять, но научились вычислять, и они приобрели статус теоретических вычисляемых объектов. В-третьих, это теоретические объекты, которые благодаря расширенным возможностям органам чувств исследователи научились наблюдать и измерять, и теоретические объекты приобрели статус наблюдаемых и измеряемых объектов.

Базовый теоретический аргумент переопределенности

Существуют реальные трудности с операциональными определениями. Во-первых, ни одно эмпирическое понятие невозможно определить во всей полноте его значений и, следовательно, это ограничение распространяется на операциональные определения.

Более того, чем больше операциональных определений, тем меньше шансов определить суть эмпирического понятия как такового. Так, чем больше способов определения длины, тем меньше шансов дать определение длине как таковой. Это обстоятельство привело к отказу от требований полного определения всех значений эмпирических понятий. Эмпирическое понятие можно определить и поддержать лишь в границах тех его значений, на которые оно же претендует. Однако любое эмпирическое понятие имеет другие значения, которые не определены и эмпирически не поддержаны.

Во-вторых, значения эмпирического понятия в принципе не могут быть полными. Если эмпирическое понятие не будет открыто для новых значений, тогда науке просто нечего будет открывать; ведь эмпирические понятия будут содержать в себе то, что уже открыто и известно (цит. по: Green, 1992).

Эти выводы имеют прямое отношение к измерениям. Они объясняют тот факт, что при переходе от операционального определения эмпирического понятия к его измерению возникают затруднения с определением степени соответствия операциональных определений эмпирическому понятию: никакая операциональная дефиниция не может покрыть все значения эмпирического понятия. Следовательно, любое эмпирическое понятие в принципе является переопределенным по отношению к конкретному измерению, а измерение отдельных значений того же эмпирического понятия, напротив, недоопределенным по отношению к эмпирическому понятию. Экстраверсия, измеренная тестом «Широта классификации» (Мерлин, 1973) и экстраверсия, измеренная вопросником Айзенка (Eysenck & Eysenck, 1994), дают пример разных значений и операциональных дефиниций экстраверсии. Существуют и другие значения и операциональные дефиниции экстраверсии, как, например, у Кеттелла (цит. по: Хьелл, Зиглер, 2006) или Юнга (2002). Никакой тест или вопросник, взятые по отдельности, не могут покрыть все значения (известные и неизвестные) экстраверсии.

Можно заметить, что данная проблема не имеет прямого отношения к конвергентной или дивергентной валидности, поскольку и та, и другая, строго говоря, не заостряет вопрос о том, почему шкалы разных тестов или вопросников коррелируют или не коррелируют между

собой. Ведь подобного рода корреляции (или их отсутствие) могут быть основаны и на одних и тех же, и на разных значениях одного и того же эмпирического понятия, а то и на значениях разных понятий.

Я ввожу понятие «*базовый теоретический аргумент переопределенности*», имея в виду, что любое эмпирическое понятие является переопределенным по отношению к конкретным измерениям его отдельных значений. Этот аргумент высвечивает проблему необходимости дифференцировать одни «истинные» теоретические объекты от других «истинных» теоретических объектов.

Базовый эмпирический аргумент недоопределенности

По некоторым вопросам эмпиризм встает в прямую оппозицию к научному реализму и смыкается со взглядами антиреалистов. Эмпиристы ссылаются на т.н. *базовый эмпирический аргумент недоопределенности*.

Суть этого аргумента иллюстрирует случай с двумя теориями А и Б, которые эмпирически являются эквивалентными. Допустим, каждая из этих теорий содержит ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Теория А и теория Б отличаются тем, *что* они говорят о ненаблюдаемых (теоретических) объектах. Что касается *наблюдаемых* феноменов, ситуация оборачивается: теория А и теория Б приводят к одинаковым *эмпирическим следствиям*. Следовательно, одни и те же эмпирические данные могут свидетельствовать в пользу разных теоретических объектов, а значит нет надежных и однозначных эмпирических свидетельств в пользу ненаблюдаемых объектов ни в теории А, ни в теории Б (см.: Boyd, 2002).

Рассмотрим теперь базовый эмпирический аргумент недоопределенности применительно собственно к измерениям. Можно полагать, что один и тот же вопросник или тест могут иметь конструктивную валидность по отношению не только к той теории (эмпирическому понятию), на основе которой он был создан, но и к какой-то другой теории (другому эмпирическому понятию), пусть даже о ней в данный момент ничего не известно. Правомерной и альтернативной может быть гипотеза о том, что есть другая теория, применительно к которой вопросник или тест также имеют конструктивную валидность.

Отсюда следует, что задача на конструктивную валидность может заключаться не

только в том, чтобы определять меру соответствия наблюдаемых и измеряемых признаков явления определенной теории (эмпирическому понятию). Другой задачей на конструктивную валидность может быть тестирование гипотезы о существовании какой-либо иной теории (эмпирического понятия), которой соответствуют данные наблюдаемые и измеряемые признаки явления. Эту, так сказать, нуль-гипотезу следует опровергнуть. Элегантным и экономным решением данной задачи может быть создание искусственных моделей, построенных на принципе случайности. Подобного рода модели могут заменять конкретные альтернативные теории (эмпирические понятия). Нужно доказать конструктивную валидность теста или вопросника применительно к их родовой теории и показать отсутствие конструктивной валидности того же теста или вопросника в отношении случайной модели (альтернативной теории).

Понятно, что эта задача не сводится к определению ни конвергентной валидности, ни дивергентной валидности. На самом деле базовый эмпирический аргумент недоопределенности в области измерений приводит к постановке задачи на выявление «истинных» теоретических объектов и отделение их от «неистинных».

Заключение

Обозначены некоторые методологические проблемы психологических измерений, привязанные к вопросу о наблюдаемых и ненаблюдаемых (теоретических) объектах. Научный реализм относит к области реальности как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Научный инструментализм, напротив, оперирует теоретическими конструктами, но не относит их к реальности. Проблема заключается в том, возможны ли прямые измерения ненаблюдаемых теоретических конструктов (научный инструментализм) и, тем более, ненаблюдаемых теоретических объектов (научный реализм).

Психологические измерения начинаются с понятия, которым описывается полагаемый предмет измерения (исследовательская дедукция). В связи с этим ставится вопрос о том, в какой степени эмпирическое понятие может выступать в качестве теоретического (ненаблюдаемого) объекта. С другой стороны, измерения наблюдаемых объектов приводят к эмпирическим обобщениям мате-

риала наблюдений (исследовательская индукция). В связи с этим ставится вопрос о том, в какой степени эмпирическое обобщение (приводящее к образованию эмпирического понятия) может выступать в качестве опять-таки теоретического (ненаблюдаемого) объекта.

Предпринята попытка показать несколько статусов теоретических объектов. Во-первых, это такие теоретические объекты, которые не наблюдаются. Во-вторых, это теоретические объекты (латентные факторы), которые исследователи не научились измерять, но научились вычислять, и они приобрели статус теоретических вычисляемых объектов. В-третьих, это теоретические объекты, которые благодаря расширенным возможностям органов чувств исследователи научились наблюдать и измерять, и теоретические объекты приобрели статус наблюдаемых и измеряемых объектов.

Вводится понятие «базовый теоретический аргумент переопределенности», имея в виду, что любое эмпирическое понятие является переопределенным по отношению к конкретным измерениям его отдельных значений. Этот аргумент высвечивает проблему дифференциации одних «истинных» теоретических объектов от других «истинных» теоретических объектов. Рассматривается базовый эмпирический аргумент недоопределенности применительно к измерениям. Этот аргумент приводит к постановке задачи на выявление «истинных» теоретических объектов и отделение их от «неистинных».

Литература

1. *Очерк теории темперамента / под ред. В.С. Мерлина. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1973. – 291 с.*

2. *Хакинг, Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естест-*

венных наук / Я. Хакинг / Науч. ред. Е.А. Мамчур. – М.: Логос 1998. – 296 с.

3. *Хьелл, Л. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.*

4. *Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – СПб.: Питер, 2002 – 352 с.*

5. *Bennett, J. Rationality / J. Bennett. – London: Routledge & Kegan Paul., 1964.*

6. *Boyd, Richard, Scientific Realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.) // <http://plato.stanford.edu/archives/sum2002/entries/scientificrealism/>.*

7. *Carnap, R. Empiricism, semantics and ontology / R. Carnap // Semantics and the philosophy of language / L. Linsky (ed.). – Urbana: University of Illinois Press, 1952.*

8. *Cacioppo, J.T. Realism, instrumentalism, and scientific symbiosis: Psychological theory as a search for truth and the discovery of solutions / J.T. Cacioppo, G.R. Semin, G.G. Berntson. – American Psychologist. – 2004. – №59(4) – P. 214–223.*

9. *Eysenck, H.J. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) & EPQ-R Short Scale / H.J. Eysenck, S.B.G. Eysenck. – San Diego, Ca: EdITS, 1994.*

10. *Green, C.D. Of immortal mythological beasts: Operationism in psychology / C.D. Green. – Theory & Psychology. – 1992. – №2–3. – P. 291–320.*

11. *Shames, M.L. On data, methods, and theory: An epistemological evaluation of psychology / M.L. Shames. – Canadian Psychology. – 1990. – №31(3). – P. 229–238.*

Поступила в редакцию 29.09.2008.

Дорфман Леонид Яковлевич. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры: dorfman07@yandex.ru.

Leonid Ya. Dorfman. PsyD, professor, head of chair of psychology and pedagogy of Perm State Institute of Arts and Culture: dorfman07@yandex.ru.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОСНОВА СЕРТИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ

С.А. Маничев

Цель сертификации – гарантировать общественности, что профессиональная практика отдельных индивидуумов соответствует стандартам. В статье описывается разработка профессионального стандарта психологов для добровольной сертификации специалистов. Система сертификации основана на научных критериях, установленных для психологии как науки и профессии. Внедрение системы сертификации позволит гарантировать качество психологических услуг, предоставляемых в Российской Федерации.

Ключевые слова: признание профессиональной квалификации, сертификация, профессиональный стандарт, анализ деятельности, стандарты компетенций.

В настоящее время в России существует хорошо разработанная система признания квалификации научных и педагогических работников (система ученых степеней и званий). Однако градации академической квалификации либо охватывают только один, «вузовский», этап профессиональной карьеры (бакалавр, магистр, специалист), либо только одну линию карьеры – научные достижения (кандидат и доктор наук). Опыт и достижения профессионала как успешного практика фактически оказываются за пределами академических рамок признания квалификации.

Это вполне естественно, потому что развитие профессионала как успешного практика происходит прежде всего «на рабочем месте», в процессе профессиональной деятельности, вне «зоны досягаемости» для высшей школы. Личный опыт профессионала при этом дополняется краткосрочными образовательными программами, так или иначе связанные со спецификой профессиональной деятельности.

Образование в течение всей профессиональной жизни, не только в период обучения в высшей школе, становится непреложным условием успешной профессиональной карьеры. Считается, что за весь период профессиональной деятельности (примерно 40 лет) каждый специалист должен повышать свою квалификацию 5–8 раз (Фей К., Либо М., Моргулис-Якушев С., 2001).

Таким образом, основные события профессиональной карьеры и основные профессиональные достижения приходятся на фактически неподконтрольный профессиональ-

ному сообществу период примерно в 40 лет профессиональной карьеры после окончания высшего учебного заведения. Вследствие чего возникают значительные различия между практикующими психологами в уровне профессионального мастерства, опыта, объема послевузовской подготовки.

Очевидно, что профессионализм психологов определяет уровень оказываемых ими услуг и критичен с точки зрения последствий этих услуг для физических лиц и организаций. Поэтому становится очевидной необходимость создания в России системы признания квалификации практикующих психологов, дополняющей систему академических степеней.

Признание квалификации обычно институализируется как система сертификации. Цель сертификации – гарантировать обществу, что профессионализм специалиста соответствует определенным стандартам. Сертификат удостоверяет квалификацию профессионала, что делает для него законным (легитимным) определенный вид занятий и повышает ценность на рынке труда.

Сертификация имеет особое значение в связи с нарастающим обособлением систем получения базовых профессиональных знаний (высшее и среднее специальное образование) и систем признания квалификации. Академическая степень (вузовский или другой диплом) не всегда достаточна для признания квалификации. Расхождение этих двух сложившихся систем серьезно беспокоит даже профессиональное сообщество Европы.

Система высшего образования, откликаясь на веяния времени, запускает массовое «производство» специалистов. Часть специалистов соблюдает в деятельности профессиональные стандарты, часть – отходит от них. Кроме того, образовательная система является слишком косной для того, чтобы своевременно реагировать на изменения в практике. Через некоторое время после окончания вуза становится невозможно оценить уровень работы специалиста и возможные последствия действий такого специалиста для общества.

Поэтому во многих странах вводится дополнительный контроль за практической деятельностью профессионала-психолога. При этом государственное регулирование (обязательная сертификация) сохраняется в основном для тех специалистов, которые работают в сферах профессиональной деятельности, представляющих особые риски для потребителей или общества (медицина, строительство и т.п.).

В перспективе признание квалификации все больше будет перекладываться на сами профессиональные сообщества (так называемые саморегулирующиеся организации), которые сами заинтересованы в том, чтобы закрыть дорогу в практику малоквалифицированным специалистам. Для этого профессиональными сообществами создаются системы добровольной сертификации. Наиболее развитые системы сертификации существуют в США, Канаде и Великобритании. Сертификация в этих странах уже прошла путь от добровольной сертификации к обязательной.

В Канаде и США существует начальная система подготовки психологов, которая включает в себя специализированные образовательные программы в школах и колледжах, делающие возможным получение научной степени в университетах. При этом научная степень в области психологии не дает право на практическую работу. Она лишь подтверждает имеющиеся знания. Под требования лицензирования и сертификации попадают все психологи, деятельность которых связана с непосредственным оказанием психологических услуг населению (Direct Services), и получением за это гонорара (оплаты). В свою очередь, психологи, занятые исследовательской деятельностью в государственных организациях, агентствах, колледжах или университетах, законодательством некоторых штатов и провинций освобождены от лицензирования (даже если рабо-

тодатели требуют ее проведения для защиты прав потребителей психологических услуг).

На территории США и Канады практика без лицензии запрещена. За несоблюдение требований законодательства накладываются административные взыскания в виде штрафов. При этом допуск профессиональных психологов к практике регулируется законами каждого отдельно взятого штата и округа Колумбия, а также законодательством восьми провинций Канады.

Можно сформулировать следующие наиболее типичные требования для обязательной сертификации специалиста-психолога:

1. Наличие специального образования. Лицензирование психологов на право ведения частной практики в большинстве штатов США и Канаде требует наличия докторской степени в области психологии. Такая степень может быть получена в соответствующих образовательных учреждениях, имеющих региональную аккредитацию и выполняющих соответствующий региональным требованиям учебный план.

2. Наличие опыта работы. Обязательным является требование о наличии одного или двух лет опыта работы под супервизией в учреждениях и организациях, перечень которых одобрен профессиональным советом штата. Во многих штатах США требуется наличие опыта работы под супервизией непосредственно после получения докторской степени.

3. Успешное прохождение экзаменов. Все претенденты на сертификат должны сдать «Экзамен на осуществление профессиональной деятельности в области психологии» (Examination in Professional Practice in Psychology – EPPP). Экзамен рекомендуется сдавать по месту предполагаемой работы (практики), фактически – в том же штате. Содержание экзамена определяется по результатам обзоров психологической практики в США и Канаде. Обзоры практик инициируются Ассоциацией региональных и местных советов по психологии – The Association of State and Provincial Boards (ASPPB). Эта организация была создана в 1961 году с целью обеспечения лицензирования деятельности психологов. В ее задачи входит разработка «Экзамена на осуществление профессиональной деятельности в области психологии» (EPPP), использующегося соответствующими Лицензирующими Советами при лицензировании и сертификации специалистов. Результаты прохождения

экзамена фиксируются в базе данных ASPPB (Ассоциации региональных и местных советов по психологии) и могут быть затребованы специалистом в случае открытия им практики в другом штате. Для упрощения процедуры аккредитации специалиста в случае переезда в другой штат был создан «Квалификационный сертификат по психологии» (CPQ). Однако этот сертификат также признается не всеми штатами, и в этом случае специалист вынужден затребовать результаты экзамена EPPP.

Экзамен состоит более чем из 200 вопросов по следующим темам:

- методы и инструменты психологического исследования;
- интерпретация и написание отчетов;
- создание, подбор инструментов, создание исследовательского плана по результатам диагностики, мониторинг динамики, заключительная оценка;
- знание общей психологической литературы и умение связать ее с практикой;
- дизайн эксперимента (экспериментальные исследования, квази-эксперименты, надежность и валидность, сбор и анализ данных, интерпретация результатов);
- профессиональные, этические и юридические ограничения в деятельности психологов (конфиденциальность, приверженность профессиональным стандартам и т.п.).

4. Административные требования. По законам штатов и провинций могут изменяться требования к возрасту, стажу гражданства, месту жительства, требования морально-этического характера.

5. Возможность переэкзаменации. В соответствии с законами штатов и провинций установлены сроки для переэкзаменации от 1 года до 3-х лет.

Кроме обязательной сертификации психолог может получить сертификат об уровне своего профессионализма в определенной области деятельности (специализации). Эту функцию выполняет Американский Совет Профессиональной Психологии (АВРР), который признает профессиональный уровень претендента, предоставляя ему сертификат по узкой специальности. Кстати, этого требуют и законы некоторых штатов.

Американский Совет Профессиональной Психологии (АВРР) – единственная организация, в которую Американская Психологическая Ассоциация (American Psychological Association – АРА) направляет психоло-

гов для официального признания их профессионализма. Кандидаты на присвоение свидетельства АВРР должны иметь докторскую степень в области психологии (PsyD.), постдокторское обучение по специализации, 5 лет опыта практической деятельности, положительные отзывы о профессиональной деятельности и положительные результаты прохождения «Экзамена на осуществление профессиональной деятельности в области психологии».

В перечень профессиональных направлений, по которым осуществляется сертификация специалистов организацией АВРР входят:

- поведенческая психология (когнитивная поведенческая терапия, анализ поведения);
- клиническая психология (психические, физиологические, эмоциональные расстройства);
- клиническая психология здоровья (психология здорового образа жизни);
- клиническая нейропсихология (патологии головного мозга, изучение связанного с этим поведения);
- психологическое консультирование (индивидуальное, групповое консультирование);
- психология семьи (изучение семьи – пары, индивидуумы в контексте семьи, взаимодействие поколений);
- судебная психология;
- психология групп (общепсихологические и специфические групповые закономерности, изменение и адаптация поведения индивида в группе);
- психоанализ в психологии;
- психология реабилитации (восстановление, компенсация утраченных функций, адаптация);
- школьная психология;
- клиническая психология детей и подростков (оценка и терапия эмоциональных, физиологических и поведенческих расстройств у детей и подростков);
- организационная психология и консалтинг (работа с организациями, исследование бизнес среды).

Система подготовки и сертификации профессионалов-психологов в Великобритании также имеет длительную историю. Базовым требованием к профессионализации психолога является наличие степени бакалавра. После получения диплома бакалавра становится возможной специализация в конкрет-

ной области психологии. В системе подготовки психологов в Великобритании выделяются 3 подуровня профессионального Развития:

1. Практическая деятельность в качестве ассистента психолога, наработка профессионального опыта (в этот период бакалавр не имеет права называться психологом).

2. Продолжение обучения для получения степени магистра психологии (Master of Sciences), защита докторской диссертации для получения степени доктора психологии (Psychology Doctor, PsyD) или доктора философии (Phylosophy Doctor, PhD).

3. Получение статуса сертифицированного психолога (Chartered Psychologist) и самостоятельная работа (Отметим, что в Великобритании нельзя работать в качестве психолога без присвоения статуса сертифицированного психолога).

Выделяются несколько направлений психологической практики, в рамках которых возможно получение статуса сертифицированного психолога-эксперта (Chartered Psychologist):

- психологическое консультирование;
- психология здоровья;
- судебная психология;
- психология профессиональной деятельности;
- клиническая психология;
- психология в образовательных системах.

Для получения статуса сертифицированного психолога в этих областях существует определенный перечень требований, включающий в себя в обязательном порядке:

1) наличие образования второго подуровня (магистерская степень или степень доктора);

2) наличие опыта работы по специальности;

3) наличие опыта работы под супервизией;

4) прохождение курсов повышения квалификации.

В Европейском сообществе разрабатывается сходная система подготовки и сертификации психологов (EuroPsy), которая в перспективе должна стать общей для всех европейских стран (в том числе и для стран, не входящих сегодня в Европейское сообщество). Основным разработчиком системы подготовки и сертификации является Европейская федерация профессиональных пси-

хологических ассоциаций – European Federation of Professional Psychologists Associations (EFPA).

Европейский сертификат EuroPsy – это признание соответствия специалиста следующим требованиям к уровню квалификации психолога для самостоятельной (независимой) практики («Европейская директива о признании квалификации – Сооп 2002–119. Требования к сертифицируемому специалисту):

- наличие университетского диплома в области психологии после очного обучения продолжительностью не менее пяти лет (три года бакалавриата и два года магистратуры);

- наличие по меньшей мере одного года практики под супервизией (входит в программу университетского обучения либо дополняет такую программу);

- подписанное обязательство соблюдать этический кодекс психологов в стране практики и Европейский этический кодекс.

После 6 лет практики психолог должен повторно подтвердить свою квалификацию. В последнем случае он должен удостоверить наличие минимальной профессиональной практики (80 часов в год, из которых 40 часов посвящены освоению новых технологий, новых теорий, отражают наличие публикаций, участие в конференциях и т.п.). Общие требования к квалификации психолога должны быть конкретизированы для четырех областей психологической практики (профессиональные контексты деятельности):

- клиника и здоровье;
- воспитание (образование);
- работа и организация;
- прочее.

По данным EFPA (по состоянию на май 2005) распределение численности психологов в Европе по основным сферам деятельности имеет следующий вид (Tikkanen T., 2008):

- health services / clinical psychology (услуги в области здоровья / клинической психологии) – 60%;

- educational / developmental psychology (образование / развитие) – 15%;

- work / organizational psychology (психология труда / организационная психология) – 15%;

- other areas (другие области) – 10%.

Во всех описанных системах основой для сертификации специалиста являются стандарты профессиональной деятельности в психологии. Эти стандарты разрабатываются на ос-

нове анализа и описания профессиональной деятельности (профессиональных практик).

В США обзор практик проводит организация Professional Examination Service (PES). В течении 50 лет PES разрабатывает стандарты деятельности для профессиональных сообществ, в том числе для Ассоциации региональных и местных советов по психологии (ASPPB).

В США деятельность психологов описывается в следующих категориях (Фей К. и др., 2001):

- роли (Roles) – основные виды деятельности психологов;
- обязанности или функции (Responsibilities) – специфические виды деятельности психологов внутри каждой роли;
- предметные области (Content areas) – области теоретического знания, используемые психологами в рамках практики;
- специализированные знания (Knowledge Statements) – знания, дающие возможность эффективно выполнять обязанности.

При разработке профессиональных стандартов в Великобритании использована следующая схема анализа деятельности (Bartram D., Roe R. R., 2005):

1. Определение ключевых (основных) результатов деятельности. Из результатов деятельности вытекают профессиональные функции, для выполнения которых требуются определенные знания, навыки и компетенции.

2. Анализ функций с помощью функционального анализа. Функциональный анализ является техникой, с помощью которой создаются стандарты. Формулировки (определения) функций создаются на основе ответов на вопросы о ключевых результатах деятельности, например, «Что необходимо сделать, чтобы этот результат был достигнут?». Каждая ключевая роль затем разбивается на более мелкие составляющие с помощью того же вопроса. Этим достигается набор функций для каждой роли. Например, в схеме Британского психологического общества ключевая роль «Развивать, осуществлять и сохранять личные и профессиональные стандарты и этическую практику», подразделяется на 5 функций: «Устанавливать, осуществлять и развивать системы для правовых, этических и профессиональных стандартов в прикладной психологии», «Вносить вклад в развитие правовых, этических и профессиональных стандартов в прикладной психологии», «Способствовать непрекра-

щающемуся развитию себя как профессионала в прикладной психологии», «Профессиональная и этическая реакция на непредсказуемые контексты и события», «Разрабатывать усовершенствования для этических и профессиональных стандартов в прикладной психологии». В дальнейшем каждая функция подразделяется на компоненты, описывающие знания, умения и навыки специалиста, позволяющие выполнить эту функцию. Например, для того, чтобы «Устанавливать, осуществлять и развивать системы для правовых, этических и профессиональных стандартов в прикладной психологии» психологу нужно «Устанавливать, осуществлять и проверять системы контроля за информацией», «Обеспечить соответствие правовой, этической и профессиональной практики для себя и других», «Развивать, осуществлять и развивать процедуры для проверки компетентности в психологической практике и исследованиях». Характеристики знаний и требования к знаниям определяются для каждого из компонентов. Именно их психолог должен продемонстрировать, чтобы сделать верное суждение.

По итогам анализа деятельности создается профессиональный стандарт, который включает три взаимосвязанных раздела:

1. Критерии и контекст деятельности, в котором данные характеристики деятельности проявляются (роли и функции). Это так называемые «выходные критерии» (outputs).

2. Набор требований к знаниям и умениям, или «входные» критерии (inputs), которые определяют перечень знаний и умений, которые необходимо проявить, чтобы соответствовать стандартам.

3. Набор обязательных требований, по которым можно сделать вывод о соответствии специалиста стандарту. Эти требования являются набором обязательных оценок, которые выносятся по итогам проведения проверочных, экзаменационных процедур.

Аналогичную структуру имеет профессиональный стандарт «EuroPsy», разработанный для психологов стран Европейского сообщества. Выделено шесть ключевых профессиональных ролей психолога (outputs), для выполнения которых психолог должен обладать двадцатью первичными компетенциями (inputs). В табл. 1 представлен перечень этих первичных (основных) компетенций.

Кроме первичных компетенций, в стандарте приводится перечень из девяти вто-

ричных или дополнительных компетенций, которые обеспечивают эффективное использование первичных компетенций и характе-

ризуют стиль работы психолога в профессиональном контексте (табл. 2).

Таблица 1

Первичные (основные) компетенции

Первичная (основная компетенция)	Описание
Роль 1. Описание цели	Взаимодействие с клиентом для определения цели, которая должна быть достигнута, в процессе оказания услуги
Анализ потребности	Выявление и анализ информации о потребностях клиента соответствующими контексту методами
Выбор цели	Предложение и обсуждение целей с клиентом, цели должны быть приняты клиентом и достижимы, необходимо определить критерии, по которым в будущем будет понятно, достигнута цель или нет
Роль 2. Оценка (диагноз / вынесение суждений)	Создание характеристик индивидуумов, групп, организаций и ситуаций, с использованием соответствующих методов
Индивидуальный ассесмент	Применение для оценки индивидуумов интервью, тестирования, наблюдения пригодных контексту оказания услуги
Групповой ассесмент	Применение для оценки групп интервью, тестирования, наблюдения, релевантных контексту оказания услуги
Организационный ассесмент	Применение для оценки организаций интервью, тестирования, наблюдения, которые пригодны в контексте оказания услуги
Ситуационный ассесмент	Применение для оценки ситуации интервью, исследований и других методов и техник, которые пригодны в контексте оказания услуги
Роль 3. Развитие	Развитие или создание продуктов и услуг, на основе психологической теории и методов, которые используют психологи и их клиенты
Определение продуктов или услуг и анализ требований к ним	Определение назначения продуктов или услуг, определение потребителей, анализ требований и ограничений, создание спецификаций для продукта или услуги в соответствии с тем, как предполагается использовать продукт или услугу
Проектирование продукта или услуги	Проектирование и адаптация продукта или услуги в соответствии с тем, как предполагается использовать продукт или услугу
Проверка (тестирование) продукта или услуги	Проверка продукта или услуги на надежность, валидность и другие характеристики
Оценка продукта или услуги	Оценка продукта или услуги по критериям: полезность, удовлетворенность клиента, удобство в использовании, цена и т.д.
Роль 4. Интервенция	Подготовка и проведение интервенции, которая способствует достижению целей, при использовании результатов диагностики, и развития
Планирование интервенции	Создание и развитие плана интервенции, который нам позволит достичь поставленных целей
Прямое вмешательство, ориентированное на личность	Применение методов интервенции, которые непосредственно влияют на индивидуума или группу индивидуумов в соответствии с планом интервенции
Прямое вмешательство, ориентированное на ситуацию	Применение методов интервенции, которые непосредственно влияют на ситуационные аспекты в соответствии с планом интервенции
Косвенная интервенция	Применение таких методов интервенции, которые позволяют индивидуумам или организациям самостоятельно учиться и принимать решение в своих собственных интересах
Оказание услуги или продукта	Представление и продвижение продуктов или услуг для коллег психологов или клиентов
Роль 5. Оценка интервенции	Оценка эффективности интервенции в соответствии с планом интервенции и достигнутыми целями
Оценка плана интервенции	Разработка плана оценки интервенции, которая включает такой критерий как соответствие плану интервенции и достижение поставленных целей
Оценка инструмента вмешательства	Выбор и применение инструментов измерения эффективности плана оценки интервенции
Анализ эффективности	Анализ эффективности интервенции, выводы в соответствии с результатами

Первичная (основная компетенция)	Описание
<i>Роль 6. Коммуникация</i>	Обеспечение клиентов информацией, таким образом, чтобы клиент могут понять, насколько удовлетворены его потребности и совпали ожидания
Организация процесса обратной связи	Обратная связь клиенту: устная, с использованием аудио – видео материалов
Создание отчета	Написание отчетов клиенту о результатах диагностики, о приобретенных продукте или услуге, проведенной интервенции, оценки эффективности интервенционного воздействия

Таблица 2

Вторичные (дополнительные) компетенции

Дополнительная компетенция	Описание
Профессиональная стратегия	Выбор определенной стратегии в соответствии с поставленной задачей, использование профессиональных компетенций
Продолжающееся профессиональное развитие	Повышение уровня основных и дополнительных компетенций, знаний, умений, навыков в соответствии с происходящими изменениями в профессиональных стандартах, на законодательном уровне, национальными и общеевропейскими тенденциями
Взаимоотношения в профессиональном сообществе	Создание и поддержание взаимоотношений в профессиональной среде
Исследование и развитие	Создание и развитие продуктов и услуг, которые будут востребованы клиентом, как в текущей ситуации, так и в будущем
Продажи и маркетинг	Внимание к клиентам для продвижения и продажи новых продуктов и услуг: контакты с клиентами, коммерческие предложения, обслуживание процесса продажи, обслуживание после продажи
Обслуживание клиентов	Установление взаимоотношений с клиентами (потенциальными клиентами) для выявления и удовлетворения их «потребностей», поиск возможностей для расширения практики
Практическое управление	Планирование и руководство практикой, как в малых предприятиях, так и в подразделениях более крупных частных или государственных предприятиях, включая оперативное, финансовое управление, управление персоналом
Гарантии качества	Создание и поддержание системы управления качеством собственной практической деятельности
Саморефлексия	Критическая рефлексия собственной практики и компетенций как главный признак профессионализма

Профессиональные стандарты как основа для сертификации специалистов регулируют психологическую практику. Однако для полноценного регулирования психологической практики необходима также сертификация продуктов (инструментов), которые используют в своей практической деятельности психологи. Например, существует большое количество профессиональных стандартов, которые задают критерии для применения и оценки тестов в психодиагностике. Кроме того, стандарты компетенций специалиста и стандарты продуктов (инструментов) необходимо дополнить стандартами общих требований к психологической практике, т.е. требования к самому процессу оказания услуг. В этом случае можно получить полное описание требований к психо-

логической практике как грамотно построенному процессу оказания услуг, оказываемых квалифицированным специалистом, использующим корректно разработанные инструменты деятельности.

В качестве примера такого полного описания требований к психологической практике можно использовать схему стандарта качества для диагностики профессиональной пригодности (Kersting M., Püttner I., 2006). В схеме выделены, во-первых, три возможных цели применения стандарта: обеспечение качества практики в целом, качества отдельных методов, качества (компетенций) специалиста. Каждой цели соответствуют средства ее достижения: стандарты требований, информация и система оценки, способы определения уровня качества (табл. 3).

Стандарт качества

Средства	Цели		
	Качество процесса (оказания услуги)	Качество методов	Качество специалиста (компетенции)
Директивы (стандарты)	Требования к диагностическому процессу	Структура информации о методах для их описания и оценки	Требуемые компетенции лица, применяющего методы
Информация и система оценки		Конкретизированная система описания и оценки диагностических методов	
Квалификация			Повышение квалификации, экзамены, сертификация

Таким образом, профессиональные стандарты являются основанием системы сертификации услуг (процессов), методов (схемы описания и оценки отдельных методов) и специалистов (признание квалификации).

Примером соединения всех трех видов требований может быть немецкий стандарт DIN 33430. В этом стандарте содержатся требования к процессу диагностики профпригодности специалиста, применяемым им методам и к квалификации специалистов.

Требования разделены на 4 группы:

- 1) планирование процесса оценки профпригодности;
- 2) выбор, определение состава, способ осуществления и оценка методов;
- 3) интерпретация результатов, полученных с помощью комплекса методов, и вынесение оценочных суждений;
- 4) квалификация специалистов, проводящих оценку (по трем уровням квалификации).

Профессиональное психологическое общество нашей страны не может оставаться вне рамок общемировой тенденции к упорядочению признания квалификации специалистов-психологов. Однако вхождение в эти процессы представляется возможным в том случае, если члены профессионального сообщества стремятся формировать и охранять свою корпоративную профессиональную репутацию.

По инициативе Президиума Российского психологического общества в Российской Федерации была создана Система добровольной сертификации в области психологии (зарегистрирована 23 августа 2008 г. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии, регистрационный номер РОСС RU.K511.04ШЗ00). Правила функционирования Системы соответствуют Федеральному закону «О техническом

регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ и учитывают международный опыт создания систем сертификации психологов.

Объектами сертификации в Системе являются:

- Психологические услуги – услуги населению, предприятиям и организациям в области психологии, оказываемые предприятиями и организациями различных организационно-правовых форм собственности и частными лицами, использующими различные формы и методы оказания услуг (методы, процедуры, процессы и ресурсы).

- Психологическая продукция – авторские методы, процедуры, инструменты психологической диагностики и интервенции.

- Специалисты (персонал) – физические лица, выполняющие профессиональную деятельность в области психологии.

- Организационная структура Системы включает:

- юридическое лицо, создавшее Систему – Российское психологическое общество;

- апелляционную комиссию;

- исполнительный орган Системы – Национальный Институт Сертификации Профессиональных Психологов;

- органы по сертификации;

- аккредитованные учебные заведения.

Российское психологическое общество, в качестве лица, создавшего Систему, выполняет следующие функции:

- организует работы по формированию Системы, осуществляет руководство ею, координирует деятельность участников Системы, создает условия для ее функционирования;

- устанавливает основные принципы и структуру Системы, формы удостоверяющих документов, знака соответствия и правила его применения;

- рассматривает и утверждает организационно-методические документы по вопросам функционирования Системы;
- разрабатывает перспективные направления работ по сертификации;
- определяет стратегию и общую политику управления и развития Системы;
- формирует предложения по совершенствованию деятельности и структуры Системы;
- участвует в работах по совершенствованию фонда нормативных документов, на соответствие которым проводится сертификация в системе;
- утверждает решения по апелляциям по поводу действий участников сертификации;
- организует взаимодействие с Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии, другими органами исполнительной власти Российской Федерации по вопросам деятельности Системы, а также с международными организациями в области сертификации;
- взаимодействует с другими Системами сертификации;
- информирует заинтересованные стороны о факте сертификации объектов, а также о правилах и процедурах Системы;
- обеспечивает свободный доступ к информации о деятельности Системы для всех заинтересованных сторон;
- уполномочивает организации на право проведения работ по сертификации в Системе путем заключения договоров (соглашений);
- назначает экспертов для проведения работ по сертификации в Системе и ведет их учет.

Исполнительный орган Системы – Национальный институт сертификации профессиональных психологов, зарегистрированный в качестве юридического лица в г. Санкт-Петербурге, выполняет следующие функции:

- разрабатывает предложения по номенклатуре сертифицируемых психологических услуг и категориям сертифицируемых специалистов (персонала);
- осуществляет научно-методическое руководство ОС Системы;
- организует работу по формированию Системы;
- формирует и актуализирует фонд нормативных документов, необходимых для проведения сертификации;

- участвует в разработке и согласовании международных правил, норм и стандартов;
- разрабатывает перспективные направления сертификации;
- устанавливает порядок оплаты работ по добровольной сертификации в Системе;
- организует изготовление бланков сертификатов;
- ведет Реестр Системы и публикует информацию об организациях, оказывающих сертифицированные услуги;
- информирует заинтересованные стороны о фактах сертификации, а также о правилах и процедурах Системы;
- утверждает программы обучения;
- разрабатывает требования к учебным заведениям, осуществляющим повышение квалификации в области психологии;
- организует и проводит аккредитацию учебных заведений;
- разрабатывает требования к органам по сертификации;
- организует и проводит аккредитацию этих органов;
- формирует комиссии по аккредитации органов по сертификации;
- формирует комиссии по аттестации экспертов;
- формирует комиссии по инспекционному контролю деятельности аккредитованных органов и аттестованных экспертов Системы;
- участвует в рассмотрении апелляций по поводу действий органов по сертификации, входящих в Систему.

Апелляционная комиссия создается для решения спорных вопросов, которые могут возникнуть в процессе проведения процедуры сертификации. Комиссия формируется из представителей общественных, научных и производственных организаций и выполняет следующие функции:

- Осуществляет рассмотрение жалоб и апелляций по поводу действий органов по сертификации, участвующих в Системе добровольной сертификации, от участников Системы добровольной сертификации.
- Представляет результаты рассмотрения в Российское психологическое общество для принятия решения.
- Ведет учет всех предъявляемых претензий по результатам сертификации.

• Органом по сертификации в Системе является Российское психологическое общество, которое выполняет следующие функции:

- 1) принимает, регистрирует и рассматривает заявки на проведение сертификации;
- 2) принимает решения по заявке;
- 3) организует и проводит необходимые проверки объекта сертификации;
- 4) анализирует результаты проверки и принимает решение о возможности выдачи сертификата;
- 5) выдает сертификаты соответствия и разрешения на применение знака соответствия;
- 6) осуществляет инспекционный контроль за сертифицированными объектами, если это предусмотрено схемой сертификации;
- 7) готовит заключения по результатам инспекционного контроля сертифицированных объектов;
- 8) приостанавливает либо прекращает действие выданных сертификатов;
- 9) представляет заявителю по его требованию необходимую информацию в пределах своей компетенции;
- 10) формирует и ведет фонд нормативно-методических документов Системы добровольной сертификации;
- 11) взаимодействует с другими участниками Системы добровольной сертификации.

• По мере развития Системы в нее могут включаться в качестве органов по сертификации другие организации, обладающие соответствующей инфраструктурой, подготовленным персоналом, опытом работы в области психологии. Такие органы по сертификации уполномочиваются на участие в сертификационных процедурах Российским психологическим обществом.

В работе по сертификации участвуют эксперты по сертификации, прошедшие специальную подготовку. При необходимости к работе органа по сертификации могут быть привлечены на условиях договора эксперты и специалисты сторонних организаций.

Аккредитованные учебные заведения – юридические лица, аккредитованные в установленном порядке для повышения квалификации специалистов в области психологии.

Аккредитованное учебное заведение осуществляет:

• повышение квалификации в области психологии по утвержденным в Системе программам обучения;

• выдачу свидетельств о повышении квалификации, учитываемых ОС при проведении сертификации специалистов;

• Аккредитованное учебное заведение выполняет при этом следующие функции:

• разрабатывает отдельные программы (курсы) повышения квалификации специалистов в области психологии и утверждает их в Российском психологическом обществе;

• проводит обучение по утвержденным программам;

• проводит аттестацию лиц, прошедших программу (курс) повышения квалификации;

• информирует Российское психологическое общество о лицах, успешно прошедших обучение, аттестацию и получивших свидетельство о повышении квалификации;

• предоставляет необходимую документацию органам инспекционного контроля.

После создания системы сертификации психологическому профессиональному сообществу предстоит сделать следующий шаг – разработать профессиональные стандарты, учитывающие международную практику. Решением Президиума Российского психологического общества от 27 ноября 2007 года «О сертификации деятельности практических психологов Российской Федерации» определены следующие области сертификации специалистов, продуктов и услуг:

- Клиническая психология.
- Психологическое консультирование.
- Психология в образовании.
- Организационная психология.
- Юридическая психология.
- Психология личности.
- Психодиагностика.
- Психология безопасности.

Для сертификации специалистов необходимо создать профессиональные стандарты, т.е. задать уровни квалификации практикующих психологов («базовый», «продвинутый», «высший» и т.п.), отражающие динамику профессиональной карьеры и разработать требования для признания каждого из уровней квалификации:

• ключевые компетенции для каждого уровня квалификации и поддерживающие их общие знания, умения, навыки;

• опыт работы: количество лет работы при полной занятости в сфере практической психологии (включая опыт работы под су-

первизией – для специалистов «базового» уровня квалификации);

- объем выполненных мероприятий по повышению квалификации (в кредитах).

Чтобы обеспечить возможность повышения квалификации практикующих психологов в течение всей профессиональной карьеры, необходимо:

- Разработать расширенный перечень учебных модулей краткосрочных форм повышения квалификации, соответствующий принятым профессиональным стандартам (для видов занятий и уровней квалификации). Этот перечень должен позволить психологам-практикам выбирать учебные модули, которые, с одной стороны, дают необходимое количество зачетных единиц (кредитов) для сертификации, а с другой – обеспечивают необходимую гибкость в удовлетворении индивидуальных потребностей в профессиональном развитии.

Литература

1. Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №52. – Ч.1. – ст. 5140; 2005. – №19. – ст. 1752; 2007. – №19. – ст. 2293.

2. Фей, К. Исследование эффективности управления персоналом в иностранных компаниях в России / К. Фей, М. Либо, С. Моргулис-Якушев // «Персонал Микс». – 2001. – №4.

3. Bartram, D. Definition and Assessment of Competences in the Context of European Diploma in Psychology / D. Bartram, R.R. Roe // *European Psychologist*. – 2005. – Vol. 10 (2). – P. 93–102.

4. Kersting, M., *Personalauswahl: Qualitätsstandards und rechtliche Aspekte* / M. Ker-

- Разработать систему требований к организациям – провайдером образовательных услуг, обеспечивающим повышение квалификации практикующих психологов.

- Аккредитовать организации – провайдеры образовательных услуг, отвечающие за определенные учебные модули системы повышения квалификации и имеющие право на выдачу свидетельств о повышении квалификации, признаваемые в системе сертификации практикующих психологов.

Для сертификации продуктов и услуг необходимо разработать:

- стандарты требований к продуктам (методам диагностики и интервенции) и их конкретизацию в системе описания и оценки методик;

- стандарты требований к процессу оказания услуг в области психологии.

sting I. Püttner // *Lehrbuch der Personalpsychologie* / H. Schuler (Hg.). – Göttingen: Hogrefe, 2006. – S. 841–861.

5. Raymond, Mark R. *Jon Analysis and Specification of Content for Licensure and Certification Examination* / Mark R. Raymond // *Applied measurement for education*. – 2001. – №14 (4). – P. 369–415.

6. *Survey of the Practice of Psychology, prepared by Professional Examination Service. Association of States and Provincial Psychology Boards*, 2003.

7. Tikkanen, T. *The Present Status and Future Prospects of the Profession of Psychologists in Europe* / T. Tikkanen // *European Psychologist*. – 2006. – Vol. 11 (1). – P. 2–5.

Поступила в редакцию 25.09.2008.

Маничев Сергей Алексеевич. Доцент, к. пс. н., заведующий кафедрой эргономики и инженерной психологии Санкт-Петербургского государственного университета: center@psy.pu.ru, sam@psy.pu.ru.

Sergey A. Manichev. PhD, head of the Department of Ergonomics, St. Petersburg State University, Faculty of Psychology: center@psy.pu.ru, sam@psy.pu.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Д.В. Ушаков

Сегодня у тестируемого, например, в ситуации отбора существует немало способов уйти от объективной оценки: опросники часто понятны в своей направленности, а задачные тесты, имеющие 1–2 варианта, можно найти в магазине или Интернете и выучить. В статье разбираются современные способы решения этой проблемы: тесты, генерируемые компьютером, психофизиологическое тестирование и диагностика по речи.

Ключевые слова: объективность тестирования; тесты, генерируемые компьютером; психофизиологическое тестирование, диагностика по речи.

Проблема объективности психологического тестирования

История наиболее мощного психологического инструментария – тестов интеллекта – перевалила уже за 100 лет, считая от пионерской работы Бине и Симона. В 2005 г. во Франции прошла конференция, посвященная этому событию. Долгую историю имеют и личностные опросники, и проективные тесты. За это время создано много полезных инструментов и сложилась разработанная психометрическая теория. Ни первое, ни второе, однако, не избавляют психологическое тестирование от некоторых серьезных проблем. Ниже речь пойдет об одной из них, особенно существенной в плане практического применения. Эта проблема заключается в том, что у тестируемого при существовании на то желания есть немало способов ввести тестирующего в заблуждение.

Начнем рассмотрение этой проблемы с личностных опросников. Для них отработаны способы внешней валидации по группам населения с высокой выраженностью соответствующего признака, для чего особенно часто используется психопатология. Например, шкала паранояльности оценивается по группе параноиков, а опросник эмоционального интеллекта – по группе алекситимиков. Способ этот, безусловно, весьма эффективен, однако не учитывает одного обстоятельства – мотивация заполнения опросника параноиком, находящимся в кабинете психолога психиатрической клиники, совсем не та, что, например, у кандидата на должность менеджера по продажам или сотрудника службы безопасности фирмы, который проходит тестирование для поступления на работу или в порядке ассесмента пер-

сонала. Во втором случае совершенно естественным является желание предстать перед работодателем в наиболее выигрышном свете, продемонстрировать наличие у себя тех качеств, которые обеспечивают эффективную работу на соответствующей должности (профессионально важных качеств, если воспользоваться более профессиональной терминологией). В первом случае аналогичное желание отнюдь не очевидно. Можем ли мы заранее отрицать здесь даже прямо противоположное – выставить в наиболее ярком виде симптомы своего недуга? Вряд ли. Во всяком случае, необходимо очень осторожно подходить к проблеме сравнения результатов тестирования при разной мотивации. Студенты-психологи, на которых проводится обкатка многих тестов, мотивированы принципиально иначе, чем тестируемые в бизнес-структурах. Отсюда возникает мнение о психологическом тестировании, выраженное одним моим знакомым, прошедшим тестирование при поступлении на работу в банк: «Мне дали тест, в котором на 100 разных ладов спрашивалось, не буду ли я воровать. Ну, конечно, ответил, что не буду. Что они, на дураков рассчитывают, что ли?» К сожалению, понять смысл психологических опросников часто не составляет проблемы для тестируемого. Возможно, в этом заключена основная причина невысоких корреляций показателей психологических опросников и индексов эффективности на рабочем месте.

Задачные тесты интеллекта и креативности, как и проективные личностные тесты, лишены отмеченного выше недостатка. Сколь хорошо ни понимает тестируемый, что оценивается, допустим, его интеллект, это не

поможет ему найти правильный ответ. Результаты тестов интеллекта не зависят от осознания тестируемым их направленности. Здесь, однако, есть другая проблема, особенно остро стоящая в нашей стране – проблема отсутствия защищенности теста от раскрытия. Стоит тестируемому получить заранее доступ к тому же тесту интеллекта и его ключам, как ничто не мешает показать ему тот результат, который он пожелает.

В нашей стране проблема приобретает дополнительную остроту. Во-первых, у нас очень невелико количество тестов интеллекта, используемых на практике. В 80% случаев это «Векслер», «Равен», «Амтхауер», «Кеттелл» или «КОТ» (о тестах Г. Айзенка, публикуемых с советского времени в популярных книжках самого автора, говорить не стоит). Стоит познакомиться с этим инструментарием, и Вы будете поражать воображение потенциальных работодателей «заоблачными высотами» интеллекта. Во-вторых, наши психологи в 1990-е годы сами лишили себя инструментального оснащения, опубликовав сборники тестов с ключами, о чем уже неоднократно говорилось как в научных, так и популярных изданиях. А.Г. Шмелев приводит следующий типичный пример: «В 90-е гг. ... в журнале «Космополитен» были опубликованы материалы, раскрывающие сотням тысяч читателей этого журнала секретные ключи к таким методикам, как «Рисунок несуществующего животного». Узкий круг разработчиков этого теста мог десятилетиями нарабатывать тонкий слой проверенных экспериментально диагностических признаков («размеры зубов», «размеры глаз» и т.п.), но достаточно всего одной публикации, чтобы ключи к тесту были разглашены, и тест тут же из инструмента профессионала превратился в игрушку-забаву для любителей салонных развлечений. Интересно, что когда я позвонил в редакцию журнала с попыткой узнать, кто именно из наших коллег представил этот материал в редакцию, то наткнулся на стойкое сопротивление журналистов, не выдавших имя осведомителя-перебежчика. Увы, мне трудно вспомнить пример подобной профессиональной стойкости у самих психологов ради сохранения в неприкосновенности собственных корпоративных профессиональных секретов. По-моему, психологи с гораздо большим усердием готовы разблачать (и предавать) именно своих коллег, чем представителей других профессиональ-

ных групп. Именно к психологам как нельзя более приложим один из постулатов общей теории конкуренции: «переживание суженного пространства для выживания (суживающейся экологической ниши), дефицит адаптивности в межвидовой конкуренции приводит к обострению внутривидовой конкуренции» (Шмелев, 2004, с. 46).

Итак, проблема может быть сформулирована следующим образом: у психологов есть сегодня достаточно серьезный репертуар тестов, в отношении которого, однако, тестируемый при желании может пустить в ход «противооружие». Этот тезис особенно актуален в сфере бизнес-тестирования, где у тестируемого есть все основания к приукрашиванию своего результата.

Психолог, применяя сегодня кажущийся самым надежным и валидным тест и получая результат путем корректных и тщательных процедур, не может быть уверен в том, что против его теста не было использовано «противооружие», и в том, что полученный в конечном счете результат не сохнет с толку работодателя.

Сегодня появляются несколько путей к разрешению этой проблемы, причем все пути основаны на развитии компьютерных технологий.

Тесты интеллекта, генерируемые компьютером

Представим себе, что имеется несколько параллельных версий теста интеллекта. Другими словами, у нас есть несколько тестов интеллекта, построенных по единому принципу и измеряющих одно и то же свойство (например, общий интеллект), но реализуемых разными способами. В этом случае попытка испытуемого заранее подготовиться к тестированию будет существенно затруднена. Эта попытка станет невозможной, если психолог располагает бесконечным количеством вариантов. К сожалению, разработка даже двух параллельных вариантов теста представляет непростую проблему, поскольку для каждого варианта необходимо проведение трудоемких исследований, связанных с установлением эквивалентности заданий и т.д. Иметь хотя бы десяток вариантов – крайне дорогое и фактически недостижимое удовольствие.

Однако есть и другой путь – попытка испытуемого подготовиться к тестированию невозможна также и в том случае, если до начала тестирования «теста» «не существу-

ет», поскольку он генерируется в момент, когда тестируемый только приступает к работе. В этом состоит идея тестов интеллекта, генерируемых компьютером. Представьте, что испытуемый садится перед компьютером, который предъявляет ему сгенерированную им задачу, причем компьютеру заранее известен уровень сложности этой задачи. В зависимости от ответов испытуемого он генерирует и предъявляет ему новые задачи, определяя доступную испытуемому степень трудности. Этим, с одной стороны, открывается возможность многоразового использования теста одним испытуемым и снимается вопрос о его защищенности. С другой стороны, уровень интеллекта определяется при помощи предъявления минимального числа заданий, поскольку их сложность корректируется в зависимости от работы испытуемого и отпадает необходимость предъявления лишних, слишком простых и слишком сложных, заданий.

Хотя в предшествующем изложении идея тестов, генерируемых компьютером, может показаться простой, для их создания потребовалась огромная работа. Вся проблема заключается в том, чтобы по структуре задачи заведомо определять степень ее трудности. Ведь компьютер, конструируя задачу, должен заранее, ни разу не предъявив ее испытуемому, знать, насколько она сложна и за какой промежуток времени ее должен решить (или вообще не решить) испытуемый с определенным уровнем интеллекта. Существующие на сегодняшний день способы создания таких тестов восходят к работе Карпентер и Джаста, которые на материале теста «Прогрессивные матрицы Равенна» вывели закономерности связей между структурой матричных заданий и их сложностью. В работах С. Эмбретсон были уточнены некоторые психометрические аспекты проблемы, в частности произведено соотношение с так называемой IRT-теорией тестирования, учитывающей сложность заданий. Лидером по созданию таких тестов на сегодня является группа немецких психологов во главе с Х. Холлингом.

Тесты, генерируемые компьютером – это замечательная (однако, к сожалению, не универсальная) возможность в плане создания объективных, нефальсифицируемых методов тестирования. Вряд ли возможно сконструировать этим путем личностные тесты, поскольку на сегодня не существует способа автоматического создания вопросов,

отражающих определенную личностную черту. Даже в сфере тестирования интеллекта применение принципов компьютерного генерирования достаточно ограничено. Сегодня эти принципы можно применять только в отношении тестов, сложность заданий которых определена их структурой, а не содержанием. Данное положение требует своего пояснения. Сложность заданий теста Равена определена их структурой, т.е. количеством элементов, образующих фигуры, правилами их появления и т.д. Сложность этих заданий не зависит (точнее сказать, зависит в минимальной, контролируемой степени) от того, какие именно элементы (линии, фигуры, комбинации и т.д.) применяются в задании. Однако, в случае использования теста на осведомленность ситуация оказывается прямо противоположной. Результативность выявления диагностируемого конструкта зависит от (во многом определяется) содержания. Сложность одного и того же по структуре задания (например, определить понятие) решающим образом зависит от содержания определяемого понятия. Очевидно, что более конкретное понятие «треугольник» определить намного проще, чем более абстрактное понятие, например, «демократия».

Компьютер может справляться с генерированием тестовых заданий в том случае, если их сложность определена их структурой. Для этого в коды компьютерных программ нужно заложить определенные правила, связывающие сложность и структуру тестовых заданий. Однако компьютерная программа самостоятельно не может генерировать задания, сложность которых определяется содержанием. Сложность содержания единичного задания нельзя установить априорно, а лишь путем проведения эмпирических исследований. Поэтому сегодня можно научить компьютер генерировать задания по типу равновесных, но не удастся добиться от него, например, векслеровских. А многошкальные тесты типа векслеровского имеют немало преимуществ, что, впрочем, составляет предмет для отдельного разговора.

Психофизиологическое тестирование

Психофизиологическое тестирование также может быть основано на внедрении компьютерных технологий. Так же как и генерируемые компьютером тесты, этот вид тестирования обладает столь же полной объективностью и возможностью противостоять фальсификации, но является в то же время

более универсальным. Основоположником компьютерного способа регистрации электрофизиологических данных и их соотношения с психологическими характеристиками является «живой классик» американской психофизиологии Е. Рой Джон. В наши дни персональный компьютер при помощи соответствующего программного обеспечения может не только провести Фурье-анализ электромагнитной активности мозга и построить на его основе спектрограммы, но и соотнести особенности электроэнцефалограммы человека с его психологическими особенностями. Например, Рой Джон установил в обширном исследовании такой любопытный факт: частота альфа-ритма человека положительно коррелирует с его интеллектом. Другими словами, чем выше у человека частота альфа-ритма, тем больше вероятность, что он продемонстрирует высокий интеллект.

В нашей стране в этой области на протяжении нескольких десятилетий работает А.Н. Лебедев. В его первых исследованиях в центре внимания был все тот же альфа-ритм, частоту которого он связывал с объемом рабочей памяти, предложив при этом объяснительную модель (Забродин, Лебедев, 1977; Лебедев, 2004). В более поздних работах А.Н. Лебедев стал привлекать большее количество характеристик электрофизиологической активности мозга, но теоретическое обеспечение этих исследований оставляет желать лучшего. В исследованиях используется множественный регрессионный анализ, в котором независимыми переменными выступают частотные и амплитудные характеристики ЭЭГ, а также синхронизированность отведений, а зависимыми переменными являются различные психологические характеристики. В результате для каждой психологической характеристики составляются так называемые «диагностические уравнения», которые связывают различные психологические характеристики с параметрами ЭЭГ. В то же время характер этой множественной связи остается неясным. Более того, интуитивно многим психологам и психофизиологам кажется странным, что и каким образом электромагнитные волны мозга (природа которых и сегодня еще во многом неизвестна) несут информацию о психологических свойствах.

Если связь частоты альфа-ритма с уровнем интеллекта еще получает какое-то объяснение, то объяснение механизм эффекта

синхронизации колебаний вызывает вопросы, на которые сегодня не существует ответов. Тем не менее, факт отсутствия достаточных научно-обоснованных объяснений не отменяет возможного практического значения психофизиологической диагностики. Интуиция исследователей не может быть критерием принятия или непринятия научного метода. Таким критерием могут быть только факты. Например, полученные Е. Рой Джоном факты о наличии корреляционных связей между частотой альфа-ритма и интеллекта, безусловно, свидетельствуют об отражении некоторых психологических свойств в электромагнитной активности мозга. Оценить, насколько это отражение может быть реально использовано в целях психодиагностики, — дело дальнейших исследований.

В контексте данной статьи важно отметить, что психофизиологическая диагностика является полностью защищенной от попыток каких-либо манипуляций со стороны испытуемого. Знакомство с этим видом диагностики, опыт ее предыдущего прохождения не помогут испытуемому что-либо изменить в своих результатах, поскольку все получаемые данные являются результатом работы энцефалографа и компьютер, обрабатывающий результаты. К тому же психофизиологическая диагностика не имеет тех ограничений по сфере применения, которые имеют генерируемые компьютером тесты. Она в принципе может использоваться как в плане психологического исследования интеллекта, так и личностных особенностей.

Получение психодиагностических данных в форме математических уравнений предполагает проведение большой предварительной работы. Использование в процедурах множественного регрессионного анализа более 300 параметров ЭЭГ выдвигает высокие требования к оценке статистической значимости связей. Это делает необходимым использование больших выборок испытуемых — в 400 и более человек. Объем такой работы представляется весьма значительным, учитывая, что речь идет не просто о психологическом исследовании, а об аппаратной регистрации электрофизиологических параметров.

Диагностика по речи

Еще одним перспективным источником информации о тестируемом является его речь. Разумеется, речь продуцируется человеком в большей или меньшей степени про-

извольно. Однако человек отнюдь не контролирует все, что проявляется в его речи. С середины 1950-х гг. в США Готтшалком и Глезер начала разрабатываться методика диагностики осознанных и неосознанных аффектов по речи. Использовались как спонтанные тексты испытуемых, так и тексты, порождаемые в соответствии с определенной инструкцией. Основным предметом в исследовании было проявление агрессии, хотя метод может использоваться и в отношении изучения иных эмоций. Оцениваются: частота появления определенных категорий в речи, степень интенсивности проявления аффекта и степень личного отношения? участия? испытуемого (Михайлова, 2006). Исходным методом анализа была работа экспертов по отнесению высказываний к тем или иным категориям, однако постепенно все большую силу набирают методы компьютерного анализа. Компьютер на основании составленного исследователями словаря категорий автоматически регистрирует присутствие тех или иных категорий в тексте и их взаимное расположение. Использование компьютера резко снижает трудоемкость проведения исследования и позволяет разрабатывать новые варианты ее практического использования.

Исходно методика была рассчитана на диагностику ситуативных эмоций, однако есть надежда применить ее в отношении исследования стабильных свойств личности. В 2005 г. в Институте психологии РАН Г.А. Малковой под руководством Н.А. Алмаева была защищена кандидатская диссертация, в которой изучалось проявление личностных характеристик испытуемых в текстах, сочиняемых ими на заданную тему. Пока что показатели взаимосвязанности объективных характеристик содержания речи с выявленными в процессе традиционной психодиагностики личностными особенностями, оказываются весьма скромными. В то же время сохраняется надежда, что путем совершенствования методов обработки, а также оптимизации процедуры получения текста удастся достичь больших результатов. Если это будет сделано, то возникнет новая ветвь психологической диагностики – психолингвистическая. Таким образом, это направление является перспективным, однако эта перспектива вполне реальна, дополняет непростую картину высокотехнологичных психодиагностических методов будущего.

Сравнительная характеристика новых подходов к тестированию

Для сравнения перечисленных новых подходов к тестированию в плане их практического применения следует оценивать по нескольким критериям. К таким критериям можно отнести: широта применения, объективность (защищенность от фальсификации), простота проведения, доступность на рынке и, наконец, стоимость.

Достоинствами тестов, генерируемых компьютером, являются полная на сегодняшний день защита от фальсификации и простота проведения. Для проведения теста достаточно посадить испытуемого за компьютер, и через полчаса – час можно получить надежный результат. Однако, как уже отмечалось, область применения этих тестов, хотя и очень важная, но пока ограниченная – оценка общего интеллекта. Общий интеллект является часто самым важным предиктором профессиональной успешности человека (Ушаков, 2004), однако о многих аспектах поведения человека он не дает информации. Например, работодатель может интересоваться информацией о надежности, верности потенциального сотрудника. Тест общего интеллекта, к сожалению, здесь не скажет решающего слова.

Тесты, генерируемые компьютером, на нашем рынке еще не появились, хотя при большом желании доступ к ним получить уже можно. Стоимость еще не определена, но это продукт современных западных технологий, который при соблюдении прав интеллектуальной собственности достаточно дорог.

Психофизиологическая диагностика так же, как и генерируемые компьютером тесты, обладает полной защитой от фальсификации, но при этом имеет более широкую сферу приложения. Дополнительным преимуществом психофизиологической диагностики является возможность ее параллельного проведения с психологическим тестированием. В этом случае возникает дополнительный контроль – расхождение результатов служит сигналом к дополнительной проверке на предмет возможной необъективности результатов. Недостатком психофизиологического тестирования является сложность проведения. Хотя процедура и не очень длительна, она достаточно трудоемка. Тестируемому на голову нужно наложить электроды, что предполагает уже определенную психофизиологическую квалификацию, не

всегда доступную «чистому» психологу. Энцефалограф стоит на порядок дороже компьютера. Кроме того, все это железо не будет работать без специальных программ, составляющих «ноу-хау» разработчиков. В стандартный набор поставки энцефалографов эти программы естественно не входят. Как следствие, психофизиологическая диагностика оказывается существенно дороже психологической. Хотя она уже доступна на отечественном рынке, споры о ее валидности отнюдь не утихли.

Диагностика по речи пока что является наименее отработанной, однако перспективы ее вполне реальны. Она имеет в принципе широкую область применения и в значительной степени защищает от фальсификации.

В целом можно сказать, что психология постепенно подходит к этапу, когда перед высокотехнологичной диагностикой в разных ее формах открываются перспективы практического внедрения. Вероятно, в ближайшие десятилетия и в научных, и в практических целях будет происходить расширение сферы применения высокотехнологичных тестовых методов, хотя, по-видимому, место для традиционных опросников и по-

добных им методов будет сохраняться. При этом в конечном счете основу всего прогресса в этой сфере составляет развитие вычислительной техники.

Литература

1. Забродин, Ю.М. *Психофизиология и психофизика* / Ю.М. Забродин, А.Н. Лебедев. – М.: Наука, 1977.

2. Лебедев, А.Н. *Нейронный код* / А.Н. Лебедев // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т. 1. – №3. – С. 18–36.

3. Михайлова, Н.Б. *Речевая диагностика* / Н.Б. Михайлова // *Психолингвистика* / под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – С. 322–378.

4. Ушаков, Д.В. *Тесты интеллекта, или горечь самопознания* / Д.В. Ушаков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т. 1. – №2. – С. 76–93.

5. Шмелев, А.Г. *Тест как оружие* / А.Г. Шмелев // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т. 1. – №2. – С. 40–65.

Поступила в редакцию 02.10.2008.

Ушаков Дмитрий Викторович. Заведующий лабораторией Института психологии РАН, руководитель Центра исследования и развития одаренности МГППУ, Первый вице-президент Евроталанта, Европейского комитета по образованию одаренных детей и юношей при Совете Европы, доктор психологических наук: dv.usakov@gmail.com.

Dmitriy V. Ushakov. Head of the laboratory at the Institute of Psychology of RAS (Russian Academy of Science), head of the centre of endowments research and development at MGPPU, first Vice-President of Eurotalent, European Committee for the Education of Children and Adolescents of the Council of Europe, Doctor of Psychology: dv.usakov@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ НА МОДЕЛЯХ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ

К.Р. Червинская

Обобщен опыт исследований в области инженерии знаний, отражен опыт, накопленный в процессе разработки экспертных систем в области медицинской психодиагностики. Описана методология построения моделей интерпретации тестовых данных, основанная на психологической концепции извлечения экспертных знаний, проанализирована феноменология эксплицирования этих знаний. Как пример реализации концепции представлена модель интерпретации данных тестирования по методике «Семантический дифференциал времени» (СДВ).

Ключевые слова: инженерия знаний, медицинская психодиагностика, экспертные системы, феноменология эксплицирования экспертных знаний.

В последние годы в практической работе медицинских психологов происходят существенные изменения, связанные, прежде всего, с тем, что значительно увеличился вес использования компьютерного психодиагностического инструментария по сравнению с традиционными бланковыми методиками. В области медицинской психодиагностики появился принципиально новый класс компьютерных технологий – *экспертные психодиагностические системы* (ЭПС), под которыми понимаются компьютерные психодиагностические методики, осуществляющие вербальную интерпретацию результатов тестирования испытуемых на основе базы психодиагностических знаний – специальным образом формализованных знаний специалистов – экспертов – клинических психологов, обладающих опытом применения интерпретационных схем методики в процессе обследования испытуемых. Центральной проблемой создания такой психодиагностической технологии является разработки моделей интерпретации тестовых данных и, как следствие, формализованных баз психодиагностических знаний, на основе которых ЭПС строит психодиагностическое заключение на каждого конкретного испытуемого (Вассерман и др., 2003; Червинская и др., 2002; Червинская, 2003).

Актуальность создания моделей интерпретации тестовых данных и формализованных баз психодиагностических знаний в области медицинской психодиагностики очевидна и определяется следующими положениями.

1. Необходимость дальнейшей стандартизации тестового метода. Создание моделей интерпретации тестовых данных является закономерным развитием тестового метода как метода формализации процесса психодиагностического исследования испытуемых. Развитие тестового метода осуществлялось путем нарастания формализации: от стандартизации предъявляемых стимулов и получаемых ответов до формального анализа получаемых данных. При этом сохранялся нестандартный и неформальный характер интерпретации тестовых данных. Переход к психодиагностическому заключению, осуществляемому путем перевода числовых данных на психологический язык, как правило, мало формализован, нестрог, осуществляется во многом интуитивно на основе личного профессионального опыта психолога. Поэтому создание моделей интерпретации тестовых данных в виде баз знаний можно считать дальнейшей стандартизацией тестового метода.

2. Тиражирование экспертного опыта по интерпретации тестовых данных. Важной отличительной особенностью ЭПС от любого другого психодиагностического инструментария является отделение базы знаний от компьютерной программы, осуществляющей автоматизированное исследование испытуемых: база знаний не является составной частью компьютерной методики (на языке программистов – не «прошита в код»), а существует как правило в отдельном файле и доступна для просмотра и редактирования самим экспертам-психологам. Это

принципиальное положение разработки ЭПС возводит базу знаний в ранг вполне самостоятельного и востребованного объекта, оперирование с которым способствует тиражированию экспертного опыта по интерпретации результатов тестирования. Возможность оперировать с базой знаний как с самостоятельным объектом порождает важный эффект социального плана. Многие организации, имеющие у себя как психологическую службу, так и штат программистов, скорее нуждаются не в компьютерных психодиагностических методиках (запрограммировать методику не представляет собой никаких проблем даже для начинающего программиста), сколько в квалифицированных результатах психодиагностического тестирования. В этом отношении база знаний как аккумулятор опыта квалифицированных психологов может оказать незаменимую службу. Проведение работ по формированию базы знаний путем создания моделей интерпретации тестовых данных – это первый шаг на пути к эксплицированию и отчуждению знаний опытных психологов-экспертов с целью превращения их в интеллектуальных ресурс психолога, осуществляющего процесс психодиагностического исследования испытуемого.

3. Обучение медицинских психологов.

Это положение естественно вытекает из предыдущего: гораздо проще передавать знания начинающим психологам, если они систематизированы и формализованы. Психолог, знания которого оказались эксплицированы, в процессе обучения студентов уже пользовался именно этим эксплицированным вариантом. Кроме того, сами по себе компьютерные психодиагностические заключения оказались востребованы студентами, поскольку дают четкое представление о том, что же можно получить в результате тестирования с помощью той или иной методики. Этот эффект существенным образом облегчает практическим психологам ситуацию, связанную с подбором психодиагностического инструментария для своих нужд. Чтение заключений, выполненных даже на гипотетических испытуемых, дает хорошее представление о том, «как и о чем» работает методика. Поэтому специально в целях обучения нами был подготовлен каталог как «ручных» (т.е. написанных непосредственно психологом), так и компьютерных психодиагностических заключений (Вассерман и др., 2002).

4. Необходимость создания эффективного и качественного профессионального психодиагностического инструментария для психологов.

В последние годы появилось множество компьютерных программ, претендующих на роль компьютерного психодиагностического инструментария. Автоматизированное заключение, реализуемое такими программами, может служить хорошим критерием оценки компьютерных психодиагностических методик в целом. С технической точки зрения создать алгоритм интерпретации результатов тестирования достаточно просто: для этого формулируются некоторые правила интерпретации в виде «если – то». Например, если «шкала D (депрессии) методики ММРІ» лежит в диапазоне 70Т-75Т – то «у испытуемого выражена внутренняя напряженность, неудовлетворенность ситуацией, пассивность, пессимизм». Эти правила, написанные для каждой шкалы и «прошитые» в код программы, обрабатываются компьютером последовательно, в порядке написания, а результаты (психологические характеристики испытуемого) предъявляются пользователю-психологу. С точки зрения психодиагностической практики конструирование компьютерной интерпретации результатов тестирования этим способом оказалось плачевным. Например, при определенных тестовых данных, таких как одновременный подъем шкал D (депрессии) и Ма (гипомании) методики ММРІ, компьютер мог сформировать следующее противоречивое заключение: «у испытуемого выражена внутренняя напряженность, неудовлетворенность ситуацией, пассивность, пессимизм, активность, оптимистическая оценка перспективы, энергичность, активность». В то же время знания опытного клинического психолога позволяют ему разрешить это противоречие и описать состояние испытуемого как неустойчивое, эмоционально лабильное или «смешанное». Очевидно, что приведенные выше причины вызвали со стороны практических психологов большой скепсис и острую критику в адрес не только компьютерного психодиагностического инструментария, но и компьютерной психодиагностики вообще (Бурлачук и др., 1999).

В то же время последние десятилетия ознаменовались попыткой преодолеть указанные выше сложности путем создания компьютерных психодиагностических методик, осуществляющих вербальную интер-

претацию результатов тестирования на основе технологии инженерии знаний (Червинская и др., 2002). Инженерия знаний (от англ.: «Knowledge Engineering» – термин, введенный американским ученым Э.Фейгенбаумом (Oskamp, 1962)) представляет собой научную дисциплину, изучающую проблемы извлечения, структурирования, представления, формирования, обработки и приобретения знаний, с целью построения интеллектуальных систем. Специалиста предметной области, чьи знания и опыт «извлекаются», называют экспертом, а специалиста, который занимается извлечением и структурированием знаний – инженером по знаниям или когнитологом (Гаврилова и др., 1992). Само по себе направление появилось вследствие того, что разработчики экспертных систем столкнулись с весьма нетривиальными проблемами проведения экспертизы для получения и формализации знаний. В первых зарубежных работах по искусственному интеллекту эти проблемы только постулировались, в дальнейшем начались исследования, касающиеся изучения оптимальных стратегий извлечения экспертных знаний. При этом проблема извлечения экспертных знаний традиционно считается «узким местом» (от англ. bottleneck) в проектировании интеллектуальных систем (Гаврилова и др., 1992, 2001; Ларичев и др., 1989; Червинская, 2002, 2003, 2008; Chervinskaya et al., 2002; Glaser, 1984). По количеству цитируемости в литературе это изречение стало классическим и довольно точно отражает состояние дел.

Нами разработана **психологическая концепция извлечения экспертных знаний**, основные положения которой способствовали формулированию методологии построения моделей интерпретации тестовых данных в области медицинской психодиагностики.

Основная фигура – эксперт – является носителем или обладает важным для извлечения знаний психологическим свойством – **экспертностью**. Под экспертностью в дальнейшем будем понимать индивидуальный опыт эксперта, характеризующийся наличием знаний, умений и навыков, адекватных проблемам предметной области, и способствующий их решению, а также готовность к передаче этого опыта, проявляющаяся в способности к эксплицированию знаний, умений, навыков. Рассмотрение литературных источников, посвященных описанию социально-психологического феномена эксперт-

ной деятельности, показало, что можно выделить предварительные компоненты экспертности и определить их в качестве системы координат – «системного базиса», который эксплицирует необходимые и достаточные аспекты изучаемого системного объекта. Такими координатами являются: профессионализм, компетентность, опытность, наличие экспертных знаний, умение решать задачи и проблемы предметной области, способность и готовность эксплицировать знания и умения. Операционализация понятия «экспертность» позволила отделить экспертность от профессионализма и компетентности. Из шести компонент, выделенных на этапе рассмотрения социально-психологического феномена экспертной деятельности, системообразующими координатами оказались две – опытность (индивидуальный опыт человека) и готовность, способность эксплицировать знания, – являющиеся необходимым условием существования понятия «экспертность»; две составляющие – знания и умения – являются компонентами опытности.

Рассмотрение опытности как индивидуального опыта эксперта позволило на основании исследовательских работ, выполненных в рамках экспериментальной модели «новичок-опытный» сформулировать 25 характеристик опытности эксперта.

Классифицирование этих характеристик путем использования классического метода сортировки карточек позволило определить основные темы, обсуждаемые исследователями. Речь идет о трех феноменах (особая форма организации экспертных знаний, феномен подразумеваемых знаний и феномен подверженности экспертов когнитивным искажениям), и двух гипотезах (одна из которых касается когнитивного функционирования, а другая – координат измерения понятия «экспертность»). В процессе нашего исследования установлено, что феномен «особой формы организации экспертных знаний» оказался разложим на два: «экспертная категоризация» (процесс группировки предметов, событий и людей в классы и реагирование на них в зависимости от принадлежности к таким образом сформированным классам) и «экспертная процедурализация» (процесс перехода от явного использования декларативного знания к прямому применению процедурного знания). Следующим шагом было рассмотрение понятий «экспертные знания и умения» и выяснение природы

подразумеваемых знаний. На основе эмпирически валидизированной модели «подразумеваемых знаний» (Leonard et al., 2005) было установлено соотношение выделенных феноменов.

Модель «подразумеваемых знаний» имеет три размерности: когнитивную, специальных умений и социальную. Эти размерности были сопоставлены с выделенными ранее феноменами следующим образом: когнитивная размерность – с экспертной категоризацией, размерность специальных умений – с процедурализацией, а социальная – с ком-

муникацией знаний. Такое сопоставление означает, что в основе феномена экспертной категоризации лежит категоризация объектов согласно имплицитно усвоенному основанию, в основе феномена процедурализации лежит свернутость экспертных рассуждений и наличие имплицитных правил («подразумеваемые знания»), а коммуникация знаний является необходимым условием проявления, а, следовательно, эксплицирования подразумеваемых знаний. Полученная *модель экспертности* представлена на рис. 1.

Рис. 1. Модель «экспертности»

Анализ построенной модели «экспертности» на предмет того, каким образом каждая из компонент влияет на извлечение экспертных знаний, позволило сформулировать *феноменологию эксплицирования экспертных знаний* (рис.2). Выделены, описаны и систематизированы восемь феноменов, возникающих при работе с экспертом: экспертная категоризация; экспертная процедурализация; взаимодействие профессиональных дискурсов; проявление личностных особенностей как когнитолога, так и эксперта; эффект чрезмерной уверенности; эффект привязки; эффект проекции; эвристика доступности. Систематизация выделенных феноменов осуществлялась путем

указания для каждого феномена трудностей эксплицирования экспертных знаний, а также путей преодоления этих трудностей.

Феноменология эксплицирования экспертных знаний является фундаментом, который позволяет задать *три аспекта описания – коммуникативный, операционально-инструментальный и процессуальный, – составляющие ядро концепции извлечения экспертных знаний*. Феноменология эксплицирования экспертных знаний также позволила сформулировать оригинальное определение «извлечения экспертных знаний», несколько отличающееся от общепринятого в инженерии знаний. *Под извлечением экспертных знаний будем*

понимать процесс выявления и структурирования знаний эксперта по решению проблем предметной области, осуществляемый в результате взаимодействия ко-

гнитолога и эксперта, с целью построения модели экспертных представлений и рас- суждений.

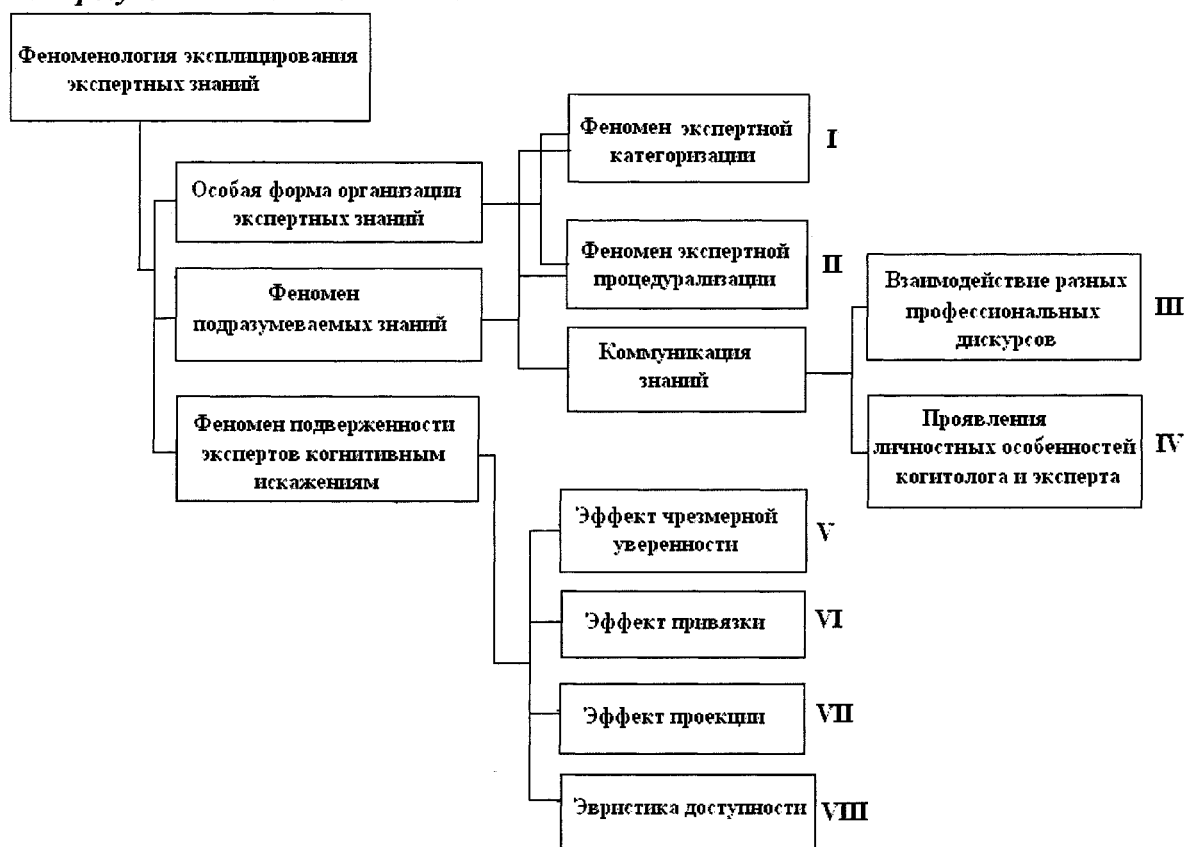

Рис. 2. Феноменология эксплицирования экспертных знаний

Коммуникативный аспект предполагает рассмотрение концепции извлечения экспертных знаний с точки зрения процессов коммуникации и коммуникативной деятельности. Для выделения коммуникативных моделей взаимодействия когнитолога и эксперта были выбраны два основания:

- определение субъекта и объекта взаимодействия (на основе оценки характера деятельности участников взаимодействия – проявление активности либо пассивности, ответственности либо реактивности);
- определение числа участников взаимодействия (диадическое взаимодействие когнитолога и эксперта либо многомерное взаимодействие когнитолога и группы экспертов).

В соответствии с выделенными основаниями определены следующие четыре модели коммуникативной деятельности когнитолога и эксперта: модель субъект-объектной деятельности, модель субъект-субъектной деятельности, модель многомерной субъект-объектной деятельности и модель многомерной смешанной деятельности.

Модель субъект-объектной деятельности характеризуется тем, что активность, ответственность и инициатива находятся у какого-нибудь одного из участников диадического взаимодействия (когнитолога или эксперта), причем в качестве объекта может быть как человек (когнитолог или эксперт), так и другие материальные носители (текст, экспериментальные данные, компьютерная программа). Модель субъект-субъектной деятельности характеризуется тем, что активность, ответственность и инициатива находятся у обоих участников диадического взаимодействия (и когнитолога, и эксперта). Важным условием в рамках данной коммуникативной модели является то, что процесс извлечения знаний имеет двухсторонний характер: когнитолог извлекает знания у эксперта, эксперт, познавая смысл операции «построение модели предметной области», – у когнитолога. В этом смысле можно говорить об осуществлении взаимовыгодного и равноценного обмена и взаимообогащения знаниями. Такое взаимодействие является творческим процессом, создающим предпо-

сылки для возникновения инсайта, осознания имплицитно усвоенных экспертом оснований. Здесь используются известные методы извлечения знаний: беседа или свободный диалог, работа с образами и картинками (прайминг-эффект), методы когнитивной компьютерной графики, сортировка карточек, методологические правила для создания полуструктурируемого интервью (Chervinskaya et al., 2000).

Теоретическим обоснованием *операционально-инструментального аспекта* концепции извлечения экспертных знаний является теоретико-психологические основания антропоцентрического подхода в инженерной психологии. Отправными моментами явились мнение Л.С. Выготского (Выготский, 1982–1984) о том, что высшая ментальная активность и деятельность человека в целом опосредованы знаками («психологическими инструментами»), под которыми понимается широкий класс семиотических форм (структуры естественного языка, схемы, формулы, чертежи, символические образы и пр.). Важное место занимает положение А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1983) о том, что инструмент является средством капитализации накопленного опыта и одной из форм внешнего закрепления видового опыта. Обобщение опыта зарубежных исследователей в этой проблеме опиралось на концепцию «когнитивных инструментов», формирующихся с одной стороны, из символического артефакта¹, созданного субъектом или другими субъектами, а с другой – из одной или нескольких схем их использования. При этом принималось во внимание то, что структурирование деятельности эксперта и когнитолога связано с использованием артефактов, а стратегии деятельности испытуемых определяются типом артефакта, используемым при выполнении задачи.

Когнитивные инструменты (инструменты структурирования) имеют существенное значение для процесса извлечения экспертных знаний как определенный мета-язык взаимодействия когнитолога и эксперта. Конкретные виды когнитивных инструментов (определенные когнитивные артефакты и схемы их использования) формируют экспериментальное поле в области когнитивной психологии. Подробное рассмотрение этих

¹ Понятие артефакт, заимствованное из когнитивной антропологии, означает любой материальный объект, изготовленный человеком.

исследований в области семантической репрезентации знаний позволило выделить эти конкретные инструменты структурирования. Совокупность инструментов структурирования задает всю палитру (инструментальное поле) взаимодействия когнитолога и эксперта в процессе извлечения знаний. Смысл инструментов структурирования заключается в том, что определенные фрагменты экспертных знаний представляются наглядно и в такой иллюстрированной форме, которая может быть легко модифицирована при последующей работе с экспертом, а впоследствии перекодирована в любую из моделей представления знаний, реализованную тем или иным программным инструментарием. Как правило, такая форма носит отчетливо выраженный графический характер.

Процессуальный аспект, полностью базирующийся на сформулированной феноменологии эксплицирования экспертных знаний, предполагает рассмотрение концепции извлечения экспертных знаний с динамической точки зрения, носит ярко выраженный методологический характер, поскольку дает ответ на центральный вопрос: как осуществлять моделирование экспертных представлений в практических целях. Схема процессуального аспекта содержит в себе соотношения феноменов эксплицирования, стадий, этапов и шагов извлечения экспертных знаний.

Стадия «Подготовка» опирается на необходимость преодоления трудностей возникающих на начальном этапе взаимодействия эксперта и когнитолога. Например, наблюдается симметричное увеличение когнитивной нагрузки участников процесса, обусловленное необходимостью в ограниченное время осмыслить значительный объем информации. При этом считается необходимым знакомство когнитолога с основами предметной области, а эксперта – с азами инженерии знаний и когнитологии.

Стадия «Выявления экспертных знаний» выделена в связи с тем, что экспертная категоризация осуществляется согласно имплицитно усвоенному им основанию, позволяющему эксперту мгновенно «усмотреть решение» или «увидеть принцип решения задачи». Для того чтобы смоделировать деятельность эксперта необходимо выявить это имплицитно усвоенное основание. В соответствии с этим стадия «Выявления экспертных знаний» предполагает этап «Выявления экспертного гештальта», на котором прояв-

ляется феномен осознания экспертом имплицитно усвоенного основания категоризации. «Экспертный гештальт» можно охарактеризовать как некоторое теоретическое представление эксперта или эмпирический принцип решения задач, сформированный в результате имплицитно усвоенного экспертом основания классификации, и способствующий на этапе «Категоризации» формированию исходной и диагностической системы понятий, установлению взаимосвязей и семантических отношений между этими понятиями.

Стадия «Структурирования» выделена на основе существования феноменов экспертной категоризации и экспертной процедурализации. Этапы «Категоризации» и «Процедурализации» различаются по типам используемых экспертом когнитивных инструментов (инструментов структурирования декларативного типа – в первом случае и инструментов процедурного типа – во втором).

Выделение стадии «Результат» обосновано тем, что в итоге предыдущих стадий, этапов и шагов взаимодействия получена модель в виде иерархически связанных про-

цедурных правил. Система продукционных знаний эксперта носит имплицитный характер, потому эксплицирование их традиционными методами (т.е. методами типа интервью, наблюдения и пр.) достаточно сложно и практически невозможно. Однако последовательное прохождение описанных выше этапов позволяет сформулировать иерархическую систему продукционных правил в явном (эксплицитном) виде, которая может стать основой для формирования базы знаний.

Очевидно, что по мере движения от стадий к шагам проявляется конкретизация и специфичность, обусловленная предметной областью и решаемой в ней задачей. При этом феномены, стадии и этапы покрывают широкий класс предметных областей, а конкретные шаги формирования базы знаний обусловлены спецификой предметной области.

Разработанная схема процессуального аспекта концепции извлечения экспертных знаний носит обобщенно-теоретический характер и представлена на рис. 3 (пример представлен в таблице).

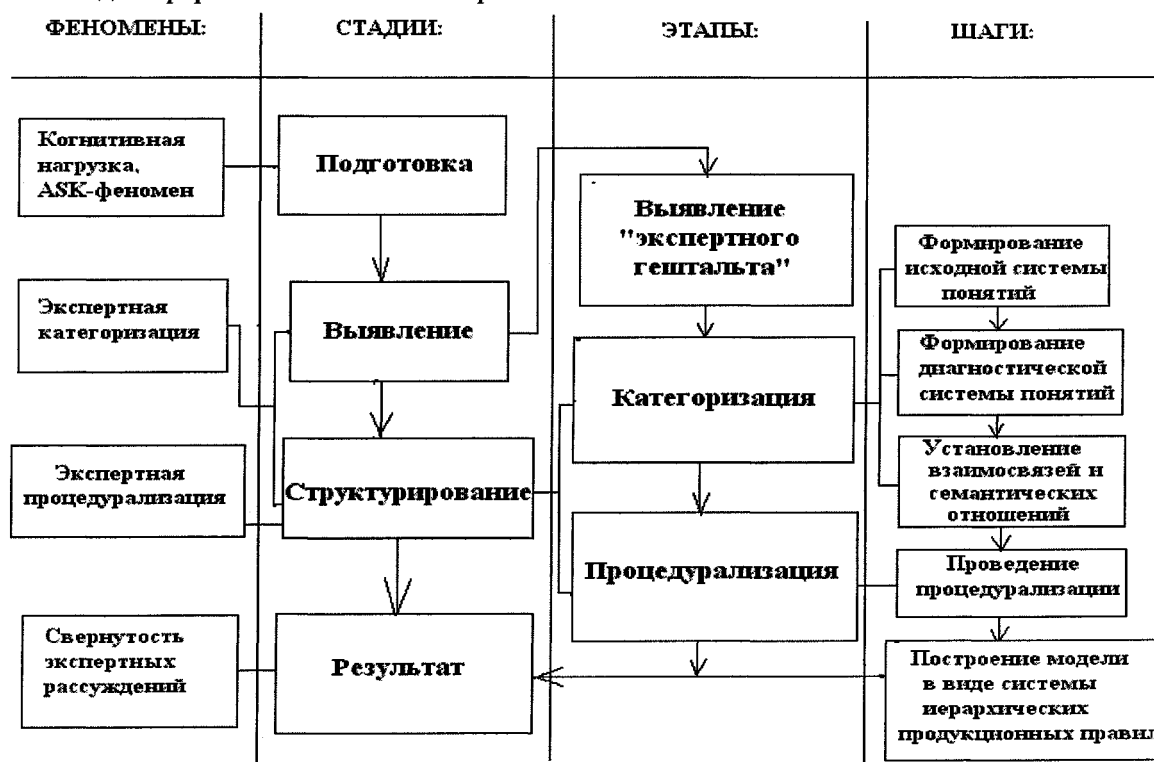

Рис. 3. Схема процессуального аспекта извлечения экспертных знаний в виде соотношения феноменов эксплицирования, стадий, этапов и шагов извлечения экспертных знаний

Фрагмент базы знаний методики СДВ (Семантический Дифференциал Времени)

Исходные понятия: рубрики	Диагностические понятия: уровни вложений интервалов и паттернов			Описание
	1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень	
Оценка настоящего времени	1=1	—	—	Испытуемый в целом негативно оценивает действительность. Выявляется склонность сосредотачивать внимание на отрицательных сторонах событий, окружающих людей и межличностных отношений, а также на личных недостатках и неудачах В оценке испытуемым актуальной жизненной ситуации присутствует двойственность, отражающая внутренние противоречия, возможно, не вполне осознаваемый внутриличностный конфликт Общий ход жизненных событий и личная деятельность, несмотря на их высокую динамичность, а также негативный фон настроения воспринимаются испытуемым как весьма структурированные, прогнозируемые и понятные. Испытуемый ощущает тесную психологическую связь с реальностью, рационально-аналитически подходит к жизненным проблемам, способен отличить главное от второстепенного и планировать свое поведение
	$I_n < 0,8$	—	—	
	—	$ЭВ_n \geq 2,08$ & $ВВ_n < 2,92$	—	
	—	$СВ_n \geq 2,14$ & $ОВ_n \geq 4,65$	—	
	—	—	$ЭВ_n < 2,08$	
	—	—	—	
	—	—	$СВ_n > 5,7^*$	
	—	—	$ОВ_n > 9,15$	
	—	—	—	

Таким образом, представленная психологическая концепция извлечения экспертных знаний описывается путем структурирования трех ее содержательных аспектов – коммуникативного, операционально-инструментального и процессуального.

Разработанная концепция извлечения экспертных знаний была применена в области медицинской психодиагностики в форме построения моделей интерпретаций тестовых данных по методикам медицинской психодиагностики. В этой методологической парадигме были описаны тринадцать кейсов – экспериментальных работ по извлечению экспертных знаний клинических психологов, владеющих интерпретационными схемами конкретных психодиагностических методик клинической психодиагностики.

В качестве иллюстрации представим процесс построения модели интерпретации тестовых данных по методике «Семантический дифференциал времени» (СДВ)² на основе результатов извлечения знаний эксперта-психолога.

² Авторы модели компьютерной интерпретации тестовых данных методики СДВ к.п.с.н. Е.А. Трифонова (эксперт-психолог) и к.т.н. К.Р. Червинская (когитолог).

1. Выявление экспертного гештальта.

Основной принцип интерпретации результатов тестирования основан на исследованиях больных с эндогенными и психогенными депрессиями, проведенных М. Тейверлаур (1992). Результаты исследований позволяют на основании ответов испытуемых соотносить их с тремя группами: с нормативной группой, группой больных с эндогенной депрессией и группой больных с психогенной депрессией (Л.И. Вассерман). Близость испытуемого к той или иной группе определяется на основании значений коэффициента ранговой корреляции Спирмена статистических данных по факторам методики СДВ, а клинический опыт эксперта-психолога позволяет осуществить проекцию экспертных представлений на отобранные испытуемым прилагательные методики СДВ. Кроме того, существенным является представления эксперта-психолога о том, что означают те или иные факторы, получаемые с помощью методики.

2. Формирование исходной системы понятий.

Процесс осуществлялся путем четкого формулирования полюсов исходных факторов: «Активности времени» (АВ), «Эмоциональной окраски времени» (ЭВ), «Величины времени» (ВВ), «Струк-

туры времени» (СВ) и «Ощущаемости времени» (ОВ).

2. Формирование диагностической системы понятий.

Диагностическая система понятий, содержащая интервалы, паттерны и множественные сочетания паттернов, строилась следующим образом. Каждый из факторов, а также интегральный показатель для каждого описания (настоящее, будущее, прошедшее) были разбиты на четыре интервала. Учитывая большое число интервалов и паттернов, в том числе противоречивых, описание каждого интервала и множественных сочетаний последовательно, простым перебором не представляется возможным. Поэтому описанию подвергались паттерны, имеющие диагностическое значение, в процессе построения дерева решений, описанном на следующем этапе.

2. Установление взаимосвязей и семантических отношений между понятиями.

Под структурой диагностических понятий понимается система уровней вложения множественных интервалов и паттернов, полученная в результате установления взаимосвязей между диагностическими понятиями. Процесс извлечения экспертных знаний осуществлялся путем построения модифицированного дерева решений³. Модификация дерева решений заключалась в расширении количества ветвлений (дерево уже не двоичное), а также в возможности описания неконечных вершин. Деревья решений строились для каждого из трех аспектов времени (настоящего, прошедшего, будущего) в отдельности. На рис. 4 представлен фрагмент дерева решений, используемый при создании структуры диагностических понятий для описания будущего времени. В процессе построения такого дерева психологу каждый раз приходилось учитывать верхний уровень (например, повышенный или пониженный показатель структурированности будущего времени) и составлять промежуточные опи-

сания (по сочетаниям шкал), учитывая то, как они будут согласовываться с выраженностью верхнего уровня. Ниже представлен пример вложенных правил, соответствующих фоновому выделению на рис. 4.

Если (СВб $\geq 2,34$) ТО

{Испытуемый имеет довольно четкие представления и ожидания, касающиеся своей деятельности и жизненных обстоятельств в будущем.

{Если (АВб $\geq 5,1$) ТО

Будущее представляется испытуемому периодом, насыщенным событиями и впечатлениями, напряженной деятельностью, высокой социальной активностью.}

Если (АВн $< 0,95$) ТО

При этом в представлениях испытуемого в будущем ему придется проявлять более высокую степень активности. По-видимому, испытуемый ожидает определенных перемен, которые побудили бы его к энергичной деятельности, наполнили бы его жизнь новыми впечатлениями, позволили бы существенно расширить круг социальных контактов. Полярность в оценках активности психологического времени в настоящем и будущем может указывать на то, что испытуемый неудовлетворен собственной пассивностью, недостаточной событийной наполненностью жизни, однако пока не готов предпринять шаги для изменения ситуации.}}

В целом полученную модель компьютерной интерпретации результатов тестирования испытуемых с помощью методики СДВ схематически можно отобразить на рис. 5.

3. Проведение процесса процедурализации.

Процесс процедурализации осуществляется следующим образом: изображенная на рис. 6 структура записывается в виде иерархических правил продукции. Запись начинается с названия рубрик. Поскольку они входят в текст компьютерной интерпретации безусловно, (т.е. не зависят от результатов испытуемого), им принудительно приписывается условие, которое является истинным всегда ($1=1$).

Для верификации разработанных таким образом баз психодиагностических знаний необходимо проводить специальные исследования по установлению критериальной валидности компьютерного психодиагностического заключения. Такие исследования были проведены нами на двух методиках медицинской психодиагностики: «Выявле-

³ Дерево решений (decision tree) – это один из инструментов структурирования, который представляет собой дерево, в котором каждый неконечный узел представляет решение. В зависимости от решения, принятого в таком узле, управление передается левому или правому (относительно этого узла) поддереву. Результатом принятия последовательности решений, представленных узлами, начиная с корня, является лист дерева.

ние невротических черт личности) (НЧЛ) (Иовлев, 2006) и «Опросник интерперсональных отношений Т. Лири» (Червинская, 2008).

В заключении отметим, что практическое применение концепции извлечения экспертных знаний в области медицинской психологии можно рассматривать и в другом, более широком контексте. Исторически сложилось так, что процессы извлечения и структурирования знаний экспертов рассматривались в области инженерии знаний для построения экспертных систем. Однако литературные данные показывают, что использование методов (техник) извлечения знаний и методологий инженерии знаний вне контекста разработки экспертных (интеллектуальных) систем, т.е. в более широком русле, является эффективным в области психотерапии. Так, например, в известной работе английских исследователей N. Milton et al. (2006) представлены данные о высокой эффективности применения методов инженерии знаний в целях психотерапии. Исследователи вводят понятие персональных знаний как некоторых психологических знаний, которые помогают людям иметь дело с каждодневными проблемами и принимать жиз-

ненные решения. Областью экспертизы являются собственные знания людей, включая их знания о своем поведении, эмоциях, желаниях и жизненной истории. Авторами было проведено 80 сессий извлечения знаний у 10 участников с тем, чтобы оценить 8 методов извлечения знаний. Эмпирическая стадия позволила представить мета-модель персональных знаний и описать новую методологию для психологических исследований. Если людей считать экспертами своей жизни, то в этом плане можно говорить о более широком контексте проблемы извлечения знаний. Эксперименты показывают, что «извлекать» можно и так называемую «имплицитную теорию личности», под которой понимаются представления о структуре и механизмах функционирования личности (своей или другого человека), сформированные не в научном исследовании, а в повседневной жизни.

Таким образом, психологическая концепция извлечения экспертных знаний содержит в себе богатый потенциал для дальнейших исследований в области медицинской психологии.

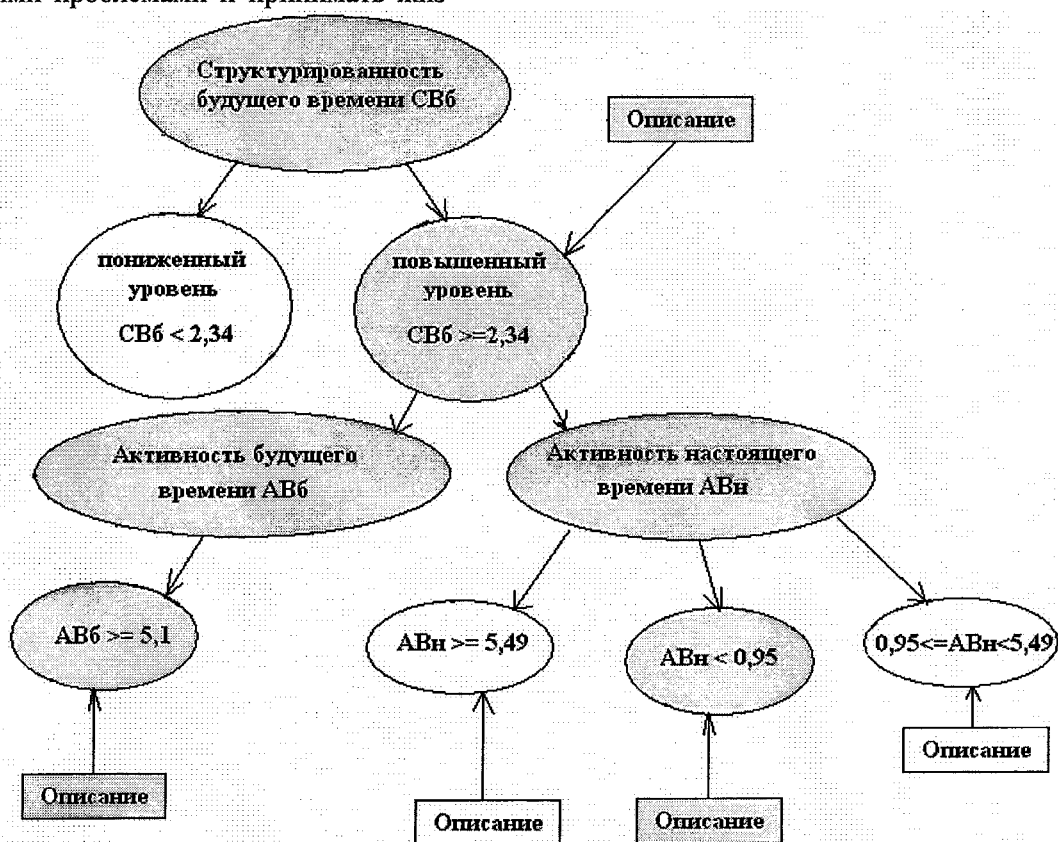

Рис. 4. Фрагмент дерева решений при создании структуры диагностических понятий для построения модели интерпретации с помощью методики СДВ (описание будущего времени).

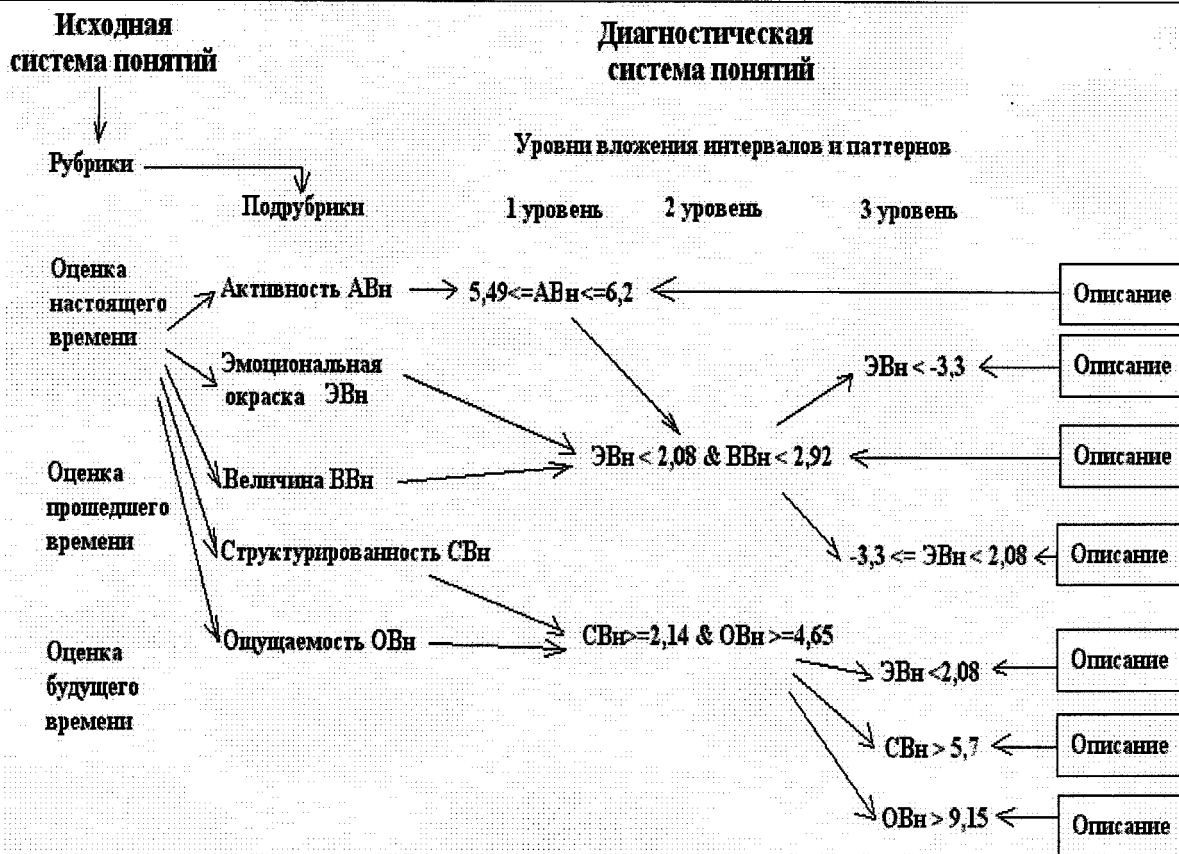

Рис. 5. Модель интерпретации результатов тестирования с помощью методики СДВ

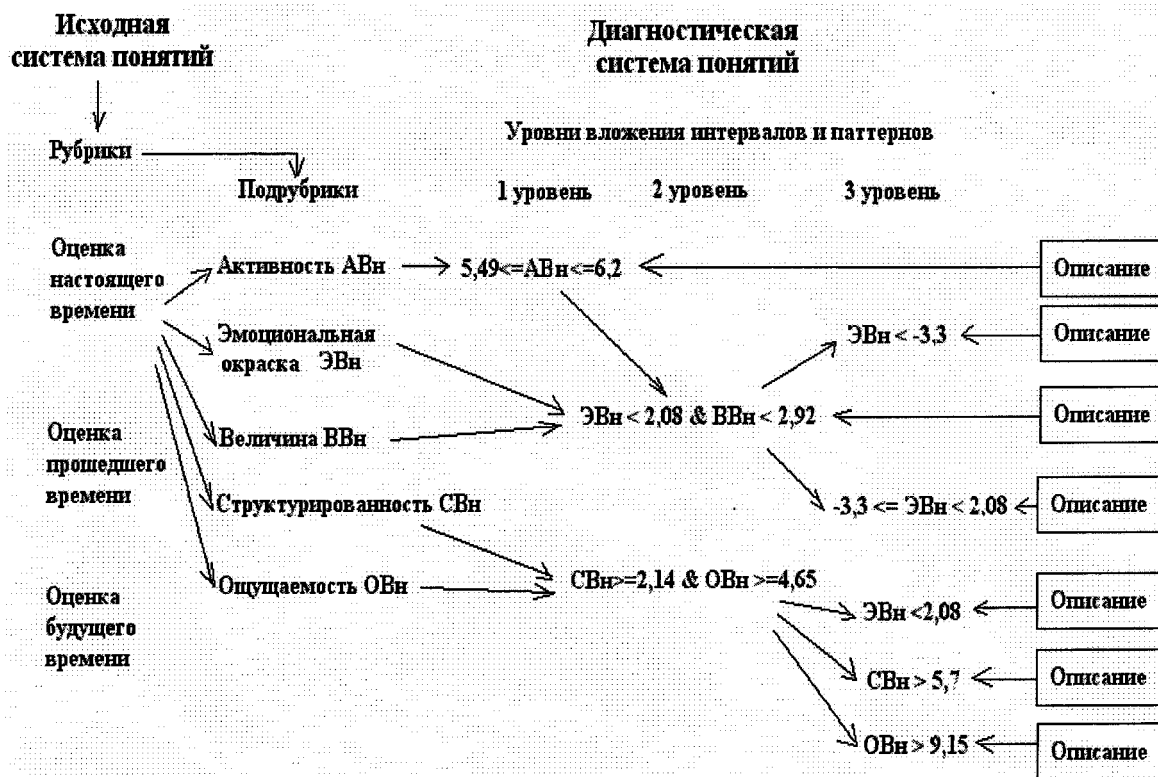

Рис. 6. Модель интерпретации результатов тестирования с помощью методики СДВ

Литература

1. Андерсон, Дж. Р. Когнитивная психология / Дж. Р. Андерсон. – СПб.: Питер, 2002.
2. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб., 1999.
3. Вассерман, Л. И. Медицинская психодиагностика: введение в теорию, практику, обучение / Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова // СПб., Ювента; М.: Издательский центр «Академия», 2003.
4. Вассерман, Л. И. Компьютерный психодиагностический инструментарий в практической работе психолога. Методическое пособие / Л. И. Вассерман, В. В. Бочаров, Е. Л. Вассерман и др. – СПб., 2002.
5. Вассерман, Л. И. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах / Л. И. Вассерман, О. Н. Кузнецов, В. А. Таилыков и др. // Пособие для врачей и психологов. – СПб., СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева.
6. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б. М. Величковский – М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2006.
7. Волохонский, В. Л. Эффект привязки и семантический дифференциал / В. Л. Волохонский // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательно-го и бессознательно-го / В. М. Аллахвердов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
8. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. / Л. С. Выготский. – М., 1982–1984.
9. Гаврилова, Т. А. Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем / Т. А. Гаврилова, К. Р. Червинская. – М.: Радио и связь, 1992.
10. Гаврилова, Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб.: Питер, 2001.
11. Иовлев, Б. В. Методологические аспекты изучения эффективности компьютерной психодиагностики / Б. В. Иовлев, М. Ю. Новожилова, К. Р. Червинская, О. Ю. Щелкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2006. – Вып. 2.
12. Канеман, Д. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Хабаровск: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
13. Ларичев, О. И. Выявление экспертных знаний / О. И. Ларичев, А. И. Мечитов,

- Е. М. Мошкович, Е. М. Фуремс. – М.: Наука, 1989.
14. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. / А. Н. Леонтьев – 1983.
  15. Тейверлаур, М. Исследование восприятия времени у больных с невротическими и эндогенными депрессивными расстройствами: дис. ... канд. психол. наук / М. Тейверлаур. – СПб., 1992.
  16. Тихомиров, О. К. Психология мышления: учебное пособие / О. К. Тихомиров. – М., 1984.
  17. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. – Томск; М., 1997.
  18. Червинская, К. Р. Медицинская психодиагностика и инженерия знаний / К. Р. Червинская, О. Ю. Щелкова // под ред. Л. И. Вассермана – СПб.: Академия, 2002.
  19. Червинская, К. Р. Компьютерная психодиагностика / К. Р. Червинская. – СПб.: Речь, 2003.
  20. Червинская, К. Р. Методика интерперсональных отношений Т. Лири: опыт эксплицирования знаний эксперта-психолога, интерпретационные схемы / К. Р. Червинская. – СПб.: Речь, 2008.
  21. Шмелев, А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002.
  22. Chervinskaya, K. R. Some methodological aspects of tacit knowledge elicitation / K. R. Chervinskaya, E. L. Wasserman // J. of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. – 2000. – V. 12. – №1. – P. 43–55.
  23. Chi, M. T. Network representation of a child's dinosaur knowledge / M. T. Chi, R. D. Koeske // Developmental Psychology. 1983 – V. 19 (1). – P. 23–39.
  24. Feigenbaum, E. Knowledge engineering: the applied side of artificial intelligence / E. Feigenbaum. – Stanford, 1980.
  25. Glaser, R. Education and thinking: The role of knowledge / R. Glaser // Amer. Psychologist. – 1984. – V. 39 (2). – P. 93–104.
  26. Leonard, N. Tacit Knowledge in Academia: A Proposed Model and Measurement Scale / N. Leonard, G. S. Insch // The Journal of Psychology. – 2005. – №139 (6). – P. 495–512.
  27. Milton, N. Knowledge engineering and psychology: Towards a closer relationship / N. Milton, D. Clarke, N. Shadbolt // International Journal of Human-Computer Studies. – 2006. – V. 64. – №12. – P. 1214–1229.

---

28. Oskamp, S. *The relationship of clinical experience and training methods to several criteria of clinical prediction* / S. Oskamp // *Psychological Monographs*, 1962.

29. Patel, V.L. *Cognitive Models of Directional Inference in Expert Medical Reasoning* / V.L. Patel, M.F. Ramoni // *Expertise in Context: Human and Machine* / P. Feltovich,

K. Ford, R. Hoffman (Eds.). – AAAI Press, Menlo Park, CA., 1998.

30. Tuthill, G.S. *Knowledge Engineering* / G.S. Tuthill. – TAB Books Inc., 1994.

31. Wielinga, B.J. *International models for knowledge acquisition* / B.J. Wielinga, J.A. Breuker // *Proc. Advances in Artificial Intelligence (ESAI, Pisa)*. – North-Holland, Amsterdam, 1984.

Поступила в редакцию 29.09.2008.

Червинская Ксения Ральфовна. Кандидат технических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии психологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского Психоневрологического института им. В.М.Бехтерева: ks.56@mail.ru.

Kseniya R. Chervinskaya. Doctor of Computer Science, Assistant Professor of the Chair of Ergonomics and Human Engineering of the Psychological Department of St. Petersburg State University, Senior Research Scientist of the Laboratory of Clinical Psychology of the St. Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute: ks.56@mail.ru.

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В КЛИНИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ

О.Ю. Щелкова

Рассматриваются основные задачи психологической диагностики в психиатрической и соматической клиниках. Особое внимание уделяется новым задачам изучения качества жизни больных, адаптации личности к болезни, прогнозирования эффективности восстановительного лечения на основе психосоциальных характеристик больных. Показана связь психологической диагностики с диагностикой, осуществляемой врачом-клиницистом. Представлен алгоритм получения психодиагностической информации при работе с больными соматического профиля.

Ключевые слова: психологическая диагностика, психиатрия, дифференциальная диагностика, реабилитация, соматическая клиника, адаптация, качество жизни.

Медицинская психодиагностика является одной из основных форм деятельности психологов в клинической и профилактической медицине. Цель медико-психологической диагностики может быть определена как получение объективной информации о совокупности психологических характеристик пациентов, механизмах их формирования и предполагаемой динамике, в том числе под влиянием болезни, а также представление этой информации в систематизированном виде – в виде психологического заключения (психологического диагноза).

В настоящее время психологическая диагностика в клинике предваряет и оценивает результат активных социо-психологических мероприятий (психотерапии, психокоррекции, социально-психологического тренинга) и психофармакотерапии. Выявленные в психологическом исследовании нарушения подвергаются клиническому осмыслению и служат объектом («мишенями») терапевтических и социо-восстановительных мероприятий. Напротив, выявленные сохранные стороны личности рассматриваются как ресурсы, «опора» психокоррекции, психотерапии и реадaptации.

С этих позиций рассмотрим основные задачи медицинской психодиагностики.

Задачи психологической диагностики в психиатрической клинике. Психологическая диагностика сформировалась в недрах психиатрии именно как система деятельности медицинских психологов, направленная на выявление, квалификацию и научный анализ особенностей психической деятель-

ности и личности психически больных на основе использования собственных – психологических (клинических и экспериментальных) – методов исследования.

Основной целью психологической диагностики в классическом патопсихологическом понимании является объективизация данных клинического (врачебно-психиатрического) обследования с раскрытием закономерностей распада психической деятельности в сопоставлении с закономерностями формирования и протекания психических процессов в норме (Зейгарник Б.В., 1986). Традиционные задачи психологической диагностики в психиатрической клинике хорошо известны практическим психологам и подробно представлены в литературе (Рубинштейн С.Я., 1970, 2004; Мягков И.Ф., Бокков С.Н., 1999; Левченко И.Ю., 2000; Блейхер В.М. с соавт., 2002; Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю., 2003). Поэтому вызывает интерес представление некоторых новых граней традиционных задач медицинской психодиагностики в психиатрии.

Психодиагностическая деятельность психолога, работающего в психиатрической клинике, направлена, главным образом, на уточнение и верификацию данных клинической диагностики, осуществляемой врачом-психиатром. В соответствии с современными этио-патогенетическими представлениями, клиническая диагностика предполагает не только установление диагноза болезни, но и раскрытие психологических механизмов ее возникновения, течения, патофизиологии. В соответствии с современной биопсихосоци-

альной парадигмой психиатрии (Нуллер Ю.Л., 1991), данные психологического исследования используются для оценки клинко-психопатологической составляющей болезни, а при оценке психологической и социальной составляющих функционального диагноза (Воловик В.М., 1985) служат основой для определения задач и методов психотерапевтической и социо-реабилитационной работы.

Таким образом, общая задача получения психологических данных для клинко-психопатологической диагностики в современной ситуации дополняется новыми задачами. Это положение можно проиллюстрировать двумя примерами получения психологических данных для дифференциальной диагностики шизофрении.

В первом случае речь идет о психологической диагностике, направленной на выявление типичных для шизофрении нарушений психической деятельности. В соответствии с представлениями С.Я. Рубинштейн (1970, 2004), в этом случае психологическое исследование нацелено на выявление, более четкое вычленение, структурный анализ тех изменений психической деятельности, которые клиническим исследованием не обнаруживаются с необходимой уверенностью и полнотой, однако могут проявиться в психологическом эксперименте, в условиях повышенной нагрузки на изучаемую функцию. Во втором примере речь идет о задаче клинического психолога, работающего в новой парадигме по выявлению психосоциальных факторов «уязвимости» и адаптационно-компенсаторных механизмов, типичных для больных шизофренией.

При психологическом исследовании больных шизофренией обнаруживаются своеобразные диагностически значимые изменения мышления, перцептивной деятельности и аффективно-личностных свойств. Проявления психической патологии при этом носят суммарный характер и не могут быть отнесены к одной из сфер психической деятельности (Блейхер В.М. с соавт., 2002). Тем не менее, традиционное экспериментально-психологическое исследование в этом случае нацелено на выявление комплекса нарушений познавательной деятельности: искажение процесса обобщения, специфические нарушения целенаправленности и динамики мышления, изменения мотивационного компонента мыслительной деятельности. В то же время, еще Б.В. Зейгарник (1986) писала о том, что тонкие изменения личности при

шизофрении часто являются единственным ранним критерием при ее дифференциальной диагностике и предвещают появление характерных изменений в познавательной сфере.

Нарушения эмоциональности считаются одним из важнейших проявлений сущности шизофренического процесса. Поэтому психодиагностика тонких нарушений психической деятельности, типичных для начальных проявлений и вялого течения шизофрении, должна быть адресована именно к этой сфере психики. Отмечается не только снижение, угасание эмоциональности; но и своеобразное ее искажение (напоминающее феноменологическую картину снижения эмоциональности), однако, глубинные проявления эмоций при этом остаются сохраненными (Боков С.Н., 1994).

В.М. Блейхер (2002) выдвинул гипотезу о том, что в общем клинко-психологическом плане эмоции и мышление больных шизофренией можно охарактеризовать как результат снижения уровня мотивации вследствие работы единого амотивационного механизма. По мнению С.Н. Бокова (1994), выявление подобного рода амотивационных механизмов позволяет использовать их в качестве признака дифференциальной диагностики шизофрении, протекающей с неврозоподобной симптоматикой, и невроза. Определенным подтверждением этого вывода являются исследования М.В. Зотова (1998), в которых нарушение способности к произвольной регуляции умственной деятельности и поддержанию волевого усилия в процессе реализации когнитивных функций рассматривается как центральное нарушение познавательной деятельности больных шизофренией с различной степенью выраженности дефекта. Таким образом, психологическая диагностика, связанная с задачами дифференциальной диагностики шизофрении, сохраняет свою традиционную направленность на изучение мыслительной деятельности больных, однако акцент смещается с операциональных характеристик мышления на эмоционально-мотивационные, которые рассматриваются как базисные и облигатные.

В последние годы задачи психологических исследований в диагностике шизофрении изменяются в связи с изменением представлений об этио-патогенетических механизмах этого заболевания. Традиционный конституционально-биологический подход, принятый в отечественной психиатрии, до-

полняется психоаналитическим (психодинамическим) подходом к оценке факторов этиопатогенеза этого заболевания (Амон Г., 1996; Вид В.Д., 2001). Психодинамический подход опирается на признание ведущей роли особенностей внутрисемейных отношений в развитии шизофрении. Подчеркивается, что модус воспитания в семьях больных шизофренией, помимо своеобразного склада личности ребенка, во многом определяется характерологическими особенностями родителей. Конкретизируются и дополняются введенные F. Fromm-Reichman (1948) и Th. Lidz et al. (1956) понятия «шизофреногенная мать» и «шизофреногенный отец», анализируются психологические механизмы влияния личности родителей на формирование аномальных особенностей личности ребенка и патологического стиля взаимоотношений между ними (G. Parker, 1982). Выделяются наиболее патогенные виды нарушений семейных отношений: ролевые нарушения, (например, однополюсное распределение власти в семье); наличие симбиотических или гиперпротективных отношений; эротизация отношений между родителями и ребенком (Lidz R., Lidz Th., 1976); коммуникативные нарушения и, прежде всего, «double-bind» – двойная связь (Bateson G et al., 1972); эмоциональные нарушения («негативный аффективный стиль» по Doane J.A. et al., 1985); расстройства взаимоотношений семьи с социальным окружением, характеризующиеся наличием так называемого «резинового забора» (Brown G. W. et al., 1973) и др.

Таким образом, в современной психоаналитической литературе отдельные характеристики семейной среды и их сочетания рассматриваются как предикторы развития шизофрении. Такой подход определяет необходимость включения сферы семейных отношений в число «мишеней» клинической психодиагностики. Следует признать, что роль семейных отношений в патопластике и прогнозе шизофрении подчеркивалась отечественными авторами и до признания психодинамического подхода в психиатрии (Поляков Ю.Ф. с соавт., 1977; Воловик В.М., 1978, 1980; Эйдемиллер Э.Г., 1978; Бурковский Г.В. с соавт., 1980; Щелкова О.Ю., 1988).

Другой современной теорией шизофрении является диатез-стрессовая теория, разрабатываемая в рамках биопсихосоциальной парадигмы в психиатрии (Коцюбинский А.П. с соавт., 2004). Эта теория во многом способствует преодолению противоречий меж-

ду существующими генетическими и психодинамическими теориями.

Модель стресс-диатеза впервые была сформулирована J. Zubin (1977), но в наиболее разработанном виде представлена в работах L. Ciompi (1980). В самом общем виде суть этой теории заключается в предположении о существовании у каждого индивида биологически обусловленной уязвимости (ранимости) по отношению к стрессорным воздействиям, провоцирующим развитие болезни. Ранимость проявляется в том, что стрессор действует на уже измененную способность противостоять ему. В работе В.Д. Вида (2001) обобщено мнение исследователей о том, что термин «ранимость» («уязвимость») просто заменил понятие «слабости эго» в его старом психодинамическом понимании. Тем не менее, теория стресс-диатеза получила широкое распространение и рассматривается как ведущая психосоциальная модель шизофрении.

В этой модели в качестве стрессоров выступают психосоциальные факторы – макро- и микрособытия повседневной жизни, не оказывающие сколько-нибудь заметного влияния на здоровых людей, но играющие для «уязвимых» личностей роль неспецифического стрессора (Zubin J. et al., 1983; Olbrich R., 1987). Кроме того, рассматриваются дискретные психосоциальные факторы и длительные (константные) негативные психосоциальные факторы, среди которых особое значение придается семье. Выделяются также личностные факторы уязвимости – шизотипальные личностные черты, «автономная гиперактивность на аверсивный стимул», сниженная способность к деятельности и др. (Nuechterlein K.H., Liberman R.P., 1985, цит. по: Коцюбинский А.П. с соавт., 2004). В противовес этим факторам выделяются личностные факторы защиты (копинг и психологическая защита) и защитные средовые факторы (поддерживающее психосоциальное вмешательство, решение семейных проблем). Взаимодействие перечисленных факторов влияет на состояние адаптационных систем индивида и может оказаться дезадаптирующим, приводящим к возникновению заболевания. Действие того же механизма прослеживается и в развитии рецидива психоза.

Таким образом, в рамках диатез-стрессовой модели шизофрении особое значение придается адаптационно-компенсаторным механизмам личности и проблеме психологи-

ческой адаптации, под которой понимается совокупность механизмов копинга и психологической защиты, а также внутренняя картина болезни (Исаева Е.Р., 1999; Коцобинский А.П. с соавт., 2004). При этом психологический компонент психической адаптации рассматривается как один из критериев дифференциальной диагностики между шизофренией и другими психическими заболеваниями со сходной клинической картиной (например, между невротоподобной шизофренией и неврозом (Исаева Е.Р., 1995; Аристова Т.А., 1999).

Очевидно, что признание диатез-стрессовой модели шизофрении существенно расширяет круг психодиагностических задач при этом заболевании.

Подобное расширение традиционных психодиагностических задач отмечается и при дифференциальной диагностике депрессивных состояний. В этих случаях психолог чаще всего привлекается к участию в решении двух основных задач. Одна из них связана с установлением происхождения депрессивного состояния, его нозологической природы и состоит в определении значимой роли психологических факторов (ситуационных и личностных) в картине болезни и ее возможного психогенного происхождения.

Другая задача заключается в идентификации самого депрессивного состояния, распознавании скрытых, «маскированных» депрессий, и их отграничении от апатических и невротоподобных картин. Этому способствует изучение в ходе психодиагностического исследования установок и самовосприятия личности, отражающих характерное для депрессивных больных отношение к себе, к актуальной жизненной ситуации, будущему.

Так, традиционной и высоко значимой при выявлении депрессивных состояний остается задача психологического изучения самооценки и «Я-концепции» больных. Признано, что при депрессивных расстройствах нарушение самооценки является одним из проявлений болезни, тесно спаянных с личностью больного.

В психологических исследованиях (Лукина И.С., 1993) прослежен генезис пониженной самооценки и выделены социально-психологические факторы, влияющие на самооценку больных эндогенными депрессиями. К таким факторам, в частности, относятся: психотравмирующие события жизни, способствующие снижению самооценки и ослаблению силы личности; профессиональ-

ная деятельность; личностные особенности (*неуверенность в себе, социальная зависимость, тревожность, пассивность, замкнутость*); общение (*прежде всего – социальное отвержение*); супружеские отношения (*ролевая неудовлетворенность в связи с нарушенными сексуальными отношениями, чувством вины и обиды по отношению к супругу*); особенности семейного воспитания (*симбиотическая структура семьи, материнская депривация, отсутствие любви, безразличие и высокая степень авторитарности в отношениях с ребенком*).

Таким образом, объективное психологическое исследование уровня, структуры и генезиса самооценки может служить целям как идентификации самого состояния депрессии, так и дифференциальной диагностики между депрессиями различного генеза. Данные такого исследования могут быть положены в основу целенаправленной психотерапии и реабилитации больных.

Не менее важным психологическим индикатором депрессивного состояния является отношение больных к временной перспективе – своему настоящему, прошлому и будущему. Согласно клиническим представлениям, больные депрессией негативно относятся к своему настоящему (актуальной жизненной ситуации) и будущему, но склонны идеализировать прошлое. В исследовании М. Тейверлаур (1992) с помощью методики «Семантический дифференциал времени» (Вассерман Л.И. с соавт., 2005) выявлено, что, чем больше у больных выражен эндогенный фактор в патогенезе депрессии, тем отрицательнее показатели представления о всех проекциях времени (прошлое, настоящее, будущее). На фоне лечения больных с эндогенной депрессией и больных невротической депрессией отмечаются различные тенденции изменения отношения к будущему времени. Таким образом, отношение к временной перспективе может выступать в психологическом исследовании как дифференциально-диагностический признак при разграничении эндогенной и психогенной депрессии.

Современные гуманистические подходы в медицинской психологии предполагают, что задачей психодиагностики в клинике является определение психологических качеств, способных служить «опорой» в лечебно-восстановительном процессе (Кабанов М.М., 2001). При таком подходе вся совокупность психодиагностических данных

используется для постановки многомерного функционального диагноза, включающего клиничко-биологический, психологический и социальный ракурсы изучения больного. В связи с этим одной из важных задач медицинской психодиагностики выступает прогнозирование эффективности восстановительного лечения психически больных на основе изучения их личностных и психосоциальных преморбидных и морбидных характеристик (Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю., 2003). Это обусловлено тем, что в психиатрии именно критерий прогноза является наиболее объективным критерием валидности психологической диагностики.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что определяющим фактором психологической диагностики в психиатрической клинике является клиническая задача, в связи с которой проводится эта диагностика. Такая задача формулируется совместно врачом-клиницистом и психологом в процессе обсуждения программы диагностической и лечебно-восстановительной работы с больным. В единичном психодиагностическом исследовании такая задача выступает как системообразующий фактор, определяющий особенности проведения самого исследования, а также характер описания его результатов в психодиагностическом заключении.

Решению общей (системной) клинической задачи, которой подчинено психологическое исследование, может способствовать реализация ряда более частных, конкретных задач психодиагностики: исследование познавательной деятельности, особенностей эмоционально-личностной и мотивационно-волевой сферы, структуры и уровня интеллекта и другие задачи. Качественные и количественные психодиагностические данные, полученные с помощью конкретных методов психодиагностики, должны быть представлены в психологическом заключении в контексте целостной личности испытуемого, его социального функционирования и адаптации.

Задачи психологической диагностики в соматической клинике. Появление психологов в этой сфере клинической медицины произошло относительно недавно, что объясняет недостаточную разработанность представлений о предмете, задачах и методах работы психолога. В то же время внедрение идей и методов медицинской психологии в клинику соматических заболеваний происходит интенсивно и связано с все

большим пониманием важной роли личности больного и социально-психологических факторов как в развитии заболеваний, так и в лечебном процессе.

Современные принципы терапии ориентированы на мобилизацию и активацию резервов больного человека. Среди этих резервов большую роль играют психологические возможности его личности. Болезнь, как стрессовая ситуация в жизни пациента, активизирует систему значимых отношений, высших регуляторных механизмов, проявляющихся в условиях болезни и лечения, с одной стороны, в характерных способах восприятия, переживаний и оценок, особенностях приспособительного поведения, – с другой (Ташлыков В.А., 1984). Знания и учет этих механизмов реагирования на болезнь могут повысить эффективность терапии.

Необходимо особо подчеркнуть, что потребность в изучении психологического мира пациента резко возросла в последние десятилетия в связи с широким распространением принципов и методов психотерапии и реабилитации больных при различных заболеваниях. И хотя личность каждого человека является уникальной, существуют и общие закономерности ее функционирования, позволяющие врачу применять в лечебно-реабилитационных целях дифференцированную систему психологических воздействий в конкретных случаях (Овчинников Б.В. с соавт., 2005).

Отмеченные общие положения позволяют подойти к формулированию задач психологической диагностики в соматической клинике.

При изучении психологии болеющего человека врач и медицинский психолог обращают внимание на все многообразие явлений – нормальных и патологических, – связанных с влиянием соматического заболевания на психическую деятельность, эмоциональные переживания и преломленные в них особенности личности и социально-психологической ситуации больных.

Влияние соматического заболевания на психику рассматривается в двух аспектах. Первый связан с выявлением особенностей и нарушений психического состояния больных, второй – с изучением изменений в сфере личности (включая патологические способы реагирования на болезнь).

Задача клинического психолога состоит в дифференцированной оценке психического состояния соматического больного, то есть в

определении степени выраженности, глубины и структуры эмоционально-аффективных, мотивационных и поведенческих нарушений. В задачу психологической диагностики в этих случаях входит также выявление осознаваемых и неосознаваемых установок в отношении болезни и лечения, которые могут являться как следствием нарушений психического состояния больного, так и могут приводить к усилению аффективного напряжения.

Следует отметить, что в структуре психического состояния больных соматическими заболеваниями преобладают эмоционально-аффективные нарушения. Аффективные реакции проявляются в виде «стрессовых» эмоций тревоги, страха, опасений. Выявленные в психологическом исследовании такого рода нарушения настроения следует расценивать как факторы риска развития более глубоких психических расстройств. Этот вывод основывается, в частности, на психодинамических концепциях депрессии, рассматривающих в качестве этиологических факторов ситуации потери, лишения, угрозы. Эти ситуации являются типичными стрессовыми для больных хроническими соматическими заболеваниями (Петрова Н.Н., 2004).

Адекватная психологическая диагностика в таких случаях должна учитывать сложные соматопсихические и психосоматические взаимоотношения, хотя методологическая база для этого в настоящее время находится лишь в стадии разработки. Примером разработки методологии психологической диагностики при соматических заболеваниях может служить работа Л.И. Вассермана, Е.А. Трифоновой (2004). В ней на модели исследования больных с инсулинозависимым сахарным диабетом (ИЗСД) показаны сложные отношения соматогенной, нозогенной и психогенной составляющих аффективных расстройств, встречающихся при соматических заболеваниях.

Не менее важной задачей является изучение механизмов приспособления личности к болезни. В процессе возникновения и развития хронического соматического заболевания нарушаются механизмы взаимодействия человека и среды. Любая хроническая болезнь ставит человека в психологически особенные жизненные обстоятельства. Вызываемая болезнью дезорганизация социальной жизни пациента переживается им иногда более остро, чем нарушения функциониро-

вания организма. На фоне этого вступают в действие механизмы психологической адаптации к болезни, направленные на восстановление нарушенного взаимодействия больного с макро- и микро-социальным окружением.

В соответствии с представлениями школы В.Н. Мясищева, основу психологической адаптации личности к болезни составляет система ее значимых отношений – отношение к себе, другим людям, к болезни, к лечению. Особое место здесь занимает комплекс аффективно-когнитивного реагирования, обозначенный в отечественной психологии понятием «внутренняя картина болезни» (ВКБ) (Лурия Р.А., 1977). В современной понимании ВКБ рассматривается как личностный механизм, определяющий системный ответ человека на болезнь (Карвасарский Б.Д. с соавт., 2001). Это «психологическое новообразование» в существенной степени участвует в регуляции психической деятельности и поведения больного, а иногда полностью это поведение определяет (Петрова Н.Н., 2004). Это ключ к пониманию личностного смысла заболевания для пациента, в котором отражается его готовность сделать хроническое соматическое заболевание частью своей обычной жизни (Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., 2004).

Изучение механизмов психологической адаптации к болезни включает также анализ особенностей защитно-совладающего поведения больных. Структура и выраженность механизмов психологической защиты и копинга во многом определяет баланс конструктивных и деструктивных способов совладания со стрессом болезни. Выявление и последующая коррекция неадекватных способов психологического преодоления является составной частью работы психолога со всем комплексом проблем, связанных с реакцией личности на болезнь.

Отдельную задачу психологической диагностики в соматической клинике составляет изучение качества жизни больных различными заболеваниями. Современные подходы к терапии и оценке ее эффективности предполагают анализ не только объективной динамики симптомов болезни, но и субъективной удовлетворенности больного лечением и своей жизнью в условиях болезни (Вассерман Л.И. с соавт., 2001, 2007; Новик А.А., Ионова Т.И., 2002). В настоящее время становится все более актуальной задача выявления у соматических больных характери-

стик уровня и структуры качества жизни, а также определяющих его психосоциальных факторов. Решение этой задачи отражает современный подход ВОЗ к лечению и реабилитации больных. Сложность подобного рода исследований определяется многомерным характером самого понятия качества жизни, включением в его структуру физических, психологических, социальных, экономических и других параметров жизнедеятельности человека.

При изучении качества жизни, связанного со здоровьем, существенное значение придается его объективной и субъективной оценке. При этом субъективная оценка качества жизни во многом определяется расхождением между ожиданиями и достижениями человека (К. Calman, 1984), отражает возможность достижения значимых результатов и удовлетворенность ими (В.Я. Семке, И.Е. Куприянова, 2001). Таким образом, состояние мотивационной сферы человека является важной составляющей системного конструкта качества жизни (Е.В. Садальская, С.Н. Ениколопов, 2001). Этому соответствует представление Л.И. Вассермана с соавт. (2001) о качестве жизни как совокупности переживаний и отношений человека, ориентированных на осмысление существования, ценности здоровья и возможностей личности устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии со своими потребностями и индивидуальными возможностями, в том числе в условиях болезни.

Качество жизни в значительной степени определяется отношением к здоровью как жизненной ценности, понимание и осознание которой приходит при заболевании. По мнению Б.В. Иовлева, Э.Б. Карповой (1999), это может интерпретироваться в контексте теории В.Н. Мясищева как проявление взаимосвязи «система отношений – болезнь». Поэтому психологические механизмы влияния болезни на личность и ее благополучие должны рассматриваться с позиции системы отношений личности в целом с раскрытием субъективного смысла болезни как события в жизни. По нашему мнению, для психолога, работающего в клинике, понимание личностного смысла заболевания в иерархии смыслов и ценностей больного является интегральной задачей психологической диагностики, от решения которой зависит выбор методов психологической коррекции и социальной реабилитации.

Следующий блок задач психологической диагностики в соматической клинике направлен на выявление психологических факторов, участвующих в формировании и развитии патофизиологических процессов и соматических симптомов.

В настоящее время проблема психосоматических взаимоотношений выступает как одна из центральных проблем психологии и медицины. Признание роли психологических факторов в этиопатогенезе многих соматических заболеваний привело к формированию отдельного направления в медицинской науке и практике, получившему название «психосоматическая медицина». В широком смысле психосоматическая медицина рассматривается как наука о взаимоотношениях психических и соматических процессов. В условиях все большей специализации и дифференциации медицинской науки и практики психосоматическая медицина отражает интеграционные тенденции, выступая против односторонних естественнонаучных и органочентрических установок медицины (Бройтигам с соавт., 1999).

Роль психолога в психосоматической медицине та же, что и в других направлениях современной медицины, – участие в диагностике, лечении и реабилитации больных с помощью собственных (психологических) приемов и методов. Однако признание значения психологических факторов в этиологии психосоматических заболеваний, их течения и лечении привносит своеобразие в диагностическую работу психолога в психосоматической клинике.

Это своеобразие вызвано тем, что психологические (психосоциальные) факторы выступают как предикторы психосоматической патологии, и, следовательно, ее этиопатогенез не может быть раскрыт без понимания истории развития личности, условий ее формирования. Вследствие этого психологическая диагностика при психосоматических заболеваниях должна быть нацелена не только на выявление актуальных проблем и механизмов приспособления личности к болезни, социально-психологических условий ее существования в условиях болезни и отражении их в сознании и настроении больного. Не меньшее значение имеет изучение «субъективного» и «объективного» психологического анамнеза (Мясищев В.Н., Феоктистова Е.П., 1930; Личко А.Е., 1983), поскольку только изучение жизненного пути личности позволяет получить целостное представление о ее развитии.

В связи с этим при психосоматических заболеваниях (также как при неврозах и других психогениях), особое значение наряду с экспериментально-психологическим методом приобретает клинико-психологический метод (клинический метод в психологии). Этот метод реализует глубоко индивидуализированный, неформальный и аналитический подход к изучению формирования и существования личности и позволяет осуществлять «позитивную» психологическую диагностику (Карвасарский Б.Д., 1990).

Таким образом, клинико-психологический (биографический) метод, дополненный данными объективного (инструментального) психологического исследования, может предоставить существенную информацию о генезе внутриличностной и социально-психологической проблематики больного, трансформированной по механизмам психосоматических соотношений в симптомы физического неблагополучия, и тем самым способствовать проведению целенаправленной патогенетической, личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии этой категории больных (Исурина Г.Л., 2000).

В заключение необходимо отметить, что в психосоматической медицине существует около 20 теоретических концепций и направлений, выделяющих те или иные этиологически значимые факторы и механизмы развития заболеваний. Обзоры этих концепций представлены в литературе (Исаев Д.Н., 1996; Карвасарский Б.Д., 2002; Менделевич В.Д., Соловьева С.Л., 2002; Овчинников Б.В. с соавт., 2005). Наибольший интерес представляют интеграционные концепции, рассматривающие единство: биологическая предрасположенность (диспозиция) – личность – ситуация. Именно в контексте этих теорий психологическая диагностика приобретает наиболее важное значение, так как способствует углублению представлений о психосоматических взаимоотношениях и выявлению в каждом отдельном случае психологических факторов, способствующих и сдерживающих развитие болезни.

Системный характер рассматриваемой проблемы предполагает выделение определенных взаимосвязанных подсистем психодиагностической информации при исследовании больных соматическими и психосоматическими заболеваниями.

1. Полученные клинико-психологическим путем данные об условиях развития личности больного, формирования его соци-

альных отношений и внутриличностных проблем. Представление о сформированных в этих условиях индивидуальных особенностях личности и межличностного взаимодействия.

2. Оценка актуального психического состояния и реактивно-личностных образований в связи с имеющимся заболеванием и социально-психологическими, профессиональными, семейными и другими факторами, его сопровождающими.

3. Особенности «внутренней картины болезни», ее компонентов; личностный смысл заболевания и роль отношения к здоровью-болезни в системе значимых отношений личности.

4. Комплекс защитно-совладающих со стрессом болезни механизмов – неосознаваемых (МПЗ) и вполне осознаваемых и активных стратегий психологического преодоления (копинга), а также обеспечивающих их внутренних (личностных) и средовых ресурсов.

5. Качество жизни больных как результирующая объективных условий существования личности в условиях болезни и субъективного отражения их в ее самосознании и эмоциональной сфере.

Подводя итог далеко не полного обзора задач психологической диагностики в клинической медицине, следует еще раз подчеркнуть, что в психиатрической клинике основной задачей психологической диагностики является определение структуры и степени выраженности психических расстройств, а также сохраненных сторон психической деятельности больного в их статусе и динамике. Анализ и интерпретацию получаемых данных необходимо проводить в соответствии с утвердившимся в отечественной психологии пониманием психики человека в норме и патологии как динамической системы функций, процессов и состояний (Ломов Б.Ф., 2003). Такой анализ осуществляется в целях постановки функционального (многомерного) диагноза, включающего как клиническую (психопатологическую) квалификацию состояния больного, так и определение его личностных и социально-психологических характеристик для выработки путей психотерапии и социальной реабилитации.

В соматической клинике комплекс задач психологической диагностики направлен на определение психологических факторов, участвующих в формировании и развитии

патофизиологических процессов и соматических симптомов, а также на выявление изменений психической деятельности и социальных позиций больных, связанных с соматическим заболеванием. Такая направленность психологической диагностики определяется современными этиопатогенетическими представлениями о биопсихосоциальной сущности соматических заболеваний. Анализ и интерпретацию полученных психодиагностических данных необходимо осуществлять в рамках этой системной (биопсихосоциальной) модели, что будет способствовать пониманию не только сложных психосоматических и соматопсихических взаимоотношений, но и механизмов адаптации личности к болезни и оптимизации качества жизни больных.

Литература

1. Аммон, Г. *Динамическая психиатрия* / Г. Аммон. – СПб., 1995.
2. Аристова, Т.А. *Сравнительные исследования биологического и психологического компонентов психической адаптации больных невротами и невротоподобной шизофренией: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук* / Т.А. Аристова. – СПб., 1999.
3. Блейхер, В.М. *Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов* / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. – М.; Воронеж, 2002.
4. Боков, С.Н. *Значение исследования аффективности для дифференциальной диагностики невротозов и невротоподобной шизофрении* / С.Н. Боков // *Теория и практика медицинской психологии и психотерапии*. – СПб., 1994. – С. 170–176.
5. Бройтигам, В. *Психосоматическая медицина* / В. Бройтигам, П. Кристиан, М. Рад. – М., 1999.
6. Бурковский, Г.В. *Медико-психологическая прогностическая шкала для определения качества ремиссии при восстановительной терапии больных шизофренией: методические рекомендации* / Г.В. Бурковский, А.Я. Вукс, О.В. Гусева. – СПб., 1995.
7. Вассерман, Л.И. *Концепции реабилитации и качества жизни: преемственность и различия в современных подходах* / Л.И. Вассерман, С.А. Громов, В.А. Михайлов // *Психосоциальная реабилитация и качество жизни*. – СПб., 2001. – С. 103–115.
8. Вассерман, Л.И. *Медицинская психодиагностика: теория, практика, обучение* /

- Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб. – М., 2003.
9. Вассерман, Л.И. *Исулинозависимый диабет как модель психосоматических и соматопсихических соотношений: методология и методы исследования* / Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова // *Вестник клинической психологии*. – 2004. – Том 2. – № 1. – С. 72–83.
  10. Вассерман, Л.И. *Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей* / Л.И. Вассерман, О.Н. Кузнецов, В.А. Ташлыков. – СПб., 2005.
  11. Вассерман, Л.И. *Дискуссионные вопросы концептуализации и методологии исследования качества жизни в медицине* / Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова // *Сибирский психологический журнал*. – 2007. – № 26. – С. 112–119.
  12. Вид, В.Д. *Психотерапия шизофрении* / В.Д. Вид. – СПб., 2001.
  13. Зейгарник, Б.В. *Патопсихология: учебник для студентов ВУЗов* / Б.В. Зейгарник – М., 1986.
  14. Зотов, М.В. *Когнитивные нарушения и возможности их компенсации у больных шизофренией с различной степенью выраженности дефекта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук* / М.В. Зотов. – СПб., 1998.
  15. Иовлев, Б.В. *Психология отношений. Концепция В.Н.Мясищева и медицинская психология* / Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова. – СПб., 1999.
  16. Исурина, Г.Л. *Задачи и механизмы лечебного действия личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии в свете разработки интегративной модели* / Г.Л. Исурина // *Клиническая психология*. – СПб., 2000. – С. 250–261.
  17. Карвасарский, Б.Д. *Клиническая психология* / Б.Д. Карвасарский – СПб., 2002.
  18. Карвасарский, Б.Д. *Медицинская психология и реабилитация: история и современность* / Б.Д. Карвасарский и др. // *Психосоциальная реабилитация и качество жизни*. – СПб., 2001. – С. 203–210.
  19. Коцюбинский, А.П. *Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание* / А.П. Коцюбинский, и др. – СПб., 2004.
  20. Личко, А.Е. *Психологическая диагностика в клинической медицине* / М.М. Кабанов, А.Е. Личко, В.М. Смирнов // *Методы психологической диагностики и коррекции в клинике*. – Л., 1983. – С. 22–38.

21. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды / Б.Ф. Ломов / под ред. В.А. Барабанищкова и др. – М.: Изд-во Московск. психологич. ин-та. – 2003.
22. Мясищев, В.Н. Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза) / В.Н. Мясищев, Е.П. Феохтистова // Труды Лен. пед. института им. А.И.Герцена. – Л., 1930. – С. 142–169.
23. Нуллер, Ю.Л. О парадигме в психиатрии / Ю.Л. Нуллер // Обзорение психиатрии и мед. психологии им. В.М.Бехтерева. – 1991. – № 4. – С. 5–13.
24. Рубинштейн, С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике: практическое руководство / С.Я. Рубинштейн. – СПб., 2004.
25. Садальская, Е.В. Психологические аспекты оценки качества жизни больных психосоматическими расстройствами / Е.В. Садальская, С.Н. Ениколопов // Психосоциальная реабилитация и качество жизни. – СПб., 2001. – С. 321–334.
26. Ташлыков, В.А. Психология лечебного процесса / В.А. Ташлыков. – Л., 1984.
27. Bateson, G. Auf dem Wege zu einer Schizophrenic-Theorie / G. Bateson, D. Jackson, Y. Haley, J. Weakland // Schizophrenie und Familie. – Frankfurt/Main, 1972. – S. 11–42.
28. Brown, G.W. Life events and psychiatric disorders. Part 2: nature of causal link / G.W. Brown, T.O. Harris, J. Peto // Psychol. med. – 1973. – № 2. – P. 159–176.
29. Ciompi, L. The natural history of schizophrenia in long run / L. Ciompi // Brit. J. Psychiat. – 1980. – № 136. – P. 413–420.
30. Doane, J.A. Parental affective style and the treatment schizophrenia: predicting course of illness and social functioning / J.A. Doane, I.R.H. Falloon, M.J. Goldstein, J. Mintz // Arch. Gen. Psychiat. – 1985. – Vol. 42. – № 1. – P. 34–42.
31. Fromm-Reichman, F. Notes on development of treatment of schizophrenia by psychoanalytic psychotherapy / F. Fromm-Reichman // Psychiatry. – 1948. – Vol. 11. – № 3. – P. 263–273.
32. Lidz, Th. The role of the father in the family environment of the schizophrenic patients / Th. Lidz, B. Parker, A. Cornelson // Amer. J. Psychiat. – 1956. – Vol. 113. – № 2. – P. 126–132.
33. Lidz, R. Loslösung aus Symbiotischer Elternbeziehung / R. Lidz, Th. Lidz // Psychotherapie schizophrener Psychosen. – Hamburg. – 1976. – S. 96–100.
34. Zubin, J. Vulnerability – a new view of schizophrenia: a look beyond genetics / J. Zubin, B. Spring // Nerv. Ment. Dis. – 1977. – № 169. – P. 477–492.
35. Zubin, J. The metamorphosis of schizophrenia: from chronicity to vulnerability / J. Zubin, J. Magaziner, S. Steinhauer // Psychol. med. – 1983. – № 13. – P. 551–571.

Поступила в редакцию 30.09.2008.

Щелкова Ольга Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета: I-AM-THE-GOD@yandex.ru.

Olga Yu. Shchelkova. Ph. D., Assistant Professor, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University: I-AM-THE-GOD@yandex.ru.

Научная жизнь

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ»

(г. Челябинск, 9–10 сентября 2008 г.)¹

В сентябре 2008 г. в Челябинске состоялась Всероссийская конференция «Современная психодиагностика в изменяющейся России», организованная на базе факультета психологии Южно-Уральского государственного университета. В её работе приняли участие более 276 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Смоленска, Ярославля, Тюмени, Екатеринбурга и других городов России и ближнего зарубежья.

В задачи конференции входило обозначение наиболее существенных проблем психодиагностики в современной России, обсуждение стратегических линий развития этого направления, а также обобщение отечественного опыта создания психодиагностического инструментария.

Непосредственно перед началом конференции 7–8 сентября 2008 г. в г. Чебаркуль Челябинской области, на озере Еловое, был проведён тематический семинар «Актуальные проблемы современной психодиагностики», уже получивший в народе название «чебаркульский». В его работе приняли участие *Н.А. Батурина* (Челябинск), *Л.Ф. Бурлачук* (Киев), *А.Г. Шмелев* (Москва), *С.Б. Малых* (Москва), *С.А. Маничев* (Санкт-Петербург), *В.Е. Орел* (Ярославль). На семинаре рассматривались такие вопросы, как психодиагностический потенциал России, возможности создания профессионального сообщества, формирования банка отечественных методик, а также повышения общей культуры психодиагностической работы. Здесь же обсуждались организационные вопросы, связанные с созданием структур, призванных способствовать решению поставленных задач, создание системы сертификации психодиагностов-пользователей, психодиагностических методик и услуг; в связи с проблемами психодиагностики затрагивались вопросы этического кодекса психологов-психодиагностов,

обсуждался Меморандум фирм производителей.

Обозначенные на тематическом семинаре вопросы содержательно были развиты на конференции 9–10 сентября 2008 г. в Челябинске.

Пленарное заседание открыл доклад *Н.А. Батурина* (Челябинск) «Современная психодиагностика в России», в котором была обозначена проблема кризиса психодиагностики в России, выделены признаки и причины такого кризиса. Среди них: ничтожно малое количество в России психологов – профессиональных разработчиков тестов; недостаток полноценных отечественных методик, таких, которые могли бы на равных конкурировать с известными зарубежными методиками; низкая психодиагностическая и, особенно, психометрическая культура психологов-пользователей тестов; порочная практика свободного распространения психодиагностических методик, сложившаяся у нас в стране. В докладе также были отмечены пробелы в психодиагностической подготовке специалистов-психологов. В частности: недостаточное количество серьёзных отечественных учебников по современной психодиагностике, отсутствие в программах магистратуры и аспирантуры курса «Психометрика», а главное отсутствие направлений подготовки в магистратуре и аспирантуре, формальные сложности, касающиеся защиты вновь разработанных методик в диссертационных советах.

Острую тему кризиса психодиагностики продолжил *Л.Ф. Бурлачук* (Киев) с докладом «Психодиагностика сегодня: решение, проблемы, перспективы», где рассматривались возможные стратегии развития психодиагностики, обсуждались имеющиеся ресурсы и вероятные риски. Ставился полемический вопрос о целесообразности адаптации зарубежных методик или же необходимости делать ставку на создание собственных методик.

¹ Конференция проводилась при финансовой поддержке РГНФ № 08-06-85682г/У.

Организационные вопросы были подняты *С.А. Маничевым* (Санкт-Петербург). В своём докладе «Система сертификации практических психологов, продуктов деятельности и услуг» он изложил принципы и задачи сертификации в области психологических услуг, ознакомил слушателей с уже имеющимися документами и структурами, обозначил области, требующие дальнейшей разработки. Доклад «Методы оценки уровня профессиональной подготовки психологов-диагностов» был представлен *А.Г. Шмелевым* (Москва). В качестве основных методов сбора информации о подготовке психолога-диагноста, зарекомендовавших себя в мировой практике, были обозначены: портфолио, стандартизированные, объективированные испытания и собеседование с участием экспертной комиссии. В докладе была подчеркнута сложность процедуры оценки профессионализма психодиагностов, связанная с наличием ряда компетенций, которые невозможно оценить с помощью стандартизированных тестовых технологий. Как теоретическое развитие поставленных проблем прозвучал доклад *Л.Я. Дорфмана* (Пермь) «Эмпиризм и научный реализм в современной научной психологии».

Работу первого дня конференции продолжили открытые лекции. В своём выступлении «История развития психодиагностики в России и СССР» *Л.Ф. Бурлачук* (Киев) представил развёрнутый исторический экскурс развития психодиагностики в нашей стране. Для слушателей были приоткрыты некоторые, казалось бы, потерянные страницы истории, факты, о которых долгое время умалчивалось, имена, которые были «забыты» по идеологическим соображениям. Такой экскурс позволил показать неслучайность возникающих в настоящее время проблем и закономерность сегодняшнего состояния психодиагностики в России. Большой интерес вызвала лекция *А.Г. Шмелева* (Москва) «Об имущественных правах авторов в психодиагностике: при каких условиях все-таки выгоднее платить авторам, чем не платить?». Слушатели были посвящены в правовые тонкости и нюансы, касающиеся прав разработчиков методик, интернет-технологиям прямого контакта разработчиков и пользователей психодиагностических методик.

Итогом первого дня конференции стала презентация Компендиума психодиагностических методик, представленного лаборато-

рией Психодиагностики Южно-Уральского Государственного Университета. В Компендиуме собраны более 600 отечественных методик, включая период с 1907 по 2007 гг., многие из которых впервые стали достоянием широкого круга читателей.

Во второй день конференции работали семь секций, и был проведён круглый стол, касающийся проблем сертификации психодиагностических методик, пользователей и услуг.

Работа секции «Современные технологии создания психодиагностических средств» (рук. *Н.А. Батури* и *С.А. Маничев*) была сконцентрирована вокруг двух главных задач: первая – это ознакомление с авторскими разработками последних лет; вторая – критическое осмысление новых методов и средств, применяемых отечественными психологами при разработке психодиагностического инструментария. Проблему точности профессиональной оценки, как метода психодиагностики поставил *Н.А. Батури* (Челябинск). В докладе были изложены базовые представления об оценке и намечены подходы к управлению точностью профессиональной оценки посредством специального обучения оценщиков. Вопросам повышения точности профессиональной оценки также были посвящены выступления *И.В. Выбойщик*, *Н.Н. Мельниковой* и *Д.М. Полева* (Челябинск). На секции также были представлены новые авторские методики. Среди них: Пермский вопросник Я (*Л.Я. Дорфман*, Пермь), методика диагностики эмоционального интеллекта (*Л.Г. Матвеева* и *Д.В. Горшенин*, Челябинск), методика диагностики честности (*А.А. Бормотов*, Челябинск), нетестовая методика диагностики интеллекта (*С.В. Ярошевская*, Москва). В выступлениях акцент делался на новизну, внесённую авторами в процесс разработки методик, неординарность постановки диагностических задач, нестандартность теоретических подходов. Слушатели секции получили интересный опыт ознакомления с оригинальными авторскими разработками.

Секцию «Психодиагностика личности и её развития» (рук. *Е.Л. Солдатова* и *Е.Л. Доценко*) открыл *Е.Л. Доценко* (Тюмень), который отметил сложность задач диагностики личности и неоднозначность исследуемых феноменов, в связи с чем подчеркнул важность понимания автором специфики используемого диагностического подхода и необходимость уточнения предмета диагно-

стики. Среди докладов, представленных на секции, были сообщения, в которых излагались особенности создания и результаты психометрической проверки авторских методик. С методиками направленными на диагностику личности, переживающей нормативный кризис развития, познакомили слушателей *Е.Л. Солдатов* и *И.А. Шляпникова* (Челябинск). Валидизации методики изучения глобального отношения к себе и Миру посвящено выступление *Е.В. Гудковой* (Челябинск). Доклад, раскрывающий особенности интервью, как метода диагностики религиозной личности, представил *М.В. Чумаков* (Курган). В сообщении *А.М. Коробовой* (Челябинск) обсуждались особенности диагностики личности в семейном консультировании. Завершил секцию доклад *Л.С. Рычковой* (Челябинск), которая обратилась к методологическим принципам полипрофессионального подхода в исследовании личности ребенка с интеллектуальными нарушениями.

Секция «*Разработка технологий психодиагностики динамики личности и группы*» (рук. *В.Г. Грязева-Добшинская* и *В.Е. Орел*) начала работу с обсуждения психометрических и правовых проблем разработки и распространения авторских психодиагностических методик, которые обозначил *В.Е. Орёл* (Ярославль). Далее на секции были представлены разработки технологий психодиагностики динамики личности и группы, выполненные под руководством *В.Г. Грязевой-Добшинской* (Челябинск). В докладах рассматривались такие вопросы, как интеграция методов проекции и психосемантики (*В.Г. Грязева-Добшинская*), психометрические проблемы исследования динамики мотивации творчества (*Н.В. Маркина*, Челябинск), исследования эффектов личностных воздействий в группе (*Е.И. Наливайко*, Челябинск), диагностика развития личности как субъекта культуры (*А.С. Мальцева*, Челябинск), прогноз толерантности к творческой личности (*Н.Ю. Бакунчик*, Челябинск). На секции также обсуждались психометрические проблемы новых психодиагностических методик: исследования системно-динамических тенденций в группе и динамики амбивалентных переживаний Я (*П.С. Глухов*, *А.Е. Иванов*, Челябинск).

Заседание секции «*Актуальные вопросы психодиагностики в клинической психологии*» (рук. *М.А. Беребин*) проводилось совместно с заседанием общества врачей-психотерапевтов и медицинских психологов

учреждений здравоохранения Челябинской области. В интерактивном режиме прозвучали доклады *О.Ю. Щелковой* и *К.Р. Червинской* (Санкт-Петербург), где обсуждались задачи психологической диагностики в клинической медицине и принципы извлечения экспертных знаний на моделях медицинской психодиагностики. Представленные в этих докладах направления получили развитие в сообщениях сотрудников кафедры клинической психологии ЮУрГУ и медицинских психологов, работающих в лечебных учреждениях Челябинска и области. С «табличным» методом дифференциальной психодиагностики органического расстройства личности при военной экспертизе познакомила слушателей *А.Ю. Рязанова* (Челябинск). Судебно-психологической экспертизе критичности у подростков был посвящён доклад *К.В. Мецераковой* (Челябинск), а диагностике синдрома гиперактивности – сообщение *Е.С. Правило* (Челябинск). С особенностями психометрической оценки в нейропсихологической диагностике дошкольников познакомила слушателей *А.В. Астаева* (Челябинск).

Работа секции «*Психодиагностика способностей и интеллекта*» (рук. *Л.Г. Матвеева* и *С.Б. Малых*) строилась вокруг обсуждения вопроса об особенностях диагностики когнитивных способностей у детей и взрослых. Было высказано мнение, что применяемые для этих целей диагностические программы должны содержать достаточно четкие критерии их дифференциации. В рамках работы секции была продемонстрирована компьютерная программа диагностики когнитивных способностей (*О.А. Драганова*, Санкт-Петербург). На секции также рассматривались вопросы разработки коррекционных программ для детей и взрослых, основанных на данных психодиагностического обследования. Обсуждение коснулось и проблемы применения методов диагностики когнитивных способностей с целью отбора кадров.

Секция «*Психодиагностика в профессиональной деятельности и бизнесе*» (рук. *Н.Н. Мельникова* и *А.Г. Шмелев*) имела выраженную практическую направленность. Актуальные задачи психодиагностики в современных организациях выделила в своём докладе *И.М. Марковская* (Челябинск). Опыт работы в рамках компетентностного подхода был представлен в сообщении *Ю.В. Всемировой* (Челябинск). Сложные вопросы, касающиеся ошибок профессионального оце-

нивания и обучения оценщиков, обсуждались в выступлениях *Г.В. Карлышева* и *Д.М. Полева* (Челябинск). Доклады вызвали бурную дискуссию участников, в ходе которой обсуждались вопросы координации действий и налаживания конструктивного диалога психолога-диагноста и заказчика-предпринимателя, была поставлена проблема активного формирования запроса со стороны психолога, необходимость обозначения психологом собственной позиции и роли при работе с бизнес-структурами. В ходе дискуссии обсуждались также этические вопросы, касающиеся представления результатов диагностики заказчику.

Секцию «*Современные проективные методики*» (рук. *В.Г. Грязева-Добшинская* и *Л.Ф. Бурлачук*) открыл доклад *Л.Ф. Бурлачука* (Киев), посвящённый истории и перспективам развития проективной психодиагностики. Вопросы психометрической обоснованности проективных тестов затронула в своём выступлении *Т.С. Чуйкова* (Уфа). Несколько докладов были посвящены использованию теста Роршаха в научных исследованиях различной тематики. С данными исследований творческой активности и креативных ресурсов с помощью теста Роршаха познакомили слушателей *В.Г. Грязева-Добшинская*, *Е.И. Наливайко*, *Н.Ю. Бакунчик*, *А.С. Спасивцева* (Челябинск); изучению типа переживаний и их соотношений с различными личностными и культурными феноменами были посвящены сообщения *Н.В. Маркиной* и *Н.Н. Ульяновой* (Челябинск).

Во второй половине дня состоялся круглый стол «*Сертификация психологов-пользователей, методик и услуг*» (рук. *Н.А. Батурин*, *С.А. Маничев*, *А.Г. Шмелёв*), где обсуждались вопросы, связанные с внедрением системы сертификации в России. В ходе дискуссии были выделены как положительные моменты сертификации, так и возможные негативные эффекты. Было высказано мнение о том, что введение системы сертификации может стимулировать повышение качества психодиагностических услуг, и, как следствие, изменение общего отношения к психодиагностике в положительную сторону. Однако, отмечалось, что сертификация не должна ограничивать права специалистов, в связи с чем подчёркивался добровольный принцип этой процедуры. В рамках круглого стола обсуждались также финансовые и организационные вопросы процедуры сертификации.

По итогам конференции были приняты следующие решения:

1. Для обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов в области психодиагностики обратиться в УМО университетов для введения в число программ магистратуры направления «Психодиагностика». Выступить с обращением в Министерство образования и науки о введение в аспирантуре специальности Психодиагностика, а в перспективе выйти с предложением в ВАК РФ о восстановлении в числе научных специальностей специальность «Дифференциальная психология и психодиагностика».

2. Проводить разъяснительную работу среди психодиагностов пользователей о том, что распространённые в России зарубежные методики (шкалы Векслера, ММРІ, СРІ, Амтхауэр и др.), во-первых, давно устарели, во-вторых, по своему происхождению в России являются контрафактными. В связи с этим необходимо продолжить разработку отечественных методик и доведение уже разработанных методик до уровня международных требований. Для введения в практику использования зарубежных тестов получать юридически оформленные права на адаптацию, стандартизацию и использование от обладателей прав на данную методику, а затем доводить ее характеристики до соответствия международным правилам адаптации, разработанным ИТС.

3. Обратиться к издателям психодиагностических методик в России с требованием о соблюдении правил издания и распространения методик в соответствии с Постановлением Президиума РПО от 04.07.2008 г.

4. Для приведения в соответствие современному уровню знаний и умений, получаемых студентами факультетов психологии университетов, просить

УМО по психологии поручить авторитетным специалистам в области психодиагностики пересмотреть Программы по курсам Психодиагностика и Практикуму по психодиагностике при подготовке бакалавров, специалистов и магистров по психологии. Рекомендовать университетам ввести учебные курсы по «Современной психодиагностике», со специфическим содержанием, при подготовке специалистов к работе в различных сферах практической деятельности (образование, бизнес, клиническая психология).

*Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова,
А.Г. Шмелёв*

Официальные документы

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ОТ 04.07.2008 г.

На основании решений Международной комиссии по психологическим тестам и в соответствии с нормами Этических кодексов психологов большинства стран Президиум РПО принял решение, обратится с рекомендацией:

1. Всем авторам и издательствам, выпускающим профессиональную (научную и научно-методическую) литературу по психологии (журналы, книги, пособия, брошюры), воздержаться от опубликования в свободно-распространяемых изданиях полных текстов профессиональных психодиагностических методик (то есть, методик, предназначенных для оказания профессиональных психодиагностических услуг), ключей для обработки результатов и норм для их интерпретации, поскольку это ведет к несанкционированному и непрофессиональному использованию методик, приводит к неадекватным результатам (в связи с рассекречиванием методик для потенциальных испытуемых), нарушает права человека, может нанести вред здоровью и психическому благополучию обследуемых. Исключение составляют публикации открытых и развлекательных методик, авторы (или издатели) которых в примечании к самой публикации заявляют, что данные методики ориентированы исключительно на самопознание испытуемых и не могут использоваться в качестве инструментов оказания профессиональных психодиагностических услуг.

2. Всем фирмам и организациям, издающим психодиагностические методики (тесты), рекомендуется приступить к созданию системы персональной регистрации покупателей психодиагностических методик, которые в соответствии с международными нормами в ближайшем будущем должны распространяться в России только среди профессионально-подготовленных пользователей – по принципу «персональных продаж» (с ведением либо архива лицензионных соглашений, как это принято при распространении компьютерных программ, либо реестра заказчиков). В будущем – после соз-

дания, апробации и введения Системы сертификации в области психодиагностики – методики должны продаваться (или передаваться безвозмездно) только психологам, или уже сертифицированным соответствующими органами сертификации РПО, или работающим под руководством (в режиме научно-методической опеки – «супервизии») сертифицированных психологов. Временно (до конца 2009 года – до развертывания системы сертификации) методики рекомендуются продавать и несертифицированным пользователям, но имеющим психологическое образование. Каждый факт продажи крайне желательно фиксировать в специальном журнале с указанием Ф.И.О., номера диплома и названия вуза или номером сертификата психодиагноста-пользователя. До выхода соответствующего дополнения в нормативно-правовой базе издательской деятельности в РФ РПО обращается пока с этими рекомендациями лишь к организациям, которые возглавляют профессиональные психологи, члены РПО.

3. Всем членам РПО, являющимся разработчиками психодиагностических методик, рекомендуется не передавать для публикации в открытой, в том числе и в специализированных психологических изданиях, тестовые материалы, ключи для обработки результатов и нормы для их интерпретации. Допустимо публиковать лишь образцы тестовых заданий, а также образцы интерпретации результатов.

4. Всем издателям литературы и профессиональных психодиагностических методик в связи с вступлением в силу с 1 января 2008 г. Закона об охране интеллектуальной собственности (Закон РФ о введение в действие IV части Гражданского кодекса РФ), рекомендуется запросить официальное разрешение (или заключить лицензионное соглашение) у зарубежных и отечественных правообладателей, их наследников или разрешения фирмы-издателя, обладающей соответствующими правами на выполнение работ по адаптации и стандартизации тестов

и дальнейшее их распространение на территории России (Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву и Соглашение ВТО о торговых аспектах права интеллектуальной собственности, вошедшие в 4-ю часть ГК РФ).

В будущем к нарушителям профессионально-этических норм Президиумом РПО планирует предпринимать санкции, лежащие в рамках полномочий РПО как профессионального союза психологов в Российской Федерации и находящиеся в полном соответствии с международными нормами:

- публиковать списки нарушителей в издаваемых РПО журналах, на специальных разделах официального сайта РПО, на сайтах Экспертного совета РПО и Национального института сертификации психологов;

- прекращать рассматривать просьбы издательств-нарушителей о присвоении грифа УМО учебникам и учебным пособиям, планируемыми или к изданию;

- отказывать авторам-разработчикам психодиагностических методик, нарушаю-

щих данное Постановление, в сертификации их методик в органах сертификации РПО;

- отказывать в прохождении сертификации пользователям профессиональных психодиагностических методик, работающих с методиками, опубликованными с нарушением правил, описанных в настоящем Постановлении. После 2009 года в органах сертификации для подтверждения Сертификата будут приниматься лишь заявления от психологов, способных предъявить персональное лицензионное соглашение – либо собственное, либо супервизора – на право пользования определенной методикой от разработчика и(или) распространителя (издателя) методики.

Комиссии по Психодиагностике Экспертного совета РПО разработать и предложить на утверждение Президиума Профессионально-этический стандарт психодиагностов», а также «Меморандум фирм-изготовителей психодиагностических методик».

Президент Российского психологического общества, доктор психологических наук, профессор Ю.П. Зинченко

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A. Russian contemporary psychodiagnostics.

The article is devoted to analysis of situation formed in Russian psychodiagnostics that is designated as crisis by competent Russian psychologists. In research the attempt to analyze the crisis causes is made and five basic causes are marked out. For crisis overcoming it were suggested some organizational measures and intensional operations that require eager activity from psychological community.

Keywords: Psychodiagnostics, crisis, cause analysis, way out.

Belova A.P., Makykh S.B., Sabirova E.Z., Lobaskova M.M. Children depression inventory as a tool for adolescents depression estimation on russian community sample.

The aim of the present study was to conduct adaptation and standardization of Children Depression Inventory (CDI by M.Kovach) on Russian community sample. 826 teenagers aged 13–17 from Moscow, Bishkek and Izhevsk had participated in the survey. The standardized CDI had shown high internal consistency ($\alpha=0.874$) and was proved to be a reliable tool for adolescents depressiveness estimation. Increasing of total CDI scores with age was shown for adolescent girls and decreasing for adolescent boys.

Keywords: teenager depression, adaptation, standardization.

Berebin M.A., Astaeva A.V. On the issue of the quality and the psychometric approaches in modern neuropsychological diagnostic.

The article covers the methodological problem of the characterization and classification methods of psychological assessment. In article defined the particularly of domestic and foreign paradigms to neuropsychological assessment. We considered the problem of psychometric approach to medical psychodiagnostics, made the task of increasing psychometrical building by techniques of neuropsychological diagnostic.

Keywords: neuropsychological assessment, psychometrical approach.

Vyboyshchik I.V. Evaluation style as a factor of accuracy of evaluation.

The brief definition and the key features of evaluation style which confirm the necessity of its studying are considered in the article. The brief definition of evaluation style diagnostics method is given. The description of personality features and evaluation peculiarities of people with preferences to evaluation modes, which determine evaluation accuracy is adduced.

Keywords: evaluation style, evaluation modes, preference and distortion in evaluations, accuracy of evaluation, adaptive functions, criteria of training selection and training efficiency, diagnostics methods, personality features, evaluation peculiarities.

Gryaseva-Dobshinskaya V.G.

Technologies of psychodiagnostics of the dynamics of a personality and a group on the basis of methods of projection and psychosemantics.

Possibilities of methods of projection and psychosemantics for the working out of methods of psychodiagnostics of the dynamics of a personality and a group are discussed in the article. A short review of the author's psychodiagnostic technologies used in experimental research of dynamics of a personality and a group is given. A variative principle of experimental programmes building, stipulating the specificity of psychodiagnostic technologies is considered. Psychometric problems of methods, in particular the use of hyperbolic distribution are analysed.

Keywords: method of projection, method of psychosemantics, technologies of psychodiagnostics of dynamics of person and a group, variative principle of experimental programmes building, hyperbolic distribution.

Dorfman L.Ya. Observable and theoretical entities in psychological measurements.

It is outlined some issues of psychological measurements referred to observable and unobservable (theoretical) entities. From scientific realism and scientific instrumentalism perspectives it put forward the extent to which a scientific concept (that leads to measurements) and an empirical generalization (based on measurements) may be considered as theoretical (unobservable) entities. Of particular importance with respect to the unobservable (theoretical) entities are their considerable states. The basic theo-

---

retical overdetermination argument is introduced. It focuses on excessive meanings of a scientific concept as compared to measurements that depart from the concept containing a meaning solely. Either an application of the basic empiricist underdetermination argument to measurements is proposed.

Keywords: measurement, observable entities, unobservable (theoretical) entities, the basic theoretical overdetermination argument, the basic empiricist underdetermination argument.

Manichev S.A. Professional standards for certifications in the field of psychology.

The purpose of certification is to assure the public that individuals who practice an occupation or profession have met certain standards. This paper describes professional standard of psychologists working in independent practice. The standard is based on established scientific criteria for psychology as a science and profession. Introduction of system of certification would guarantee the quality of psychological services provided within Russian Federation.

Keywords: recognition of professional qualifications, Certification, Professional standard, Job Analysis, Standards of competence.

Ushakov D.V. Modern technologies and objectivity of psychological assessment.

Nowadays the test taker, especially in an assessment situation, can often avoid objective results: questionnaires' aims are often easily understandable and intelligence tests can be found and learned before testing. The article discusses modern technologies aimed at solving this problem: computer generated tests, psychophysiological assessment, and speech assessment.

Keywords: objectivity of assessment; computer generated tests, psychophysiological assessment, speech assessment.

Chervinskaya K.R. The psychological conception of expert knowledge elicitation on models of medical psychodiagnosis.

This paper represents a generalization of investigations in the field of knowledge engineering concerning the questions of knowledge elicitation and modeling of expert thinking, and it reflects our experience gathered in the process of the development of expert systems in the fields of medical psychodiagnosis. The methodology of building models of interpretation the results of testing in the field of medical psychodiagnosis are founded on the conception of expert-psychologist knowledge elicitation. This paper represents the structure of expertise, the phenomenology of expert knowledge explication as systematization and description eight phenomenon's to appear in the course of interaction between knowledge engineer and expert. The phenomenology of expert knowledge explication forms the basis of description the conception of expert-psychologist knowledge elicitation in the following way: communicative, operational-instrumental and processual aspects. To illustrate the theoretical theses the process of the development the model of interpretation the results of testing for the computer psychodiagnostic test «The Semantic Differential of Time» are examined.

Keywords: knowledge engineering, medical psychodiagnosis, expert systems, phenomenology of expert knowledge explication.

Shchelkova O.Yu. The tasks of psychological diagnosis in the clinical medicine.

The article presents the chief tasks of psychological diagnosis in the psychiatric and somatic clinic. The main attention is concentrated on the new tasks of investigation of quality of life, adaptation personality to the illness, prognosis of effectiveness of rehabilitation therapy on the basis psychosocial characteristics of the patients. The connect between psychological and clinical diagnosis is considered. The way of psychodiagnosis in the somatic clinic is presented.

Keywords: psychological diagnosis, psychiatric clinic, somatic clinic, differential diagnosis, rehabilitation, adaptation, quality of life.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ MS Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы и должность для всех авторов работы, контактная информация ответственного за подготовку рукописи).

2. Структура статьи: название (не более 12–15 слов), список авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов, текст работы, литература (ГОСТ 7.1–2003). Внутри работы должны иметься ссылки на литературу (в круглых скобках). После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 11 pt. Отступ красной строки 0,8 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Формулы. Стиль математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 11 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки все черно-белые. Если рисунок создан не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции Вестника ЮУрГУ, серия «Психология»: Россия 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, Факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestnik@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «научные исследования», «издательская деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 32 (132) 2008

**Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 2**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 01.12.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,89. Тираж 500 экз. Заказ 452/502.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.